

В. Л. ВЕЛИЧКО

КАВКАЗЪ

В. Л. ВЕЛИЧКО

РУССКОЕ ДЪЛО

И

МЕЖДУПЛЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы.—Баку: «Элм», 1990—224с.

Книга «Кавказ» видного русского ученого, журналиста и историка В. А. Величко одна из ценнейших реликвий русской культуры. Она представляет большой научный интерес.

Издательство «Элм» луществляет выпуск исторических книг из серии «История и культура народов СССР». Книга «Кавказ»— первое издание из этой серии.

Хотя в этой работе приводится ряд нелестных отзывов о коренных жителях Кавказа, в том числе и об Азербейджанцах, издательство сочло возможным довести книгу «Кавказ» до широкого круга читателей в факсимальном издании.

по заказу «Азеркитаба»— 90
Издательство «Элм» 1990 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

В. Л. ВЕЛИЧКО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Съ портретомъ-гелюгравюрой автора

Издание М. Д. Муретовой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Артели Печатнаго Дѣла, Невский пр., 61
1904

Первые листы этой книги были напечатаны при жизни Василия Львовича Величко, смерть помешала ему довести до конца дело, на которое он смотрел, как на одну из важнейших принципиальных задач своих, и мысль о том, что многолетний, глубоко выстраданный труд останется неоконченным, волновала его до последней минуты. Исполняя выраженную им предсмертную волю, мы довели печатание книги до конца, при участии лица, долго работавшего совместно с Василием Львовичем по Кавказским вопросам и основательно ознакомленного с взглядами и планами покойного. Основой для книги служит ряд статей, печатавшихся в «Русском Вестнике»; первые четыре главы тщательно разработаны самим автором, а остальные пополнены нами по мере сил и снабжены примечаниями, почерпнутыми из оставленных В.Л.Величко материалов. Часть этих последних помещаем в конце книги в виде «Приложения». Не имея, к несчастью, возможности обогатить книгу всем тем, что дал бы ей сам автор, мы поставили себе задачей не поместить ни одной строки, им не подготовленной или хоть сколько-нибудь расходящейся с его мыслями.

Изд.

1. Введение.

Какое доселе волшебное слово — Кавказъ! Как вѣет от него неизгладимыми для всего русскаго народа воспоминаніями; как ярка мечта, вспыхивающая в душе при этом имени, мечта непобедимая ни пошлостью вседневной, ни суровым расчетом! Есть ли в России человек, чья семья несколько десятилетий тому назад не принесла бы этому загадочному краю жертв кровью и слезами, не возносила бы к небу жарких молитв, тревожно прислушиваясь к грозным раскатам богатырской борьбы, кипевшей вдали?! Снеговенчанне гиганты и жгучіе лучи полуденнаго солнца, и преданія старины, проникнутые глубочайшим трагизмом, и лихорадочное геройство сынов Кавказа — все это воспето и народом, и вещими выразителями его мирозерцанія, вдохновленными светочами русской идеи, — нашими великими поэтами.

Кавказъ для нас не может быть чужим: слишком много на него потрачено всяческих сил, слишком много органически он связан с великим мировым призваніем, с русским делом.

В виду множества попыток (большею частью небескорыстных) сбить русское общество с толку в междуплеменных вопросах, необходимо установить раз и навсегда жизненную, правильную точку зренія на русское дело вообще. У людей, одинаково искренних, могут быть различные точки зренія. Одни считают служеніе русскому делу борьбой за народно-государственное существованіе и процветаніе, борьбой, не стесненной никакими заветами истории, никакими нормами нравственности или человечности; они считают, что все чужое, хотя бы и достойное, должно быть стерто с лица земли, коль скоро оно не сливается точно, быстро и бесследно с нашей народно-государственной стихіей. Этот жестокий взгляд я назвал бы германским, а не русским. Он противоречит мировому идеалу России и подрывает одну из надежнейших основ ье духовнаго, а стало быть, и политическаго могущества.

Другіе впадаютъ в противоположную крайность: они готовы поступиться всем русским в пользу таго, что нарушает наше единство, подтачивает нашу государственную силу, да и само по себе представляет явленіе отрицательное. Это взгляд «школы» непротивленцев с мнимо-национальной программой, истинными руководителями или закулисными вдохновителями которой являются, конечно, *не русскіе люди*. Такое непротивленіе инородным обособляющимся злым силам, даже в тех редких случаях, когда оно бескорыстно, возможно лишь в ущерб жизненности русскаго патриотизма и нисколько не оправдывается обычным в таких случаях рассужденіем на тему о том, что мы — великий и сильный народ. Великий народ, — и потому прикажете позволять, кому вздумается, посягать на хлеб детей наших, на жизненные силы меньшей братии, подвергать поруганію наши святыни и давать обособляющимся инородцам ездить верхом на слабых и уступчивых носителях русскаго дѣла?! Доколе будут отождествлять понятіе великаго с понятіем глупаго, слабаго и беспринципнаго?!

Правильна, справедлива и, вместе, практична только нижеследующая, третья точка зренія. Великий и сильный не глядит на жизнь сонными глазами, а *во благовремении водворяет жизненную правду*, развивает свою собирательную или единичную личность, во всеоружии заветных преданій прошлаго, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Великий

и сильный не довольствуется шаблонами и кличками, прикрывающими понятия ложные, расплывчатые или пестрые. Он обязан сжать усилием ума ленивую расплывчатость, обязан разобраться въ красках и оттенках пестрой картины.

Если доселе пестрый Кавказъ является мучительной загадкой для наших образованных классов, то значит, они не велики и не сильны, они не вполне освободились от рабства чужих слов и понятий, от гнета упомянутой выше и, увы, типично русской ленивой расплывчатости. Недавнѣе возникновеніе, и, главное, независимое от посторонних фальшивых и лукавых влияний развитіе Русскаго Собранія подтверждает правоту моих слов, а вместе съ тем сверкает ярким лучом надежды на близость лучших дней, на подъем русской прозорливости, русской вдумчивости и духовной силы.

Наши солдаты, а за ними и народ, назвали Кавказъ «погибельным», потому что покореніе его было сопряжено съ невероятным напряженіем героизма и тяжкими жертвами. Но на эти жертвы народ наш не скуп: мертвые сраму не имут и подвиги увенчаны славой. «Погибельность» Кавказъ приняла иную форму, быть может, роковую, а, может быть, и полезную въ итоге, раскрыв внутренніе язвы нашей жизни, немощи нашего духа, ошибки и грехи нашей окраинной политики, даже смутность и неустойчивость государственно-национальнаго мирозерцанія у многих русских людей, как служилых, так и берущих на себя смелость влиять на общество посредством печати.

Кавказъ — огромная академия со всевозможными естественными лабораториями, открывающая наблюдателю и исследователю широкое поприще для самостоятельных выводов. Особенную ценность представляет он для социолога и, въ частности, для представителя государственной науки, столь мало распространенной, — увы! — даже въ наших правящих классах, которым пора бы *сознательнѣе* относиться к своим обязанностям перед родиной и Государем, а не смотреть на жизнь съ точки зренія 20-го числа. Явленія жизни и человеческіе характеры на Кавказѣ чрезвычайно выпуклы, даже когда они, вместе съ тем, сложны. Особенный интерес представляет сплетеніе, а иногда и полное совпаденіе вопросов расовых съ социально-экономическими. Этой особенностью Кавказской жизни обуславливается немалая трудность управленія краем и контроля над работой местных органов власти, то взаправду, то притворно не понимающих практическаго значенія своеобразных основ тамошняго общественнаго склада и быта.

Чтобы взглянуть въ корень главнейших вопросов и явлений, надо хотя бы въ общих чертах ознакомиться съ прошлымъ.

2. Характеръ прошлаго

Прошлое Кавказскаго края представляет собой картину не менѣе пеструю, чем его естественные условия и многаплеменный состав населенія. Обобщенія положительнаго характера при таких условиях весьма затруднительны, и сколько-нибудь яркими красками можно отметить лишь некоторые, наиболее наглядные черты этаго прошлаго, вдобавок, отрицательные съ культурной точки зренія.

Во-первых, Кавказъ *никогда не имел покоя*, ни внутреннего, ни внешнего. Он был въ теченіе многих веков одним из путей для воинственных вторженій Азии въ Европу; каждое из проходивших по его горам и долинам племен, смывая своей волной те или иные зачатки местной культуры, оставляло взамен таго собственный след, преимущественно дурной, ибо вторгающіеся племена ни съ кем и ни съ чем не церемонятся. съ другой стороны, сильно пересеченная местность, богатая тущобами непроходимыми и высотами недостижимыми, при условии значительнаго климатическаго, почвеннаго и племеннаго разнообразія, не могла стать территоріей крепко объединеннаго и культурно развитаго государства. въ горных дебрях жили и доселе живут многіе мелкіе племена, разнообразные по происхожденію и зачаткам расовых культур, находившіеся между собой въ постоянной борьбе, но так или иначе объединенные, съ точки зренія биологической, сходными условиями природы, хозяйства, образа жизни и религиозной подпочвы, которая, независимо от различія формальных исповеданій, заключается въ стихийном поклоненіи грозным силам природы, покорившей себе человека, его помыслы, характер и верованія. Эти люди *не могли создать государства*, ибо малоспособны к

государственности вообще, которой, кстати сказать, на пересеченных высотах мудрено достигнуть сильного развития, коль скоро некоторые ущелья бываютъ на семь или восемь месяцевъ въ году отрезаны от остальнаго мира то снегами, то водами.

Южныя главнаго хребта, въ западном ЗаКавказьѣ поселилось съ незапамятныхъ временъ картвельское племя (грузины, имеретины, гурийцы, мингрельцы, лазы, аджарцы, кобулетцы и др. разновидности); это племя, объединившѣся на краткіе сроки въ средніе века, въ остальное время было разрознено. въ восточном ЗаКавказьѣ — племена съ тюрко-монгольско-иранской кровью и армяне, народъ невыясненнаго происхожденія с, несомненно, значительной примесью еврейской, сиро-халдейской и цыганской крови.

Изъ всехъ этихъ племенъ наибольшую способность къ государственности проявили грузины, но и им не удалось создать государство въ полномъ смыслѣ этого слова. Мешала тому, во-первыхъ, орография страны, открывавшая широкій просторъ феодальному обособленію; во-вторыхъ, серьезнымъ препятствіемъ служила хроническая анархія извне: налетали неожиданно дикіе орды, столь многочисленныя, что отпоръ былъ не всегда успешен; отъ вторженій оставались надолго печальныя послѣдствія и вся жизнь страны была подвержена постояннымъ случайностямъ. Отсюда — резко бросающѣся въ глаза, почти повсеместное въ ЗаКавказьѣ *отсутствіе домовитости и комфорта*, плодовъ долгаго мира. Даже у крупныхъ помещиковъ лишь за самое послѣднее время стали появляться хорошо обставленныя усадьбы. въ общемъ, жизнь доселе носитъ слѣды бивачнаго характера: такъ крепка исторически сложившаяся привычка ожидать вооруженнаго нападенія, скрывать или увозить имущество; многовековая привычка, ставъ чертой характера, мешаетъ, конечно, и поныне расцвету мирной культуры и развитію такъ называемыхъ буржуазныхъ добродѣтелей.

Климатическіе условія и, въ частности, разнообразная по симптомамъ, но почти повсеместная въ ЗаКавказьѣ малярія — тоже крупная помеха въ прошломъ и даже въ настоящемъ для культурнаго развитія края. Кочевой образъ жизни значительной части заКавказьскаго населенія, обыкновенно приписываемый поверхностными наблюдателями врожденнымъ инстинктамъ кочевниковъ, находитъ себѣ болѣе разумное объясненіе и оправданіе, именно, въ климатическихъ условіяхъ: кочевники спасаютъ свою жизнь и здоровье, переходя летомъ на высоты изъ малярійныхъ долинъ и степей, гдѣ и стада ихъ не нашли бы себѣ пищи. Какова бы ни была причина кочевковъ, бытовымъ результатомъ ихъ является опять таки отсутствіе домовитости и некультурности.

Вліяніе климатическихъ и вообще естественныхъ условій на общественно-государственную жизнь чрезвычайно серьезно: и малярія, и горныя реки, то иссякающіе, то принимающіе чудовищныя размеры, и бури, и ливни, и градобитія, и тяжкій зной, — все это, губительно отражаясь на народномъ хозяйствѣ, оставляетъ глубокий отрицательный слѣдъ и на самомъ духовномъ складѣ населенія, сглаживая общими недостатками племенные различія; мысль утрачиваетъ последовательность, воля — выдержку, нравственность — свой катехизисъ, трудъ — систему, жизнь въ совокупности — разумныя устои.

Весьма замѣчательно, что еще разновременно въ древности культурнѣйшіе племена, — греки, римляне, персы (временъ расцвѣта персидской цивилизаціи), потомъ генуэзцы и др. — пытались заводить на Кавказьѣ колоніи, — и это никогда никому не удавалось. По всему ЗаКавказью разбросаны слѣды разныхъ стилей архитектуры, имена, названія и легенды, явно наноснаго происхожденія; на разнообразныхъ народныхъ лицахъ видны слѣды скрещиванія многихъ расъ; но въ итогѣ мало крупнаго, цельнаго, не стертаго другими вліяніями или просто временемъ.

Въ связи съ этимъ признакомъ слѣдуетъ отметить, что *ни одно изъ соседнихъ съ ЗаКавказьемъ государствъ до начала XIX столѣтія не имело возможности прочно водвориться въ этомъ краѣ*. Правда, объясненія этому слѣдуетъ искать не только въ местныхъ причинахъ, но и въ характерѣ и политическихъ изъянахъ государствъ и племенъ, посягавшихъ на данный край; темъ не менѣе, местные особенности имѣли значеніе преобладающѣе, какъ это показываетъ даже исторія края со времени присоединенія его къ Россіи и чрезвычайно тугая ассимиляція местныхъ племенъ съ государственной народностью.

Изъ всехъ слѣдовъ, оставленныхъ въ ЗаКавказьѣ его соседями, болѣе нагляднымъ и даже довольно глубокимъ является *отпечатокъ персидскаго строя*, или, вернѣе, нестроенія. Ханства восточнаго ЗаКавказья, образовавшіеся путемъ измены правителей обязанностямъ передъ далекой

центральной персидской властью, юридически считались персидскими провинциями, а на деле были независимыми деспотическими владениями, уменьшенными копиями с персидских образцов. Причины тому были отчасти расовые, так как большинство повелителей в этих владениях были больше или меньше персиянами по происхождению; частью же влияли тут недостатки персидской государственной организации и, между прочим, широко практиковавшаяся наследственность административных должностей.

Ясно, что в гористых местностях, обладающих всеми естественными данными для вооруженного обособления, этот обычай не мог не усиливать именно феодального склада жизни, и без того вызывавшегося местными условиями; несомненно, что одним из факторов феодализма является также расовая разница между повелителями и их подданными, — а этот фактор периодически насаждался при каждом подъеме персидского воздействия на ЗаКавказье. в частности, собственная Грузия (тифлисская и часть Елизаветпольской губернии) сильно испытала на себе персидское влияние, а Имеретия и другие западно-картвельские владения — влияние турецкое, меньше интенсивное, но в итоге однородное по последствиям. Политические изъязы административный, духовный и бытовой склад обоих этих соседей, на почве различных местных условий отразились, однако, на пестром ЗаКавказье, несомненно, объединяющими, нивелирующими чертами, преимущественно отрицательного характера.

В обоих восточных деспотических государствах, Турции и Персии, династии не очень долговечны, и власть их, подобно горным речкам, подвержена резким колебаниям; бюрократической системы, обеспечивающей устойчивость политических направлений, интересов народного благополучия, прав и спокойствия, — налицо не было; все основывалось на подкупе, лести, силе и гаремных интригах, т.е. на скверных случайностях. Государственные доходы, отдававшиеся на откуп, своими колебаниями влияли на политическую неустойчивость и на народные настроения.

Вчерашний мятежный феодал, хищный администратор, разбойник или предатель, вместо заслуженной кары, мог в один миг снискать почести и власть, ублажив азиатского повелителя красивой женщиной, конем, драгоценностями или просто искусной лестью.

Глубочайший, всесторонне охватывающий жизнь *материализм* был руководящим началом, исключавшим всякую принципиальность в европейском смысле этого слова; *гаремные интриги и вообще чувственно-восточная психология* играли преобладающую роль даже в местностях, озаренных светом христианства. Даже в Грузии, в течение многих веков боровшейся за свою веру и племенную самобытность, христианство, в силу указанных выше могущественных причин, приняло особую местную окраску, вместо того, чтобы глубоко озарить мирозерцание обывателей и принести разнообразные плоды своих основных созидательных идей.

Так как при подобном анархическом беспорядке вещей возможны лишь несложные группировки людей, вызываемые вдобавок инстинктом самосохранения, то такой группировкой явилось *родовое начало* со своей узкой моралью и слабой принципиальностью. Тесные границы этой последней заключены между следующими формулами: «моего родственника обидели или убили, а потому я должен выступить защитником и мстителем» и «мой родственник совершил преступление, но так как это мой родственник, то он прав, и я приму все меры, чтобы защитить его от наказания».

Глубокие следы такой психологии остались там и доселе. Ясно, что знатные или честолюбивые роды, которые путем воинской доблести, искусной политики, накопления богатств, гаремных успехов, запасались средствами для борьбы за свое преобладание, — являлись поочередно хозяевами и нарушителями какой бы то ни было независимой правды. Им ничего не стоило изменить неожиданно своим царям и иным повелителям, попрасть интересы и заветнейшие чувства подневольного народа, даже в крайних случаях надевать маску иноверия или вовсе отречься от веры отцов.

Народная масса, сидящая на земле и обрабатывающая ее, всегда тяготится подобной анархией, — и вот почему, например, грузинский народ доселе свято чтит память царя Давида Возобновителя и «царицы царей», великой Тамары, при которых установился было больше нравственный порядок, озаренный славой побед над внешними врагами; вот почему народная

масса ЗаКавказья въ громадном большинстве стихийно верит въ силу и правду Белаго Царя, невзирая на многіе отрицательные стороны управленія краем.

Однако хотя въ теченіе многих веков пестрая масса Кавказскаго населенія (за исключеніем горских патриархальных республик), была преимущественно пассивным, страдальческим элементом въ местной истории и не могла особенно любить своих капризных повелителей, сознательно разделять их воззренія, — эти послѣдніе на ней глубоко отразились; *порядки восточных деспотій и вытекшіе отсюда понятія проникли въ правосознаніе населенія до низших его слоев*. И западно-грузинскій крестьянин, и кахетинец, и подданный хана ширванскаго или гянджинскаго одинаково знали, что золотом, лестью, женщиной, юношами можно откупиться и от неправых притесненій, и от исполненія государственных требованій, разумность которых ни для каго не была ясна, и от заслуженных послѣдствій преступленія.

Одно уже появленіе должностнаго лица было сигналом к подкупу, и притом почти легальному, так как должности по восточному обычаю не оплачивались за отсутствіем финансовой системы, и покоились на поборах съ народа и на подарках всяческим властям.

Отсутствіе широкой принципиальности составляет основную черту местной психологии, атмосферу и своего рода закон местной жизни. Человек, попадающій въ эту атмосферу, должен употреблять крайніе усилія, чтобы не подвергнуться ъе растлевающему воздействию.

Когда несколько миллионов населенія за много веков привыкли съ неизменной практичностью смотреть на вещи, то представители иных взглядов встречаются неблагодарную почву для их проведенія въ жизнь; можно даже заранѣе съ уверенностью сказать, что если они не являются исполнителями глубоко обдуманной, рациональной системы, а вдобавок поставлены въ тяжелые жизненные условия, то и они, и вверенные им задачи неизбежно уступят сложившимся местным традиціям, русское достоинство и служебная честь не выдержат натиска бытовых азиатских условий въ ущерб государственному престижу и дальнѣйшим судьбам края.

Естественно, что переход от одного строя и склада жизни к другому должен сообразоваться съ народной психологіей, и перемена въ существе отношеній должна быть сопряжена съ возможно меньшим измененіем и осложненіем их форм. Даже и при этом условии работа, направленная к *культурному присоединенію* таго или инаго края, отличающагося чуждыми бытовыми чертами, *требует руководителей особенно мудрых, стойких и всесторонне знающих местные условия*. Это должны быть не только блюстители закона и спокойствія, но и *созидатели* по призванію, ревнители широко понятаго национально-государственнаго дѣла.

Это сознавали, еще до присоединенія Грузіи, выдающіеся русскіе люди, как, например, Потемкин и представитель Россіи при дворѣ царя Ираклія II, Бурнашев. въ недавно вышедшей книгѣ, посвященной послѣднему, много интересных черт, рисующих эпоху. И Бурнашев, и непосредственный руководитель его, командовавший северно-Кавказскими войсками граф Павел Потемкин — истинно русскіе люди, верившіе въ русскую правду и доброжелательные к Кавказскому населенію, въ противоположность современнику их, иностранцу-авантюристу Тотлебену.

«Труды ваши дѣлаютъ вам честь, и плоды их — славу имени и благодарность грузинскаго народа», — пишет Потемкин Бурнашеву. Он вмешивается даже въ мелочи; например, узнавъ, что два царевича поссорились из-за какой-то княжны, он рекомендует Бурнашеву «потщиться объяснить им, что нетъ въ свете такой девицы, за которую съ братьями можно бы было ссориться». Замечает Потемкин малейшіе промахи. «Получил я жалобу от князя Эраста Амилахварова, что лекаръ, при вас находящійся, отнял у него жену и ему самому проломил голову. Исследуйте сіе дело, *не допускайте своевольству начинаться въ той землѣ, где должно ловить сердца и привязывать к себѣ*». Завет простой и великій.

Как человек, не допускавшій своевольства, первое место среди русских правителей края занимает, бесспорно, Ермолов. Гроза непокорных, строгій, но справедливый охранитель мирных интересов всего населенія, которое он буквально *воспитывал въ духе законности и порядка*, он первый понялъ значеніе русскаго народнаго элемента как начала, сближающаго русскую власть въ крае.

Ермолов изобрел и стал вводить въ жизнь практичнейшій из применявшихся доселе способов русской колонизации: он учреждал оседлость для женатых Кавказских солдат въ военных поселеніях при штаб-квартирах; въ 1826 году образовано было девять, так называемых, семейных рот; дело не обошлось без земельных споров съ коренным населеніем; избирались места, удобные въ отношеніях военном, климатическом и сельскохозяйственном.

Администрация тогда сознавала, что нельзя, пересадив людей на чужбину, оставить их там на произвол судьбы; помощь оказывалась не на бумаге только, но и на деле. Плоды этой меры видны до сих пор, и если о чем приходится сожалеть, так это о менѣе широком и убежденном ъе применении после Ермолова. Как ни завидовал Паскевич славе Ермолова, как ни старался показывать свое превосходство над ним, — пришлось, однако, следовать его предначертаніям въ данном вопросе; но это служеніе русскому народному делу нашло противовѣс въ колонизации некоторых частей ЗаКавказья армянами, усердно начатой при Паскевиче и принявшей размеры прямо опасные, именно *теперь*, после таго, как нежелательность ъе весьма недавно еще признана даже съ высоты Престола.

Аналогичная ошибка была, впрочем, и раньше сдѣлана самим Ермоловым, просившим об образованіи въ Грузіи колоніи из «трудолюбивых немцев, которых бы добрый пример и очевидная от хозяйства польза вселили въ местных жителей желаніе обратиться к подражанію». Дальнейшіе событія не оправдали этой надежды, так как колоніи немецкіе, создавъ свое благополучіе на счет казны и туземных соседей, этим последним ничего добраго не привили, а местами лишь сдѣлали из них холопов своих.

Полнаго расцвѣта достигаютъ русскіе поселенія, основанные дальновидным Ермоловым, при наместнике князе Воронцовѣ, созидательный инстинкт котораго въ данном деле проявился болѣе успешно, чем во многих других отношеніях.

Если въ заботах о русских народных интересах князь Воронцов шел по стопам Ермолова, то, во всяком случае, съ меньшей последовательностью и настойчивостью. Он сознавал, например, государственную необходимость привлечь въ ЗаКавказье русских торговцев и капиталистов, но после первой неудачной попытки такого рода въ Тифлисѣ мысль эту оставил и стал поддерживать армянских купцов и промышленников, открывая им широкій простор к обогащенію и возбуждая въ них предприимчивость. Он давал им подряды, места под магазины и караван-сарай, почти насильственно иногда привлекал их к выгодной самодеятельности.

Очень много сдѣлал он для «европеизации», но вместе съ тем и для *культурнаго обособленія* местнаго общества: собирал его представителей на блестящих балах и вечерах, содействовал литературному развитію местных языков; при нем, например, открыт первый грузинскій театр. Вообще період русскаго владычества от Ермолова до Воронцова включительно был счастливым періодом духовнаго расцвѣта населенія края и, вместе, усиленія русскаго дѣла... Между прочим, расцвѣла замечательная для такого усталаго и небольшого народа грузинская поэзія. Имена Баратова, Вахтанга Орбелиани, а въ болѣе позднѣе время — князей Илии Чавчавадзе, Акакія Церетели и других весьма популярны на Кавказѣ, и произведенія их переведены на многіе европейскіе языки.

Будучи русским патриотом по чувствам и намереніям, князь Воронцов по складу ума и политической программѣ был, однако, скорѣе западно-европейцем, англоманом съ аристократическими тенденціями. Он не только придал распространительное толкованіе грузинским феодальным взглядам и порядкам, но даже въ жизни мусульманскаго населенія, демократичнаго въ силу своей религіи и расовых традицій, ввел излишне аристократическіе элементы, ему несвойственные.

Непомерное размноженіе князей, беков, агаларов и т.п., въ ущерб не только интересам жизни народной и разумному обрусенію края, но и самим представителям высшаго сословія, привело въ послѣдствіи к такому порядку вещей, въ котором нельзя не усматривать политической и социальной опасности. Искусственно размножив высшѣе сословіе, князь Воронцов положил начало его разоренію посредством усложненія и вздорожанія жизни. въ связи съ этим получилось и полное паденіе престижа таго класса, на объединительную роль котораго этот государственный деятель возлагал преувеличенныя надежды. Существует даже предположеніе, что это была со стороны князя Воронцова не ошибка, а, напротив, — дальновидная политика, клонившаяся к ослабленію наиболѣе сильных местных элементов.

Тем не менее, имя его чрезвычайно популярно доселе в ЗаКавказье, главным образом, в виду того, что он признавал законность и полезность самобытного культурного развития местных племен под русским владычеством и духовным влиянием. Кроме того, он не щадил средств и усилий для экономического подъема страны; близко входил во все нужды населения, с которым искал возможно более частаго непосредственного общения. И теперь можно на Кавказе найти много простолюдинов, с восхищением вспоминающих о том, как с ними беседовал сам князь Михаил Семенович об их житье-бытье.

Громадное государственное значение имели процветавшие при князе Воронцове школы при военных частях; программа их была не широка, но проходила толково, а главное, в них имели важное значение *элементы воспитания и дисциплины*, ныне почти не существующие во всей русской школе сверху донизу. Из войсковых школ воронцовскаго периода вышла целая плеяда выдающихся полководцев, администраторов и общественных деятелей.

Эпоха реформ шестидесятых годов имела осложняющие, почти роковые последствия для русскаго дѣла в крае и для жизненнаго склада всего местнаго населенія. И введившееся ранѣе 60-х годов в некоторых местностях края, так называемое, «гражданское управление» нанесло русскому делу немалый вред, именно потому, что на сцену выступили люди без школы и возникли учрежденія без традицій. Старые устои рушились, а для новой созидательной работы не нашлось подходящаго материала. Вместо обычаев и взглядов, органически выросших на своеобразной местной почве, были призваны нормировать жизнь *совершенно чуждые ей законы и кабинетные утопии*, которых и остальная-то Россия, сравнительно более близкая к западноевропейскому складу, доселе переварить не может.

Освобождение крестьян, по незрелому, наскоро скомканному плану, перевернуло вверх дном социальный порядок в местностях ЗаКавказья, где оно царило с незапамятных времен. Вдобавок, этот скачок был сдѣлан неумело, не до конца: доселе, хотя крепостное право юридически упразднено, оно существует на деле во многих местностях тифлисской и кутаисской губерній, где временно-обязанные крестьяне чувствуют большую тяготу зависимости от помещиков, чем если бы они были по закону их рабами.

Одновременно открылся широчайший простор для развития и преуспеянія элемента, который и сам по себе нигде не имѣет благотворнаго влияния на жизнь, а на Кавказе в особенности, так как профессиональные отрицательные черты осложняются там расовыми пороками и тенденциями. Речь идет о тех армянах-эксплуататорах, которые с шестидесятых годов особенно усердно и беспрепятственно принялись высасывать все соки из местнаго населенія. Говорю здесь, конечно, не огульно, *не обо всем армянском народе*, а о *классе кулаков*, ростовщиков, темных дельцов, — представляющих собой сильно окрашивающий, характерный для этаго племени элемент. И дворянин, и крестьянин оказались мухами в паутине этих хищников.

Чем резче социально-экономическая реформа, тем более должны служить приспособлению к жизни устойчивые, но гибкіе государственные и общественные учрежденія: администрация, суды, учебные заведенія, печать и т.д. Между тем, все это было реформировано одновременно, и все изменилось к худшему с точки зренія интересов русскаго дѣла на Кавказе. Правовой формализм для народов, исторически приученных к скорому решению дел по существу; состязательный судебный процесс для людей, у которых есть в крови веками выработанная *спортивность*; передача главнейших жизненных вопросов из рук воинскаго класса, обладавшаго в глазах туземнаго населенія престижем недавних побед, — в руки духовно-мелкой Кавказской бюрократии, среди которой и доселе непомерно велик процент отбросов; классическая система, с отказом от воспитательных задач, для детей племен воинственных, подвижных, исторически несклонных к большим дозам сухаго книжнаго знанія, страдающаго очевидно неприменимостью к жизни; наконец, данайскіе дары русскаго общественнаго мненія и печати периода самоотрицанія и утраты національнаго чувства — все это было, несомненно, *ядовитой духовной пищей с точки зренія русских интересов*. Нагляднейшим издевательством над этими интересами полна Кавказская печать со времени шестидесятых годов. Даже то, что во внутренней России было суровой, но здоровой и благотворной по последствиям критикой изъяснов нашей жизни, являлось и является доселе на Кавказской окраине поводом к злорадному осмеянію, к *огульному отрицанію всего русскаго*

въ созидательном смысле этого слова.

Много влиял въ этом направлении личный состав таго прошлаго российского элемента, который местные жители считали русскими деятелями. Между прочим, на Кавказъ попадали недобровольно люди, политически неблагонадежные, не стеснявшіеся там въ выражении своей ненависти ко всему русскому строю; местное населеніе жадно слушало небылицы и резкіе сужденія, распространяемые такими людьми, настроеніе которых поддерживало или даже вызывало центробежные стремленія среди нарождавшейся туземной интеллигенции.

В частности, на Кавказъ разновременно было выслано или принято на службу довольно много *поляков*, не примирившихся съ русской государственностью и не останавливающихся перед самыми іезуитскими средствами, чтобы вредить русскому делу. Плоды их разрушительной работы и доселе можно проследить въ некоторых местах. Являясь по мундиру и языку пришлыми русскими чиновниками, они эксплуатировали, притесняли и дразнили народную массу, роняя, опорочивая въ ѣе глазах русское имя, а наряду съ этим сближались съ беспокойнейшими слоями разноплеменной туземной интеллигенции, порождая и обостряя въ ней отрицательное отношеніе к русской государственности.

По многим признакам, *есть, въ частности, серьезное основаніе утверждать, что некоторые местные волненія начинались не без польских внушений, и что армянская инсurreкционная программа, о которой будет сказано ниже, есть лишь выработанная въ тридцатых и усовершенствованная въ шестидесятых годах разновидность подобной же программы польскаго жонда.*

Отрицательное значеніе имел также наплыв *немцев* въ ряды Кавказскаго чиновничества, так как даже лучшіе и лояльнейшіе из них не могли обладать тем напряженіем русскаго національнаго чувства и самосознанія, которое необходимо на окраине, подлежащей культурному объединенію.

Само собой разумѣется, что окрашивающая среда должна быть, особенно при отсутствии численнаго преобладанія, *богата красящими элементами*. Для космополитически настроенных немцев такая русская задача была не по плечу. Если только что высказанный вывод непонятен многим представителям русскаго правящего класса, то лишь въ силу малаго знакомства нашего съ государственной наукой, вследствие слабости національнаго самосознанія и достоинства. Сущность даннаго вопроса прекрасно понимаютъ въ Германии, где весьма искусно распределяють по всем нужным местам, именно *пруссаков*, как представителей государственнаго цемента.

Все, что создано на Кавказѣ шестидесятыми годами, — новые правительственные учрежденія, классовые перемены, племенные соотношенія, политическіе тенденции, перемены экономическіе и бытовые, — все это обошлось дорого интересам русскаго дѣла, да и большинства самаго местнаго населенія. *Ущерб, конечно, временный*, по крайней мере, что касается главнаго вопроса, т.е. *освобожденія крестьян* съ точки зренія широких линий истории, съ точки зренія *исконно-демократическаго призванія России*, это была мера *необходимая*, так как она призвала к самостоятельной жизни и творчеству въ разных областях народную массу, дотолѣ подавленную и безличную; это само по себе посев, могущий дать богатые культурные всходы.

Но чтобы эти всходы не погибли и не выродились въ нечто безобразное, противосоціальное и противагосударственное, надо было своевременно же принять *обдуманнныя меры к огражденію освобожденных рабов от новых форм эксплуатации* и к сближенію вообще всего новаго строя Кавказской жизни съ созидательными началами руководящаго русскаго центра. Между тем, именно этаго-то и не было сдѣлано. Главная доля ответственности падает, однако, не столько на тогдашних высших представителей Кавказской власти, сколько на руководящія идеи центра, на низкій уровень общественно-государственной науки въ России, — вообще, на дух таго времени, когда даже правительственные учрежденія находились под гнетом всяческих утопій.

Единичные передовые деятели понимали неудобство, и даже опасность примененія многих петербургских кабинетных тенденцій к материалу, исторически им чуждому; таков был, например, видный государственный муж, попечитель Кавказскаго учебнаго округа К.П. Яновскій, мужественно боровшійся съ крайностями ложно-классической системы и

смягчивший ъе применение. Но общѣе теченіе было слишком сильно и широко, и пагубные послѣдствія его будут еще долго проявляться въ местной жизни.

Одним из крупнейших послѣдствій водворенія правового порядка *где бы то ни было* , является *воцареніе буржуазіи* над всеми остальными народными классами и слоями. Недаром один немецкій ученый сказал, что *правовой либерализм есть исповѣданіе буржуазіи*. Вместе съ тем, это и ъе надежнейшѣе орудіе, небезопасное для всякаго государственнаго и социальнаго организма.

Когда «законным» путем упраздняются все перегородки, мешавшіе *господству беспринципных денег* , то расшатываются и принципы, на которых зиждется государственная власть, и обычаи, болѣе глубоко, чем легко обходимый закон, нормирующіе народную жизнь; *сводится к нулю даже самая свобода* , нуждающаяся для реальнаго, а не бумажнаго только осуществленія, въ идейной защитѣ со стороны лиц, независимых от власти денег.

Например, когда правительство, въ стремленіи к жизненной правдѣ, предоставляет печати большую свободу, то представители господствующей буржуазіи, не желающіе распространенія тех или иных идей, во-первых, *забираютъ въ свои руки почти все вліятельные органы печати* , а, во-вторых, и другими путями, иногда прямо неисповедимыми, *всегда умеютъ помешать распространенію таго, что им неприятно* . въ республиканской Франціи по волѣ барона Ротшильда не попала на сцену пьеса «Вырожденіе», тогда как издевательство над христіанской религіей дозволяется и даже поощряется въ каких угодно формах.

Очевидно, свершилось неизбежное: там служилый класс творит волю буржуазіи.

Опасность осложняется, когда эта буржуазія принадлежит по преимуществу к племени, не заинтересованному въ благополучіи государства, или, тем паче, даже не желающему добра этому государству. Тогда получается паразитизм въ отвратительнейших и опаснейших формах.

Паразитизм *восточный* осложнен еще тем, что он не знает меры, будучи лишен каких бы то ни было сдерживающих нравственных или социально-облагораживающих начал.

На Кавказѣ вопрос социально-экономическій совпадает съ племенным: *буржуазія состоит почти исключительно из армян* , составляющих на верхах этаго класса сплоченную *стачку* и представляющих крупную социальную опасность для местнаго населенія, а для государственнаго дѣла — *опасность политическую, как это видно на примере нескольких восточных держав, инертность или неряшество которых открыли простор армянскому паразитизму.*

Правовой порядок и всякіе дальнейшіе шаги по этому пути на Кавказѣ *только армянам и полезны* , так как многочисленные армяне-дельцы въ теченіе многих веков практиковались въ обходе каких угодно законов и властных распоряженій и въ порабощеніи себе чужой воли, свободной или властной по виду, но *не подготовленной ни к свободе, ни к власти* . Все очутилось у них въ кабалѣ, не исключая большинства местных учреждений сверху донизу. Другіе туземцы основательно ставят въ укор Россіи подъем армянскаго могущества, говоря, что, например, при грузинских царях об этом не могло бы быть речи, ибо тогда вопросы решались не кабинетно-теоретически, а на основаніи суровых требованій жизни.

Тем не менѣе, и о шестидесятих годах местное населеніе воспоминает съ благодарностью и любовью, причем оба эти чувства вызываются не только проявившимся тогда подъемом культурных надежд и политических стремленій, но и симпатіей к личности тогдашняго Августейшаго наместника великаго князя Михаила Николаевича.

Момент победы законнаго формализма над обычаем, мысли — над верой и чувством, вообще всего отвлеченно-формальнаго над жизненно-привычным, нелегко обходится той среде, духовному складу которой такая перемена мало отвечает. Эта среда испытывает нечто вроде нравственнаго холода, — и тут-то имѣет особую цену любовное, сердечное к ней отношеніе со стороны высших вершителей местных судеб.

Отеческая заботливость Августейшаго наместника о нуждах Кавказскаго населенія, особенно туземнаго, доселе высоко ценится Кавказцами, не упускающими случая выразить ему свою благодарность и вернопреданность, близкую к верноподданическим мистическим чувствам.

В этом была некоторая польза для русскаго дѣла, смягчавшая вред, нанесенный ему

веяніями и системой шестидесятых годов. Но вред был громаден, даже прямо въ политическомъ отношеніи, такъ какъ обособлявшіеся инородцы, сбитые съ толку «движеніемъ» и политическими мечтаніями той эпохи, проникались, такъ сказать, *«австрийскимъ государственнымъ идеаломъ»*, мечтали о «федерации» и усматривали въ центральной фигуре властнаго наместника символъ и оплотъ ихъ сепаратизма. въ отношеніи же бытовомъ, между прочимъ, русское народное дело пострадало въ ту пору отъ того, что русскіе военные поселенія были переданы изъ военнаго ведомства равнодушнымъ гражданскимъ властямъ — и съ техъ поръ именно захирели.

Шестидесятые и семидесятые года на Кавказѣ ознаменованы началомъ болѣе интенсивнаго насажденія цивилизации и экономическаго развитія; и то, и другое, однако, по существу служило скорѣе *обособленію этого края, нежели прочному сближенію его съ центромъ*. Объясняется это отчасти духомъ времени, отчасти малымъ значеніемъ русской національной идеи въ глазахъ местныхъ, да и столичныхъ правительственныхъ сферъ таго времени.

Напримеръ, въ теченіе многихъ летъ откладывалось подъ разными предлогами соединеніе ЗаКавказья съ остальной Россіей кратчайшимъ рельсовымъ путемъ, а между темъ была проведена ЗаКавказская железная дорога, образовавшая, такъ сказать, совершенно обособленное отъ остальной Россіи экономическое кровообращеніе края.

Русскимъ капиталамъ, которые могли бы экономически связать окраину съ центромъ, теперь, вслѣдствіе этого, уже болѣе труденъ доступъ къ местному промышленному миру.

Бакинской инородческой и иностранной промышленности было предоставлено развиться до такихъ грандиозныхъ размеровъ, что теперешняя дорога отъ Беслана до Баладжаръ, съ точки зренія національнаго объединенія, является мерой *болѣе чѣмъ запоздалой*, и можетъ скорѣе послужить, въ итоге, усилению местнаго обособленія, путемъ воздѣйствія бакинскихъ миллионовъ на петербургскіе сферы и печать, нежели распространенію русскаго культурнаго влиянія на ЗаКавказьѣ.

Весьма интересно отметить, какъ отразилось сооруженіе ЗаКавказской железной дороги на положеніи отдельныхъ местностей и племенъ. Выиграли отъ нѣе исключительно армяне, экономически захватившіе въ свои руки Баку и Тифлисъ.

Такъ какъ въ другой картвельской столицѣ, Кутаисѣ, ихъ сравнительно мало и экономическое влияніе ихъ ничтожно, то ЗаКавказская магистраль обошла Кутаисъ, подъ предлогомъ *ускоренія персидскаго транзита*, и некогда цветущій городъ все болѣе утрачиваетъ прежнѣе экономическое значеніе, несмотря на несомненную способность его обитателей къ промышленности и торговлѣ.

Армянскіе промышленные фирмы и банки заняли господствующую позицію въ Потіи и Батумѣ, — черноморскихъ конечныхъ пунктахъ дороги, оказавшейся, такимъ образомъ, целикомъ въ ихъ рукахъ.

Съ другой стороны, рельсовый путь объединилъ между собой разрозненные дотоле ветви картвельскаго племени, въ которомъ съ техъ поръ замечается большѣе духовное обособленіе, принимающѣе иногда нервныя политическіе формы.

Если бы вместо ЗаКавказской дороги, или хотя бы одновременно съ ней, была проведена перевальная дорога черезъ главный хребетъ къ Тифлису, картина местной жизни, несомненно, была бы иной, гораздо менѣе безотраднѣй съ точки зренія русскихъ национально-государственныхъ интересовъ. Главное Кавказское начальство, по-видимому, во все времена не особенно горячо относилось къ установленію удобнаго и скораго сообщенія между Тифлисомъ и Петербургомъ. Это вопросъ... окраинной психологии, особенно Кавказской, на почвѣ персидскихъ административныхъ традицій. Чемъ дальше отъ контролирующей центральной власти, темъ легче дышится. Но даже и искренніе ревнители сближенія окраины съ центромъ не умели смотреть въ корень вопроса.

Къ сожалѣнію, не только въ ту пору, но и донныне *национальное значеніе капитала недостаточно сознается, а нередко и сознательно игнорируется подлежащими сферами*. въ чьихъ рукахъ деньги, тотъ — истинный хозяинъ положенія, особенно, если служилый классъ материально плохо обставленъ, а общественное мнѣніе не обладаетъ національной устойчивостью. Яркіе примеры пагубнаго господства инородческихъ капиталовъ мы видимъ даже въ такихъ государствахъ, какъ Франція и Австрія, где экономическая самостоятельность кореннаго населенія въдесятеро сильнѣе, чѣмъ у насъ. Этотъ урокъ, очевидно, не понятъ или намеренно

затушевывается людьми, утверждающими, что капитал, по существу, внационален и везде имеет объективно-благотворное значение. Такое утверждение, кстати сказать, далеко не всегда бескорыстно...

Но и с точки зрения объективной, не национальной гражданственности, Кавказский край начал развиваться с шестидесятых годов ненормально, негармонично, — и попадающиеся местами внешне благоустройство сопровождается, с одной стороны, пережитками глубокой дикости, с другой же — симптомами такого острого общественного разложения, какое возможно лишь на почве азиатской растленной нечистоты, накопившейся за много веков тьмы и косности. Чтобы разобраться в этом хаосе, необходимо всмотреться порознь в жизнь и характерные черты хотя бы главных племен, населяющих Кавказ.

При выполнении такой задачи приходится обратить особое внимание на терминологию и отказаться от некоторых из тех наименований и обобщений, которые уместны в будничной речи. Например, слово *туземец* уже не годится, если мы хотим добраться до сути вещей. Оно придумано ленивыми, прямолинейными или недобросовестными Кавказскими чиновниками, чтобы формальным признаком, отвечающим целому ряду разнообразных, неравноценных и часто противоположных понятий, оправдывать меры, — либо не жизненные, либо недобросовестные и, во всяком случае, вредные.

Если разделить население Кавказа на группы обширные, но сколько-нибудь цельные и окрашенные руководящей идеей, то таковыми группами явятся: грузины, как основная, государственная народность в крае, близкая нам по духу и по происхождению своей культуры; армяне, как элемент, гораздо более чужой для нас и, в лице своей наступательной буржуазии, враждебный всем народностям Кавказа; мусульмане, главным образом, двух категорий: Азербейджанские татары, бывшие под сильным влиянием Персии, и мусульмане-горцы, духовный мир которых сложился под влиянием резких условий природы и резких требований ислама. Грузины-мусульмане и турки здесь в расчет не принимаются, за их малочисленностью.

Все эти коренные народности края не разрознены, а тесно переплетены друг с другом, частью органически, как армяне с грузинами и мусульманами, при помощи смешанных браков и многовекового невольного скрещивания, частью посредством бытовых явлений, как горские грузины с прочими горцами на языческой подпочве, или армяне-торгаши с различными соседями, путем эксплуатации этих последних. Наконец, остаются *русские*, составляющие в ЗаКавказье слишком 2% населения края и подразделяющиеся на целый ряд различных категорий; тут и высокие люди с протекцией, влияющие на судьбы края, не имея ни малейшего с ним делового знакомства; тут и доблестные, прямодушные русские воины, и кучка честных, образованных людей, и сектанты, упорно сохраняющие национальные особенности, и многострадальные переселенцы. Наконец, всякого рода и звания люди, которые настолько в дурном смысле оКавказились, что утратили национальное чувство и понимание русского дьла.

3. Братья-грузины

Недаром воспета нашими поэтами прекрасная Грузия, страна древних храмовъ, башенъ, цветовъ, песенъ и преданий! Иверская земля — удел Приснодевы, край св. Георгия, — по персидски «Гурджистан», о котором много веков тому назад с заочной любовью говорили наши благочестивые предки как о древнем очаге Православия. Страдания маленького героического народа за веру и самобытность находили отголосок братского сочувствия в сердцах северных единоверцев. Сближение все росло, особенно с тех пор, как Россия взяла на себя задачу третьего Рима, и завершилось добровольным присоединением карталино-кахетинского царства к России сто лет назад. Это было присоединение *добровольное*, не в кавычках, не такое, как со стороны невольно кокетничающих с нами среднеазиатских мелких государств, а серьезное. Положим, в конце XVIII века грузинское царство несколько раз «отдавалось в подданство» России, причем грузинские цари оставались на престоле и внутренний строй Грузии не изменялся; стало быть, понятие «подданства» истолковывалось, по меньшей мере, неправильно: оно давало право на защиту Грузии русским оружием от хищных азиатских соседей и налагало на грузин только обязанность... защищать свою родину от тех же

врагов, да доставлять провиант русским войскам. Страго говоря, такое «подданство» не было даже типичной вассальной зависимостью, а больше походило на союз слабого съ сильным, въ видах самозащиты. Надо отметить также, что многочисленные представители грузинскаго царскаго дома не сочувствовали состоявшемуся на заре XIX века *радикальному* решению вопроса о фиктивном дотоле подданстве, да и некоторые грузинскіе феодалы полагали, что Грузія должна была бы присоединиться к Россіи не по манифесту, а *по двустороннему даговору* , т.е. на началах особой автономии, или хоть полунезависимости. Такой взгляд существует и теперь; он даже усиленно, но довольно безуспешно пропагандируется теми грузинами, которые заразились армянским по духу сепаратизмом и выполняютъ, не всегда бескорыстно, его Кавказскую противорусскую программу. И во время присоединенія Грузіи, и въ последующіе годы бывали там беспорядки на почве политических увлеченій и недоразуменій, повтореніе которых не невозможно и въ будущем, под влияніемъ зарубежных воздействій и, порой, нетактичнаго управленія краем. Но все это, въ итоге, ничтожно и *не отклоняетъ широкихъ линийъ исторіи*. Дело въ томъ, что грузинскій народъ, во главе съ подавляющимъ большинствомъ своихъ руководителей, присоединился *добровольно, безусловно и навсегда* . Онъ выполнилъ свою историческую миссію, подчинился стихійной волѣ своей исстрадавшейся души, присоединившись к Россіи на основе *единоверія* .

Пока мы дорожимъ своею верой, Грузія намъ духовно близка. Эта связь запечатлена также потоками рыцарской грузинской крови, пролитой подъ русскими знаменами на ратномъ полѣ въ борьбѣ за наше общее дело, за мировую задачу третьяго Рима, задачу *православной культуры* . Пока мы веримъ въ эту задачу и придаемъ значеніе своимъ знаменамъ, мы должны смотреть на грузинъ, какъ на братьевъ, и видѣть въ грузинскомъ народѣ *одинъ изъ естественныхъ вспомогательныхъ рычаговъ указанной задачи въ Передней Азіи*.

Положимъ, за истекшье столетіе, подъ влияніемъ цѣлаго ряда условій, дѣла этихъ братьевъ испортились, характеръ ихъ сталъ менѣе приятнымъ, и ежедневныя отношенія съ ними не обходятся безъ поверхностныхъ недоразуменій. Темъ болѣе необходимо разобратъ въ всемъ этомъ, чтобы жизненныя мелочи не покрыли и стерли своимъ мусоромъ *широкихъ линийъ* нашей культурной исторіи, чтобъ ничтожное не сгубило великаго, подобно тому, какъ мыши прогрызаютъ картины бессмертныхъ мастеровъ.

Грузины, или, точнѣе, картвельцы, живутъ въ губерніяхъ тифлисской и кутаисской. въ тифлисской — грузины и кахетинцы; въ кутаисской, за Сурамскимъ переваломъ — имеретины, рачинцы, мигрельцы, гурийцы, аджарцы и т.д. Засурамскіе картвельцы по типу, темпераменту и чертамъ характера настолько разнятся отъ грузинъ, что некоторые знатоки края считаютъ ихъ совершенно другимъ племенемъ. Грузины солиднѣе и устойчивѣе; засурамскіе картвельцы менѣе надежны во всехъ отношеніяхъ, но живѣе, бойчѣе, предприимчивѣе. Они доставляютъ главный контингентъ нарождающейся грузинской по языку буржуазіи.

Происхожденіе грузинъ не выяснено, что свидѣтельствуетъ о чрезвычайной древности этаго племени. По-видимому, оно, вдобавокъ, не совсемъ однородное, судя по именамъ, историко-географическимъ даннымъ и разнообразію грузинскихъ физическихъ типовъ. Древняя царица массагетовъ носила имя Тамариссы, т.е. Тамары, Грузія называлась, какъ и часть Пиренейскаго полуострова, Иверіей или *Иберіей* ; и доселе, если всмотрѣться въ духовный и физическій обликъ грузина, то его нетрудно принять за испанца, романизованнаго потомка кельт-иберовъ. Наряду съ этимъ имѣются свѣденія о грузинскихъ селеніяхъ въ Северной Африкѣ и Абиссиніи. въ языкѣ грузинскомъ, въ pendant къ этому, имѣются намеки на то, что народъ, говорившій этимъ языкомъ, жилъ въ странѣ очень жаркой, *где вода была высшимъ благомъ* ; такъ, почти все *главныя* жизненныя понятія, — благодать, милость, несчастье, — связаны со словомъ «цкали», вода. Милость — по-грузински «цкалоба», несчастный — «сацкали», въ буквальномъ переводѣ «принадлежащій водѣ», «несомый водой»... Такіе метафоры обыкновенно не лгутъ. въ болѣе позднѣе время грузины, несомненно, породнились съ евреями, которые попали въ ту мѣстность во времена навуходоносоровъ. Доселе въ Имеретіи немало евреевъ, которыхъ почти невозможно по внешности отличить отъ мѣстныхъ картвельцевъ. Житіе св. Нины, просветительницы Грузіи, свидѣтельствуетъ о присутствіи многихъ евреевъ въ Мцхетѣ, древней столицѣ этаго государства. Масса библейскихъ названій мѣстныхъ селеній доселе подтверждаетъ это.

Грузия начинается съ севера подле станции Казбек: там своего рода Запорожье древнего Иверскаго царства. Монастырь на горе, за Тереком, названія селений, как, например, *Степанцминда* , или св. Стефан, *Сион* и т.п., — все говорит о свете св. Нины, воссиявшем среди этих угрюмых гор. Но съ точки зрѣнія этнографически-бытовой, настоящая Грузия начинается южнѣе, а ѣе дуновеніе или предчувствіе — только съ Гудаура.

За переваломъ, позади
Сурово-мощные громады,
Снега, обвалы, водопады,
Туманы, грозы и дожди...
Здесь — дуновеніе отрады!
Хоть порубежный Гудаур
Еще задумчив, или хмур,
Но очертаньем горныхъ далей
Такъ нежно манитъ южный склон!
И ветерокъ ужъ напоен
Благоуханіемъ азалий.
Узоры мягкіе хребтовъ
Лежатъ застывшею волною,
Почти сливаясь съ синевою
Небесъ и дымкой облаковъ.
И въ сердце смутное волненье:
Какъ будто взвиться чрезъ мгновенье
Волшебный занавесъ готовъ
Надъ лучезарною страной
Святынь, венчаныхъ стариною,
Восторговъ, песенъ и цветовъ!¹

Это стихотвореніе — плодъ мгновенно вспыхнувшего чувства и потому неполно. Всмотрѣвшись въ Грузіи поближе въ обликъ природы и людей, нельзя не почувать глубокихъ следовъ *страданія, и многовековаго, и нынѣшняго* . Какой-то рокъ тяготѣетъ надъ страной, съ виду созданной для блаженства.

Исторія Грузіи — сплошной мартирологъ. Шекспиръ могъ бы тамъ почерпнуть сюжеты, неоценимые по трагизму. Какъ выше сказано, государства въ настоящемъ смыслѣ не было. Власть царей оспаривалась своевольными, грозными феодалами, властвовавшими надъ народомъ. Монастыри были въ значительной мерѣ крепостями и религія — сокровищемъ, которымъ народной массѣ не приходилось пользоваться полностью, такъ какъ главные усилія были направлены къ его сохраненію отъ внешнихъ враговъ. Феодалъ — епископъ, кроме того, нередко бывалъ именно болѣе феодаломъ, нежели служителемъ алтаря. Если можно такъ выразиться, *широкіе линіи души* , подъ влияніемъ борьбы за веру, насквозь прониклись христіанствомъ, но мелкіе черты характера и бытовые условія во многомъ остались *языческими*, и Церковь вынуждена была примириться съ ними: доселе, например, есть въ некоторыхъ мѣстностяхъ родовая кровная месть, доселе приносятъ животныхъ въ жертву Богу. Внешней безопасности не было, и нередко царямъ и феодаламъ приходилось то откупаться благами земными, невольниками, лестью, и, наконецъ, даже изменой верѣ, отъ хищныхъ турецкихъ и персидскихъ властителей, то, признавъ власть этихъ послѣднихъ, внезапно изменять имъ во имя народной самобытности или своихъ личныхъ интересовъ.

Феодализмъ и родовое начало крепко укоренились. Во всей грузинской летописи, — *картлис-цховреба* , — это проходитъ красной нитью, и *о народѣ, какъ объ активной силѣ, почти нетъ упоминаній* . Темъ не менѣе, это — сила живая и сознательная, какъ видно изъ великолѣпнаго народнаго творчества, — песенъ, сказокъ, благородно-мудрыхъ пословицъ и колоритныхъ преданій.

¹ «Арабески», новые стихотворенія В.Л.Величко.

Грузинскіе простонародные волюнчники, «мествирэ», — удивительные импровизаторы-поэты. Язык народа — сокровищница поэзии. Грузинскіе крестьяне мыслят образами, говорят философскими афоризмами. У одного хизана, — безземельнаго арендатора-крестьянина, погибла половина стада. Он смирился перед бедой и сказал: «Благодареніе Господу! Он принял меня въ братья, половину моего достоянія взял Себе!...» Вот несколько характерных пословиц: «Между честными врагами посредник — совесть»; «у лжи короткіе ноги». Высокое понятіе о правде, но наряду съ ним есть и пессимистическое, не без юмора: «Если хочешь сказать правду, держи наготове оседланную лошадь»...

По меткому замечанию одного молодаго писателя-грузина, князя Авалова, *феодализм спас грузинскую народность*. Если царь покорялся какому-нибудь иноверному повелителю, то это не было еще подчиненіем Грузии, так как мудрено было овладеть всеми замками феодалов и вырвать съ корнем племенную самобытность. Но феодальная анархия мешала развитію государственной культуры. Эта последняя расцветала лишь во время кратких проблесков сильной монархической власти. Такіе проблески, и притом весьма яркіе, связаны съ именами царя Давида Возобновителя, Царицы Царей (шах-ин-шах, или, по-грузински, мепис-мепе) Тамары Великой, позднѣе — Георгія Блистательнаго, и, наконец, Ираклія Втораго, вступившаго въ подданство Россіи на вассальных началах при Екатерине Великой. При этих монархах культурные семена, таившіеся въ народе, давали урожай, что называется, сам-триста; страна покрывалась величественными храмами, въ церквах появлялись священные предметы и книги съ миниатюрами несравненной красоты. Звучали бессмертные стихи вдохновенных поэтов, как, например, поэма Шота Руставели «*Человек, одетый въ барсову кожу*», отличающаяся неувядаемой прелестью изложенія и обаятельной мудростью; она переведена на главные европейскіе языки (особенно хорош немецкій перевод Артура Лейста — «*Der Mann im Tigerfelle*»), и только на русском языке не имѣется ѣе полнаго стихотворнаго перевода.

Народ оценил своих царей, дававших ему правду и покой. Все, что пленяет его взор, — храмы, развалины башен, загадочно-красивые места, — связывается съ именем великой Тамары; царя Ираклія II, грозу персиян и турок, народ фамиллярно называет «патара кахи», маленьким кахетинцем. На этих примерах видно, как глубоко демократична основа всякой сильной монархии.

В исконном социальном строе грузин был весьма крупный изъян, за который им пришлось пострадать, да и еще, быть может, придется поплатиться, если не существованіем, то, во всяком случае, благополучіем целаго племени: *у них не было собственной буржуазии*. Промышленниками, торговцами и ремесленниками въ немногочисленных грузинских городах были преимущественно иноверные и инородные армяне, укрывавшіеся под защиту грузинскаго меча от мусульманских преследований. Они играли у грузин отчасти ту же роль, какую тля играет у муравьев: пользовались миром под защитой грузинскаго меча, накапливали богатство, а по временам невольно делились этим последним со своими властителями, перед которыми трепетали въ раболепном страхе. Покойный Кавказскій генерал Кишмишев, горячій армянскій патриот, съ озлобленіем рассказывает въ одной брошюре, что, когда богатые армяне отказывались давать требуемые феодалами деньги, то князья опускали их въ мешках въ быстротечную Куру и грозили утопить въ случае неповиновенія; по слухам, въ числе пострадавших были предки названнаго автора. Способ вымогательства, конечно, сам по себе непохвальный, но находившійся, по-видимому, въ тесной логической и бытовой связи съ одинаково непохвальным способом, которым армянская буржуазія приумножала и доселе приумножает свои богатства, плоды зачастую явно-неправаго стяжанія.

Грузинскіе цари и князья не были беспочвенными доктринерами правоваго порядка: они чутьем понимали, что денежный феодализм, *капитализм — есть враг государственности*, когда выходит за благоразумные пределы. Заправскій феодал не так страшен, ибо всегда известно, где его можно найти и как его въ руки взять; «феодал капитализма» страшнѣе, потому что неизвестно, каких царских слуг он подкупит, каких вооруженных людей наймет, каким интересам народа, особенно чужаго ему, он изменит ради своих выгод. Тогда подобные вопросы решались просто, и нужно сказать, что при соблюденіи человечности и умеренности, это было резоннѣе, чем социально-экономическій хаос, царящій въ большинстве современных

государств, облагодетельствованных европейской цивилизацией.

Так или иначе, армяне в самостоятельной Грузии не представляли для грузин такой роковой опасности, какую они представляют теперь, при отвлеченно-принципиальном в теории, а на практике — зачастую беспринципном современном управлении краем. Тем не менее, и тогда отсутствие у грузин собственной буржуазии, роль которой армяне выполняли паразитически, *было в основе так же ненормально, как если бы одному человеку вставили желудок другого человека, тайно работающий в пользу этого последнего.* Пример, невероятный в единичной жизни, но бывавший в государствах; такая аномалия была одной из причин падения Польши, где экономическая область была захвачена евреями.

С той же аномалией не мешает познергичнее бороться и нашему государству, тем более что времена теперь гораздо более острые и менее богатые инстинктивным государственным смыслом: инородческая буржуазия — *значит господство противорусских разлагающих идей и в печати, и в школе, и в общественных учреждениях, и даже в служилом классе, всегда мало обеспеченном* ; единичные люди, стоящие у тех или иных деловых шлюзов, могут не устоять перед пением таких сирен, как какой-нибудь еврейский банкир или армянский нефтепромышленник. Это уже и замечается...

Часть грузинских армян, племенной чертой которых является не только экономическое пронырство, но и бюрократическое пролазничество, воспитанное безнравственной персидско-турецкой служилой школой, проникла в грузинский служилый класс и даже в знать. За исключением двух-трех случаев, это была грубая ошибка со стороны грузинских царей, признак их слабости, а зачастую — подкупности многих властных лиц, не исключая самих венценосцев.

Характерны, между прочим, слова одного из последних грузинских царей об армянском семействе Коргановых². Кто-то пришел к царю с челобитной на одного из них, царь признал правильность челобитной и виновность Корганова, но отвечал, что ничего с этим подлать не может: *«Это люди ядовитые; вот на Сололакской горе лежит мертвый Корганов. Волки вокруг него ходят и нюхают, а дотронуться боятся! Что же прикажешь мне дѣлать с живым?!»*

История показала грузинам, что нельзя доверяться людям, у которых есть природная склонность к шпионству и измене: армянские мелики Або и Меджнун, облагодетельствованные Ираклием II, который укрыл их от персидских гонений, в роковую минуту предались персиянам и были проводниками полчищ Ага-Магомет хана, разграбивших и заливших потоками крови Тифлис в 1795 году. Этот факт полезно вспоминать, когда армянские публицисты слишком настаивают на том, что армяне ревностные *христиане* ...

Отсутствие собственной буржуазии весьма опасно любому народу в наши дни, когда экономические вопросы имеют преобладающее значение; насущно необходим такой класс людей с промышленной энергией, который бы пополнялся не только снизу, но и сверху, т.е. представителями дворянства, приспособляющимися к новым условиям; в противном случае разоряющиеся дворяне будут падать прямо «на дно», а народная масса будет в кабале у инородных эксплуататоров. От этого зависит уровень всех культурных учреждений и форм жизни: и церковь, и школа, и печать, и благотворительность, — все это слабеет без материальной и идейной поддержки со стороны энергичного промышленного класса. Образованность падает — и это немудрено: учебные заведения находятся в городах — и захолустному деревенскому жителю, даже обладающему большим, но малоодоходным именем, мудрено жить на два дома, чтобы воспитывать сына в гимназии, или хотя бы готовить его туда; а платить за полный пансион ребенка — дорого, да и дитя отрывается от семьи; любой же мелкий приказчик, фактор, духанщик из армян, живя в городе, может почти без затрат довести своего сына до университета. Когда такая разница в положении проявляется в большом числе фактов, то в результате *целая народность отстаёт* в культурном отношении и теряет крупные шансы в борьбе за существование. в данном случае, с русской государственной точки зрения, это весьма невыгодно, т.к. грузинская народность в ЗаКавказье является

² Эта ветвь Коргановых прекратила свое существование. Авт.

ближайшей нам по духу и основам культуры, обладает высокими нравственными традициями, а, кроме того, как видно из целого ряда отчетов попечителя Кавказского учебного округа, отличается большими способностями к научному и нравственному развитию, чем все прочие местные племена.

В начале XIX века прочно водворяется в Грузии русская власть, принося блага мира и открывая простор всестороннему развитию края. Однако для своеобразной Грузии мир оказался благом не безусловным, а относительным. Во всяком случае, несомненно, что он принес и кое-какие отрицательные явления. Во-первых, в дни постоянной опасности грузины проводили большую часть времени в горах, а с наступлением мира прочнее осели в знойных долинах, где лукавым врагом их явилась *малярия*, убийственно влияющая на здоровье; преемственные следы малярии можно встретить теперь даже на личиках новорожденных детей.

Во-вторых, хотя виноделие и процветало издревле в Грузии, но хроническое отсутствие безопасности мешало злоупотреблять его плодами. Тогдашние пиры были редки и торжественны, как праздники победы или спасения. Традиционная песня «мравалжамьер» (т.е. многолетие) заканчивалась (и доселе заканчивается у грузин-горцев) словом *аминь* и крестным знаменем. Теперь, когда пируют иначе и, от безделья, слишком часто, она стала простой застольной песней, и торжественный церковный мотив все нередко сменяется бесшабашно-веселым. Злоупотребление пирами — не шутка: в некоторых местностях можно видеть немало детей, *возникших в момент нетрезвости отцов*. Это, по меньшей мере, скверно влияет на волевые центры множества людей, и притом в *такой исторический момент, когда нужен серьезный систематический труд, нужна вдумчивая самостоятельность*.

Необходимо отметить характерный, весьма отрадный симптом, все чаще встречающийся в Грузии: молодежь чувствует нередко *отвращение к вину*; можно подумать, что здесь говорит расовый инстинкт самосохранения. Надо надеяться, что он принесет добрые плоды.

Очень жаль, что у нас еще сравнительно мало наблюдают за психофизическим состоянием населения в разных местностях Империи; особенно важны были бы систематические наблюдения на окраинах с пестрым населением, где выводы на основании точных данных могли бы иметь не только практически-государственное, но и общенаучное значение. в частности, такое дело, хотя и в ограниченных размерах, но при возможности значительной полноты характерных данных, сподручно начальству учебных заведений, особенно закрытых. в Тифлисе в конце 90-х годов был во главе местного кадетского корпуса видный педагог И.Д. Смирнов, ведший глубоко-интересные записки, богатые весьма ценным материалом такого рода и остроумными выводами, но, к сожалению, доселе не напечатанные. в частности, он обратил сочувственное внимание на грузинскую учащуюся молодежь и заметил, что в этом подрастающем поколении весьма часто происходит следующий ряд перемен: маленький грузин лет 14 или 15-ти отличается необыкновенной восприимчивостью к жизненным и научным впечатлениям, находчив, боек, доступен педагогическим воздействиям; затем, около указанного возраста, совпадающим с ранним на юге половым созреванием, он как-то привядает, тупеет, утрачивает интерес к науке, а иногда проявляет те или иные порочные наклонности; через два-три года он несколько оправляется от этого явления, которое можно назвать недугом, но задатки прежних духовных сил уже не восстанавливаются, и выходит довольно шаблонный юноша, словно несущий отпечаток какой-то болезни. Очевидно, тут влияют и природа вообще, и малярия в частности, и результаты наследственного алкаголизма, выражающиеся в ослаблении волевых центров, и крайний недостаток домашнего надзора за мальчиками в острый период первых страстей, ничем и никем не сдержанных.

Чтобы завершить перечень перемен психофизических, не мешает сообразить, что многовековая война выработала в нервной системе грузина черты, не находящие себе теперь применения и потому извращающиеся; удаль и рыцарский блеск нашли себе применение в кутежах, карточной игре, кровавых ссорах, тщеславной роскоши выше средств и т.п.; все круче становится наклонная плоскость, ведущая от прежних подвигов к бесславной гибели или скамье подсудимых: всматриваясь в лица людей, сидящих на ней, нельзя отрешиться от чувства мучительной боли: так наглядно, что многие из этих сегодняшних преступников, при иных условиях, были бы героями; в них действует не злая воля, а взрыв бесцельной и безысходной нервной энергии.

В государстве, где понятие экономии народной жизни больше разработано, этой стихийной силе дали бы применение, либо как войску на другой окраине, либо в каких-нибудь иных сферах, например, мореплавании и т.д., где нужна дисциплинированная удаль, как творческий элемент. Теперешние Кавказские власти упустили случай поднять, например, вопрос о том, чтобы из обедневшего безземельного, кутящего контингента кутаисских дворян, *составить дружину* во время китайской войны, или *ряд станиц на границе Манчжурии*.

В древней Греции государство искусственно развивало те черты, которые мы на Кавказе получили даром и которым мы предоставляем *мельчать и гнить*, с явным вредом для общественной безопасности, для неповинного народа и для русского государственного дѣла.

Необходимо еще отметить одно весьма характерное явление. Грузины любят служить у себя на родине и горько сетуютъ, если, по окончании курса в высших учебных заведениях, им это не удастся: они склонны в этом видеть «обрусительную политику», хотя она тут совершенно не причем. Ведь никакой уроженец Полтавской или Тамбовской губернии не требует, чтоб ему давали место непременно там, где он явился на свет: в наше время перепроизводства ни к чему не подготовленной дипломной интеллигенции он благодарен судьбе, если ему вообще дадут какое бы то ни было место. А грузину желательно непременно «устроиться» в Грузии. Между тем, именно там-то ему и труднее всего сдѣлать что-нибудь путное, быть полезным народу и выдвинуться по службе, так как многие условия местной жизни этому сильно мешаютъ. Страна все еще переживает *болезненно-переходное состояние*. Старый строй рушился, а к новому населению не приспособилось. Прежние нравы и обычаи отмираютъ, т.е. именно *гниютъ и мельчаютъ*; остаются в силе только деспотичные мелочи и формы, уживающіеся преимущественно с отрицательными сторонами новых понятий. Сплошь да рядом можно встретить «интеллигентнаго» грузина, в сознании и чувствах котораго перепутались родовые счеты и феодальная амбиция с шаблонными формулами больше или меньше крайнего «либерализма». Творчеству, под давлением таких внутренних противоречий, мудро возникнуть и разрастись на зыбкой почве смены понятий и настроений. Грузин-юрист наталкивается на неискоренимое родовое начало, охранитель казенных земельных интересов — на органическое, стихийное к ним неуважение, ревнитель крестьянского блага — на пережиток упорных феодальных инстинктов, писатель — на ревнивые требования племенного обособления. Всюду и во всем — препятствия широкому взгляду на общегосударственные и человеческие интересы, без котораго немислимо принципиально-обоснованное прогрессивное творчество. Если прибавить к этому мстительность людей, считающих себя обиженными, и назойливость тех, кто чего-либо домогается в ущерб закону, то можно себе представить, как тяжело приходится любому Кавказскому деятелю-грузину, связанному с местными обывателями родством, соседством, приятнью, или хотя бы враждой. Доносы, приставастья, угрозы, — целый ад!.. Если область, в которой он работает, не затрагивает кровных интересов его земляков, то и тогда ему трудно систематично работать, потому что ему *не даютъ* смирно посидеть за письменным столом то гости, требующіе радушнаго приема с вином и пеніем, то приятели, зовущіе его в гости на вино и пеніе. Климат разнеживающий, обычай обленивающий и отвлекающий от серьезнаго дѣла, и многое множество людей без дѣла, призваніе которых как будто состоит в том, чтобы мешать ближним работать.

Весьма замечательно, что грузины оказываются талантливыми деятелями на разных поприщах именно при условии отдаления от родины. Примеров много бы можно привести, но я остановлюсь на одном, весьма ярком и поучительном с начала до конца. Один князь, проводивший время в кутежах, убил совершенно зря какого-то скромнаго обывателя, имевшаго несчастье зайти в туземный ресторан и навлечь на себя внезапный гнев этаго «рыцаря»; преступника сослали сперва в Сибирь, а затем в одну из южных губерний Европейской России. в обоих местах ссылки он стяжал всеобщее уважение и сочувствие своей порядочностью, трудолюбием и полезной деятельностью; так, например, на юге России он принялся обучать население шелководству, агородничеству и виноградарству и стал близким советником губернатора в его заботах о подъеме народнаго благосостояния. Вдруг с Кавказа пришла вѣсть о том, что мать ссыльнаго князя умирает. Ему разрешили съездить на родину — и по пути он заглянул к находившемуся тогда во ВладиКавказе известному боевому генералу и администратору князю Н.З.Чавчавадзе, чтобы просить его содействия для исходатайствования

ссылному полнаго помилованія. Князь Николай Зурабович получил так называемое «чапарское воспитаніе», т.е. никакими дипломами не обладал, но был человек самостоятельно образованный и необычайно умный. Он участливо посмотрел на просителя и сказал ему: «И съ какой стати это тебя, глупаго, тянет въ Грузію?! Пользовался бы тем, что на чужой стороне можешь спокойно работать, ума-разума набираться и чему-нибудь учиться! А попадешь на родину — и опять станешь копителем неба, а, пожалуй, и еще раз дойдешь до преступленія. Во всяком случае, быть полезным человеком тебе там вряд ли удастся». Но ссылный, встосковавшийся по родине, не унимался, — и маститый князь уступил: исходатайствовал ему полное помилованіе. И предсказаніе его сбылось, как по писанному! Прощенный ссылный получил недурное казенное место на родине, но затем весьма скоро его потерял по собственной вине и стал хозяйничать на клочке наследственной земли; пошли сперва соседскіе пирушки, потом попойки въ городах, и, наконец, какой-то собутыльник распорол ему живот кинжалом. Пострадавший остался жив, но, конечно, еще отдалился от возможности быть «полезным человеком»...

Жизнь грузинскаго общества, особенно высших его классов, резко меняется к худшему, *строй разлагается*, и именно вследствие роковаго несоответствія между исторически-выработанным характером народа и новыми социально-экономическими условиями, не говоря уже о законах. Утрата *почвенных* нравов и обычаев не может не вести к разложению. Перемена образа жизни сразу не дается. Спортивность и органическая жажда сильных нервных впечатленій, не находя прежних форм для своего удовлетворенія, переходит не только въ обыкновенную преступность, но и въ увлеченіе *анархическими утопиями*. Грузинскую молодежь, въ душе вполне лояльную и вообще очень симпатичную, весьма нетрудно смутьянам подвинуть на резкіе выходки съ печальными послѣдствіями: иногда достаточно для этого сказать, что та или иная авантюра ведет к славе, что грузинам следует быть «передовым народом» и т.п. Народная масса, особенно за Сурамом, т.е. въ Имеретіи, Мингрелии, Гурии, также довольно чутка к анархическим нашептываніям; въ Гурии (Озургетскій уезд) уже довольно давно аграрные отношенія приняли чрезвычайно острый характер. съ одной стороны, заметный рост общей преступности, съ другой — социалистическіе бредни, съ третьей — преступные же колоритные формы старых хищных инстинктов и понятій, — все это создает небезопасную въ близком будущем *массу горючаго материала* въ западной Грузіи, напоминающей то Италию съ ѣе карбонаріями, то Корсику съ ѣе кровавой анархіей и своеобразно-диким колоритом. Маленькая книжка Проспера Мериме «Colomba», рисующая корсиканскіе нравы, заставляет переноситься мысленно въ засурамскую Грузію. Между прочим, характерная грузинская черта — необычайная *театральность* всего населенія, сверху донизу. Грузины, особенно западные, — прирожденные актеры, поэты, художники. въ них говорит и сильная, красивая, резкая природа, отражающаяся на их духовном складе, и полная приключеній история: приключенія и склонности предков *претворяются* у потомков въ игру фантазии и именно въ *органическую художественность*. Когда это приобретает значеніе и размеры массоваго явленія, то, значит, нервы целой народности постоянно возбужденны, восприимчивость получается болезненная...

Интересной иллюстраціей к изложенному может послужить следующий факт. въ 1895 году был зверски убит въ Кутаисе огромной толпой еврьев некий Лука Костава. Мать и вдова убитаго явились въ Кутаис съ распущенными волосами, исцарапанными грудями и воплями ярости. Один вид их мгновенно взбудоражил все населеніе, произведшѣе немедленно гигантскій разгром еврейскаго квартала. Вся местная интеллигенція была на стороне громил; говорили о ростовщицѣм гнетѣ главных еврейских тузов над местными обывателями, о предосудительном амикошонствѣ богатаго еврея Цициашвили съ одним местным администратором (вскоре уволенным въ отставку), и т.д.; антисемитизм был повальный. Прошло несколько лет; петербургскіе евреи и их прислужники устроили известный скандал въ Малом театре на представленіи «Контрабандистов» — и та же пьеса вызвала вскоре аналогичный скандал въ кутаисском городском театре: недавніе «убежденные» антисемиты явились защитниками дурных инстинктов еврейства. въ обоих случаях главную роль играла именно нервная восприимчивость и *театральность*, въ связи со склонностью фрондировать...

Вникая въ самую глубь области чисто-психологической, следует отметить, что мир и новые условия жизни крайне пагубно отразились на грузинской *Церкви*. въ течение многих веков религия запечатлевалась кровью мучеников, и вера была подвигом. Автокефальная грузинская церковь, несмотря на наличность епископов-феодалов и неразработанность багословия, озарялась самосознаниемъ. съ наступлениемъ мира, *вера утратила трагический характер*, свойственный самому существу христианства, *и потому оскудѣла*. Автокефальная Церковь, въ силу здравыхъ государственныхъ соображений, была упразднена, и ѣе огромные земельные имущества были взяты въ казну. Положим, последнѣе состоялось по ходатайству самаго грузинскаго духовенства, сознававшего свою неспособность управиться съ ними. Это бы и не беда, если бы рядомъ съ урезанной грузинской Церковью не высылось въ Эчмиадзине внушительное зданіе *армянской теократіи*, богатой землями и деньгами (управленіе которыми лишь весьма недавно передано въ веденіе казны), политически организованной и нередко ведущей *открытую борьбу съ русской властью*. При виде такой картины, подзадоривающей сепаративные чувства въ какомъ угодно народе, грузины, невзирая на только что обнародованную реформу управленія армянскими церковными имуществами, *все еще вправѣ* вывести заключеніе, что на Кавказѣ *выгодно быть иновернымъ*.

Наконецъ, и это соображеніе отступило бы на второй план, *если бы Православіе пользовалось въ крае достаточной заботой и вниманіемъ служилаго класса и общества*. Между темъ, *еще весьма недавно въ столицахъ и центре Россіи религія обреталась не въ авантаже*, и серьезный поворотъ къ лучшему начался лишь по державно-творческому почину незабвеннаго Императора Александра III, причемъ это спасительное движеніе до Грузіи пока дошло въ слабыхъ размерахъ. Всего несколько летъ тому назадъ, одинъ важный Кавказскій чиновникъ спросилъ экзарха Грузіи, поедетъ ли его высокопреосвященство на вокзалъ встречать католикаса всехъ армян. Получивъ отрицательный ответъ, сановникъ удивился:

— Ведь, кажется, патриархъ въ церковной іерархіи больше значитъ, чемъ митрополитъ или экзархъ?

— Да, — спокойно ответилъ владыка, — но только *православный* патриархъ, а не ересиархъ. Сановникъ пожал плечами, но настаивать не посмелъ.

Возьму другой случай, не менѣе характерный. въ одной подцензурной армянской газетѣ, печатающейся русскими буквами, появились недостойнейшіе инсинуации противъ одного изъ древнейшихъ и воистину благочестивѣйшихъ грузинскихъ монастырей, *обители Иоанна Зедадзенскаго*. Между прочимъ, было въ прозрачномъ намеке сказано, что чудо (самонаполненіе бассейна водой въ день храмовъаго праздника), которымъ славится эта обитель IV в., есть не болѣе, какъ шарлатанство. Какъ очевидецъ, побывавшій въ этомъ орлиномъ гнездѣ, где впраголодь живутъ пять убогихъ отшельниковъ, я написалъ ответъ, заслуженный клеветникомъ. *Цензура мне его запретила*. Когда я явился къ кому следуетъ для личныхъ объясненій и сталъ доказывать, что издевательство въ газетѣ надъ народными святынями есть грязная гадость, лучшимъ противоядіемъ противъ которой можетъ служить негодующее печатное слово, — то господинъ, съ которымъ я объяснялся, отвечалъ съ видомъ удивленнаго либерализма:

— Что за пристрастіе къ религіи?! Простите, у васъ немножко жандармская точка зренія. Охота поддерживать отжившій хламъ!

В устахъ должностнаго лица это было, по меньшей мерѣ, неуместно!..

Для иллюстраціи этаго случая добавляю еще кое-что. Авторъ указанной подлой статьи былъ политическій ссыльный, чуть ли не изъ участниковъ заговора 1 марта. Очутившись въ Тифлисѣ, онъ систематически служилъ армянской ростовщическо-сепаратистской интригѣ въ местной печати и, между прочимъ, шельмовалъ, подъ предлогомъ либерализма, многое изъ таго, что дорого настоящимъ грузинамъ и русскимъ. Когда этотъ проходимецъ умеръ, то на похоронахъ его фигурировалъ, среди тифлисскихъ шпыней и умственныхъ босяковъ, одинъ изъ местныхъ предводителей дворянства, человекъ гордящійся титуломъ и придворнымъ званіемъ. Очевидно, онъ сдѣлалъ это *по приказанію армянскихъ заправилъ*, у которыхъ состоитъ въ долгу.

Значеніе такого факта, какъ упадокъ религіи, прямо трагично для народа, вся культура, вся духовная жизнь котораго зиждилась на этой основѣ. Бѣдствіе осложнилось еще целымъ рядомъ другихъ, естественно возникавшихъ явленій, изъ которыхъ самымъ роковымъ особенно для грузинскаго народа, были реформы 60-хъ годовъ; говорю *для народа*, а не для одного только

дворянства, потому что и дворяне, и крестьяне немедленно после разрыва связи между ними, очутились в цепких лапах армянской буржуазии. Что при патриархальном складе дореформенного наместничества могло сдерживаться властной рукой таких мудрых правителей, как Ермолов или Воронцов, — то разрослось под кровом отвлеченного правового порядка, давшего пронырливому мошенничеству перевес над патриархальным и далеко не всегда (а лишь в исключительных случаях) суровым традиционным произволом. Новые суды и, главное, беспринципные адвокаты развили сутяжничество, кляузничество, лжесвидетельство, подмен обычной честности формальной безнаказанностью, и т.д. Особенно славятся этим имеритины. Они дают своим дочерям в приданое сотни гербовых марок. Однажды в городском саду в Тифлисе я следил с часами в руках за беседой двух поваров-имеретин; за четверть часа их грузинская речь прерывалась более полутора раза возгласами: «кассационни прашени», «примэчани на статей» и т.д.

Городское самоуправление нового образца с невероятной быстротой оказалось в руках армянской плутократии, хозяйничающей беззастенчивейшим образом, и открыто пренебрегающей интересами более многочисленной разноплеменной массы населения. Почти все банки, не исключая государственного, оказались в руках у армян, а также и сбыт продуктов сельского хозяйства. *Вся экономическая жизнь края находится в железных тисках стачки.*

Грузинское землевладение тает с невероятной быстротой. Разные Манташевы, Арамьянцы, Арафеловы, Макарьянцы и другие армянские тузы скупают за бесценок грузинские земли и населяют их выходцами из Турции; *часовни и даже церкви переходят в руки армян*.

Нужно заметить, что громадная часть этого процесса совершается тайно: армяне еще не смеют открыто предъявлять всех своих документов и ликвидировать свои междуплеменные вопросы в области земельной. Они боятся взрыва отчаяния в грузинском обществе и подозревают, что русское правительство, вследствие резкого кризиса, станет поближе присматриваться к Кавказским дьялам.

Немалый вред нанесла грузинам и новейшая школа, пробавлявшаяся ложным классицизмом и почти лишенная доброго воспитательного значения. Прежняя батальонная и полковая школа времен Ермолова и Воронцова, как выше сказано, была несложна, но хорошо направлена. Она закаляла умы и характеры, приспособляя их для перехода к новым государственным условиям. Она дала ряд видных военачальников и администраторов-грузин. Среди питомцев новой школы выдающихся людей меньше, а людей, сбитых с толку — многое множество. в Грузии, — где почти нет фабрик и о рабочем пролетариате смешно даже рассуждать, немудрено теперь встретить упорного марксиста; в стране, где вино льется рекой, а табак курится чуть ли не во сне, попадаются мнимые «толстовцы». Масса интеллигентных сил, получая русские дипломы, не находит себе применения, мельчает и превращается в каких-то людей без определенного колорита, или с левантинским оттенком.

Борьба, которую вел почивший попечитель Кавказского учебного округа К.П. Яновский, с тогдашним министерством народного просвещения, имела целью приспособление педагогического дьяла к местной почве. Этот замечательный педагог не дождался победы своих идей, и Бог весть, когда мы еще дождемся ее. Доселе еще силен пагубный предрассудок *«единой школы»*; смешивают понятия *цели и средства*. Между тем, казалось бы, ясно, что стремление к одинаковым конечным целям при различных условиях должно успешнее достигаться именно разнообразием средств. Идеал школы — дифференциация, а не единство.

Низшая школа также не вполне на высоте своей задачи, потому, что она по временам *слишком торопится вытеснить природный язык населения*. Этот формальный *отчетный* или, еще точнее, *карьерный успех* достигается ценою ущерба для духовного развития, ибо природный язык является естественным органическим орудием этого последнего. Государственный язык народу, конечно, нужен, как путь ко всем благам и преимуществам полноправных российских граждан. Народ жаждет знания русского языка, и представители местной интеллигенции, которые в душе этого не желали бы, руководствуются крепостническими чувствами или соображениями: им выгодно загнать народ в темный уголок неведения, чтобы эксплуатировать его возможно беспрепятственнее. Но неправы и те педагоги, которые из простого и ясного вопроса о языке дьялют раздражающую шикану,

выслуживаясь на нервах народа, въ основе склоннаго быть *союзником* нашим въ ЗаКавказье. Ясно, что государственному и природному местному языкам можно разверстаться мирно, не исключая друг друга: это вопрос такта и доброжелательства к населению.

Я не сгустил красок, рисуя отрицательные стороны грузинской жизни. Необходимо отметить, что значительная часть князей и дворян, особенно проживающих въ Тифлисе и ведущих жизнь выше средств, падает не только материально, но и морально, *подчиняясь влиянію богатых армян, которые все съ большим основаніем считают их своим политическим орудіем*. Уровень женской нравственности и достоинства тоже заметно падает, под влияніем такой жизни, да и вообще дурных сторон карикатурной въ Тифлисе европейской цивилизации.

Была ли древняя грузинка нравственна? Такіе путешественники, как Шарден и Дюма, отрицают это. Думаю, что они неправы. Типичные грузинки стараго закала, которых мне приходилось встречать, внушают к себе полное уваженіе. Южной, пылкой женщине чадра и своеобразный этикет прежнего времени были подсказаны, может быть, самой природой.

Дело обстоит плохо, хотя и не безнадежно. Во-первых, погибнет, и скверно погибнет, значительная часть высшего сословія, въ теченіе многих веков воплощавшего собой почти всю Грузію. Это скверно, ибо *всякому народу нужен высшій класс, обладающій благородными традиціями; а они были*. Часть высшего класса, болѣе скромная, вероятно, удержится въ своих поместьях. Это — разные отставные капитаны, прапорщики милиціи со знаком военнаго ордена въ петлице, и т.п.; это *настоящіе почвенные грузины*, люди добропорядочные, преданные своему народу, Государю и отечеству. Нарастает мало-помалу сверху и снизу грузинская буржуазія, *если действительно передовые грузины и русская власть поймут, что этому делу настоятельно необходимо помочь*. съ оздоровленіем русской школы и печати поднимется уровень и грузинской интеллигенціи; наконец, *народная масса* таит въ себе немало живых сил; но *всякая народная масса нуждается въ помощи* и въ заботливом вниманіи правительства.

Теперь грузинскій крестьянин еще забит, сконфужен и как-то растерялся, тем болѣе что свободу-то ему объявили, но реформу скомкали как попало; обязательные земельные отношенія еще не распутаны, как не распутано ни межеваніе, ни многое другое. Экономическіе условия гнетут его; въ лице скупщиков и кулаков-армян, он получил болѣе жестоких властителей, чем прежніе господа, самодурство которых смягчалось целым рядом *добрых обычаев*, сблизивших сословія между собой. Прежняя строгая власть феодалов держала крестьян при этом въ повиновении, заставляла их уважать чужую собственность. Теперь эта власть упразднена, *а понятіе законности въ народном сознаніи не укоренилось*, так как перемена была слишком резка, и народ к ней не был готов. Аграрные недоразуменія происходят не чаще. И при этом крестьянин не чувствует себя гражданином съ определенными правами и обязанностями. Вновь позволю себе воспользоваться стихотворной формой, потому что у нѣе есть техническое удобство: она короче и определеннѣе. Предмет стихотворенія — грузинскій крестьянин Ваню, соответственный русскому Ивану.

В А Н О

Въ ущельях сыро и темно,
Вдали чуть брезжит луч рассвета...
Индѣк гонит из Душета
Дорогой пыльною Ваню.

*

Въ руке большая хворостина,
Платком повязан, смуглолиц,
Въ шинели рваной, без петлиц,
Шагает медленно детина.

*

Во взоре черных глаз — печаль,
И въ складке губ — следы тревоги.
За белой лентою дороги
Синьет дремлющая даль.

**

*

И словно чует иль предвидит
Вано, свершая скучный путь,
Что непременно кто-нибудь
Его обманет иль обидит.

**

*

В духанах могут обокрасть;
Не то — отдать индюшек пару
Придется встречному чапару
Чапар съ нагайкой — это власть!

**

*

Под самым городом, въ духане
Всесильных скупщиков приютят:
Из рук все вырвут и возьмут
Неустрашимые армяне.

**

*

Они над рынком господы —
Вано покорно понял это.
Но вот фальшивую монету
Подсунуть могут. Что тогда?

**

*

Деньжонок надо: срок подходит
Начальству подати платить.
Сынка давно пора крестить:
Уж говорит и бойко ходит.

**

*

Хоть пара буйволов была:
Чинить дорогу их забрали!
Вернулись хворыми и пали...
Колючкой нива поросла.

**

*

Земля съ помещиками въ споре:
Межуютъ, судятъ двадцать лет,
А все решенья нет, какъ нет!
Куда ни глянь — одно лишь горе!

**
*

Соседи воду отвели
И сохнетъ сад, а нетъ управы;
Лишь адвокат, мудрецъ лукавый,
Все пишетъ: «денегъ вновь пришли».

**
*

Идетъ Вано, томимъ тоскою.
Заря восходитъ изъ-за гор.
Багрянцемъ залитый просторъ
Сверкаетъ дивной красотою.

**
*

И въ сердце хлынула струя
Восторга, что-то въ немъ запело:
«Самшобло, чемо Сакартвело!»
«Отчизна, Грузія моя!»

Да, онъ стихийно любитъ свою отчизну, какъ любитъ ее всякій грузинъ, потому, что ее нельзя не любить. Но на русскаго Царя онъ смотритъ не просто, какъ на начальство, а какъ на своего законнаго царя, естественнаго прѣемника прежнихъ династій. Это патріархальная, сыновняя любовь, не содержащая въ себѣ ни тени холопства.

Вотъ одинъ изъ тысячи характерныхъ случаевъ, рассказываемыхъ тифлисскимъ простонародьемъ о поездкѣ Императора Александра III въ Кахетію. Когда Ихъ Величества выехали изъ Тифлиса, то на шоссе имъ попался простолюдинъ, сидевшій на корточкахъ и жарившій шашлыкъ. въ неистовомъ восторгѣ онъ замахалъ руками и закричалъ, поднимая стаканъ съ виномъ:

— Александре, Мариамо, гамарджоба! Дай Богъ вамъ победу!

Государь осчастливилъ грузина: отхлебнулъ вина и выпилъ за свой верный грузинскій народъ.

4. Русско-грузинскіе отношенія

Весьма интересенъ вопросъ о русско-грузинскихъ отношеніяхъ. Нижніе народныя слои сближаются прекрасно, какъ два родственныхъ, стихийныхъ начала. И въ древнемъ Мцхетѣ и въ Бодбийскомъ монастырѣ, въ Кахетіи, бываютъ тысячи русскихъ багомольцевъ, братающихся съ грузинами. въ арміи русскіе также теснѣ всего сходятся съ грузинами, тогда какъ армянъ офицерская семья некоторыхъ полковъ, какъ, напримеръ, Нижегородскаго, не склонна принимать въ свою среду. Генералы изъ грузинъ популярны среди русскихъ солдатъ, какъ люди съ надлежащей осанкой и мужественные. Года черезъ два после оставленія корпуснымъ командиромъ, княземъ Амилахвари, своего поста, некоторые солдатики были убеждены, что онъ «во временномъ отсутствіи» и что «въ случаѣ военныхъ дѣйствій опять будетъ командовать».

Отношенія же между служилымъ классомъ и грузинскимъ дворянствомъ — довольно

рогатые, — несомненно, по вине обеих сторон. Во-первых, у местного высшего сословия довольно много наступательной амбиции, а гражданской принципиальности зачастую не хватает. Стоит чиновнику отказать какому-нибудь потомку феодалов в невыполнимой или незаконной просьбе, чтобы этот последний признал всех чиновников мучителями, а всю Грузию несправедливо обиженной. Логика немного дамская: если один мужчина агорчит даму, — она непременно скажет, что все мужчины изверги!.. Между тем, сами же эти князья нередко обращаются свысока с чиновниками из семинаристов или вообще незнатными, сами же создать себе недоброжелателей.

Особенно «неудобны» бывают некоторые представители выдающихся старинных родов, отличающиеся психологией маленьких «*тоis en exil*»; те из них, которые с новым положением своим не примирились, ни к какому делу не приспособились и склонны только к «эффектному» прожиганию жизни, проели деньги, полученные от казны в вознаграждение за утраченные «владения», быстро спустили затем еще ряд «пособий» и плоды выигранных у той же казны процессов, являясь самыми яркими ненавистниками всего русского, *даже когда на них продолжают сыпаться благодеяния* ; в их недовольстве звучит, если можно так выразиться, органическая скорбь об утраченном «произволе на курьих ножках». Обладая иногда большими связями в столичных сферах, эти господа при случае являются истинным бедствием для Кавказских русских властей; постоянно нуждаясь в деньгах для поддержания своего паразитического «блеска», они снуются с богатыми вожаками армянского движения и являются проводниками их тенденций и интриг в доступных им кругах. Они же обыкновенно эскамотируют в свою пользу великодушное настроение русского правительства, выражающееся по временам смутной формулой «*Il faut faire quel que chose pour ces bons Gëorgiens*». Львиную долю этого «*quelque chose*» хватают на лету люди, и без того пресыщенные всякими милостями, а грузинам, *как народности* , от этого не слаще. в русском служилом классе привилегированные паразиты вызывают негодование, доходящее почти до ненависти, своей заносчивостью и снобизмом. Русский человек по натуре демократичен и феодальной гордости не понимает: он ценит заслуги, а не гербы.

В сношениях обывателя со служилым классом нужна вообще некоторая политика. Когда армянин желает добиться чего-нибудь, то он стелется ковром, змеей ползет у ног любого делопроизводителя и достигает своей цели нередко одной вкрадчивостью. У грузинской аристократии и интеллигенции нет ни этой «удобной» черты, ни черты более высокой и почтенной, — а именно *выдержки* . От того и деловое положение их зачастую неустойчиво. Вредят они себе также пристрастием к родовому началу: самый доброжелательный чиновник, естественно, с меньшим доверием относится к человеку, у которого под соображениями принципиального характера он имеет основание подозревать партийные или родственные комбинации.

Смесь средневековых чувствований с теоретическими понятиями XX века порождает, конечно, путаницу, невыгодную для те носителя. Под впечатлением частых недоразумений, обе заинтересованные стороны склонны к огульным мнениям и легко верят клевете, вследствие чего отношения еще обостряются. Грузины склонны находить, что все Кавказские чиновники непременно плохие люди, что, разумеется, неверно: многие, правда, — но не все! Многие Кавказские чиновники склонны утверждать, что все грузины серьезные сепаратисты, что также совершенно неверно.

Грузины любят с убеждением выдвигать слово *верноподданный* , что означает на Кавказском символическом языке исповедание преданности Государю, *нонежелание подчиняться Кавказским властям* . Грузинские дворяне удивительно умеют «дуться» на чиновников и тем вредить себе. Трудно описать, сколько муки принял, сколько мелких уколов самолюбия получил, например, покойный князь Дондуков-Корсаков, искренно желавший добра грузинам и лишь под конец выведенный из терпения. Рассказывают, например, что, когда он приехал однажды в Кутаис, его угостили следующим транспарантом: изобразили две начальные буквы его фамилии, Д.К., а повыше, в интервале, написали «ура». И это продляли, как школьники, зря, для красного словца! в основе ряда подобных поступков лежало неудовольствие по поводу упразднения наместничества, больше отвечающего отрицательным сторонам восточного мирозерцания и быта, чем холодно строгий порядок и законность.

Кавказская атмосфера, растлеваемая армянской лестью и посулами и обостряемая грузинской нервностью, весьма плохо влияет и на русский служилый класс, мало-мальски властные представители которого, чувствуя себя далеко от Петербурга, легко поддаются соблазнам восточных бюрократических нравов. Это учитывается в свою пользу лукавыми элементами населения, а элементы нервные на этом проигрывают. Один старый грузин как-то шутя заявил, что не может отыскать границы между понятиями «правительства», «покровительства» и «превосходительства». Вообще, горькаго юмора в грузинских речах довольно много. Например, один князь формулировал свое положение так: «У меня имение отобрали армяне, службу отобрало начальство и остались только верноподданические чувства, да хороший аппетит. Ничего, жить можно!».

По временам поднимается то чиновниками, то печатью вопрос о грузинском *сепаратизме*. Оставляя в стороне преувеличения и, может быть, мечтания какой-нибудь кучки невлиятельных людей, необходимо водворить это обвинение в действительные границы существующего факта.

Славная история не забывается и сознательные классы народа, отнюдь не изменяя своим верноподданическим чувствам и не возражая против прочности добровольнаго присоединения Грузии к России, тем не менее, желали бы не утратить своей этнографической самобытности. Они дорожат своим народным обликом, языком, обиходным и церковным, песнями, литературой, символизмом обычаев.

Вряд ли это кому-нибудь мешает. Скажу больше: так как нравственность и цельность человеческой личности зиждется на нравах и обычаях, на почве расовой, то *грузин типичный, с точки зрения широко понятых государственных интересов, предпочтительнее грузина, оторваннаго от почвы и не прикрепившагося прочно к русским началам*: последний принимает облик левантинца, человека с племенными недостатками и без традиционных племенных добродетелей, т.е. человека никому не полезнаго: ни Богу свечка, ни черту кочерга!

Более острые формы обособления, как выше сказано, замечаются за Сурамом, в Кутаисской губернии. Объяснения тому надо искать в истории, чрезвычайно анархичной по характеру, и в лихорадочном климате, и в необычайной нервности этой отрасли грузин. Помимо всего, царство Имеретинское было скорее завоевано, чем добровольно присоединилось. Наконец, при указанных условиях, острое значение имеют явления *социально-экономические*, в силу которых наиболее сознательная часть населения, очутившись на мели, проявляет симптомы тревожнаго свойства.

В стремлениях обособляющейся части грузинскаго общества есть немало внутренних противоречий. Представители этих настроений, с одной стороны, глядят в прошлое, увлекаются своеобразной дилетантской археологией, нервно дорожат костюмом, кинжалом, архитектурой и всякими внешними формами с племенным отпечатком, с другой же — хотели бы распространения на Грузию общероссийских учреждений, т.е. суда присяжных, земства, университетов и иных высших учебных заведений; с одной стороны они стоят за неприкосновенность грузинскаго языка, с другой — за марксистскую классовую борьбу, отрицая значение языка и традиций. Эти различные мнения выдвигаются различными группами интеллигенции, спорящими между собой, но обыкновенно объединяющимися в общей струе центробежных стремлений; зачастую же совершенно противоречивые тенденции уживаются в одном и том же лице, свидетельствуя о путанице понятий.

Грузины — одновременно народ *неполитический* и вместе обладающий склонностью к нервным ощущениям, даваемым театральными сторонами и спортивными формами политической борьбы. в изложенном, на первый взгляд, как будто содержится противоречие. Но дело в том, что нервная склонность к политике еще не есть призвание, венчаемое успехами. Страго говоря, названия «политическаго народа» наиболее заслуживают лишь германцы, в особенности же их англо-саксонская отрасль: там народоправство работает *ровно*, почвенно, успешно, причем общество почти сливается с правительством; большинство прочих народов нуждаются в сильной центральной власти и в *административном* строе, потому что их граждане либо не так умеют «спеться», либо равнодушны к политике, либо слишком нервны (почти все южане). Народ «политический» может быть мелким и буржуазно-пошлым (например, голландцы и т.п.), а «неполитический» — великим, как, например, русские. Вопрос

тут не въ духовном уровне, а въ степени, так сказать «сцепленія атомов» даннаго народа. съ этой точки зренія большинство южан могут быть сравнены съ газообразными телами...

К сожаленію, не только обособляющимся, но всем вообще интеллигентным грузинам сильно *не хватает дальновиднаго племеннаго патриотизма*, продуманнаго плана действий для доставленія своему народу заслуженно-привилегированнаго положенія въ Российской имперіи. Последнѣе достигается обыкновенно либо съ оружіемъ въ рукахъ, либо *добромъ*; грузины же склонны к третьему, весьма неудачному образу действий: они нередко совершенно зря «дуются», фрондируютъ — и тем портят свои дѣла, на радость прочимъ Кавказскимъ конкурентамъ. А у грузинъ огромные данныя для успеха: они *симпатичны русскимъ людямъ*, исповѣдуютъ государственную религію, легко приспосабливаются (при желаніи) к разнымъ условіямъ. Они могли бы занимать у насъ, если бы хотели, видные места и вліять на общероссійскіе дѣла. И вот, не хватаетъ ни выдержки, ни дальновидности...

Всякому, не только относящемуся к этнографической самобытности своей, но даже самому простому хозяйственному или экономическому вопросу, сопряженному съ выборной агитаціей, речами, баллотировкой и т.п., грузины склонны придавать острый характер политики.

Очень колоритную, характерную картину представляли собой еще весьма недавно выборы въ правленія дворянскихъ земельныхъ банковъ, тифлискаго и кутаисскаго. въ шумной борьбѣ участвовала вся болѣе или менѣе интеллигентная Грузія. въ зрительной залѣ театра грузинскаго дворянства произносились речи, за которыми следовалъ невообразимый гамъ рукоплесканій, протестующихъ криковъ; изъ ложъ, занятыхъ экспансивными внуками строгихъ и чопорныхъ некогда грузинскихъ матронъ, сыпались цветы, раздавались истеричные возгласы. Ораторы схватывались порою за оружіе, но, къ счастью, въ ходъ его не пускали. Ярая вражда, однако, широкой волной разливалась далеко за пределы банковскихъ засѣданій и интересовъ. Особенной непримиримостью отличалась партія «мачабелистовъ», названныхъ по имени князя И.Г. Мачабели, впоследствии пропавшаго безъ вѣсти. Тутъ приплеталось и приходило все: и дамскіе грѣшки, и соревнованіе литераторовъ, и отголоски старой феодальной вражды между отдельными «ущельями», быть можетъ, именно последний элементъ такъ и обостряло преніе по вопросамъ о «заемщикахъ», «директорахъ», «ревизионной комиссіи» и т.п. Такъ или иначе, и вражда и формы борьбы носили истинно корсиканскій характеръ: у борющихся возникалъ въ головѣ и неискоренимо утверждался тамъ особый «зайчикъ», пунктъ помешательства, искривляющій целое міросозерцаніе, целую нервную систему, целую жизнь... Устранивъ или, по крайней мѣрѣ, сильно смягчивъ резкіе формы банковской борьбы, русская власть оказала огромную услугу грузинскому обществу, крайне нуждавшемуся въ успокоеніи; необходимо прибавить, что пока грузины посвящали время, средства и силы этимъ усобицамъ, гангрена армянской эксплуатаціи все успешнѣе разъедала ихъ благосостояніе.

Легко можно себѣ представить, во что обратились бы тамъ земскіе учрежденія! Недаромъ на ихъ введеніи настаиваетъ особенно армянствующая печать. Ревнителямъ экономическаго и духовнаго порабоженія Кавказа — армянамъ, конечно, весьма желательно, чтобъ земскіе учрежденія сдѣлались въ Грузіи, съ одной стороны, ареной усобицъ, съ другой — очагомъ обособленія, склоннаго превратить деловое *хозяйственное* учрежденіе въ маленький парламентъ и, наконецъ, *отвлечь вниманіе грузинъ отъ городовъ*, являющихся *ключами* къ экономическому преобладанію, такъ какъ именно города, въ особенности крупныя, создаютъ цену на сельскохозяйственные продукты, являясь значительными рынками для сбыта этихъ последнихъ и центрами кредита. Прямо удивительно, какъ грузины падки на армянское *подсказываніе*, невзирая на горькій опытъ!.. Никогда не забуду одного изъ многихъ засѣданій дворянскаго собранія въ Тифлисѣ, посвященныхъ вопросу о земскихъ учрежденіяхъ. Ревнителями этихъ последнихъ выступили «армянствующій армянинъ», бездарный, но упорный проповѣдникъ «армяно-грузинской солидарности» князь Г.М. Тумановъ, издатель газеты «Новое Обозрѣніе» и полу-армянинъ по рожденію, популярный въ армянскихъ финансовыхъ кругахъ кн. Д.З. Меликовъ, избранный впоследствии въ тифлисскіе предводители дворянства. Оба весьма «сладко пели» на тему о земствѣ, и собраніе лихорадочно къ нимъ прислушивалось. Единственное трезвое и дельное слово сказалъ тогда полковникъ князь Г.И. Орбелиани, проявившій большое знаніе местныхъ условій и политическій умъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что между формой

учреждений и их содержанием есть существенная разница; если нет серьезных фактических данных для надежды на установление полного между ними соответствия, то учреждение работает плохо, к немалому ущербу для обывателей и к выгоде лишь тех, кто умеет в мутной воде рыбу ловить. «Мы радовались, — продолжал князь, — введению в Тифлисе нового городского положенія, а что же потом вышло? Город стал меньше благоустроенным, нас, грузин, и русских вытеснили из думы, грузину-рабочему труднее найти кусок хлеба, чем выходцу из Турции, и наша древняя столица перестала быть грузинским городом; нечего сказать, есть чему радоваться! Нет, господа, *нам нужен гувернер* ! Лучше благоразумно в этом сознаться, чем идти по пути приключений!»...

Прочувствованная, доказательная речь князя Орбелиани была встречена рукоплесканиями, но затем... после других заседаний, собрание высказалось в пользу введения земских учреждений, причем некоторые дворяне потом признавались откровенно, что подали за это голос исключительно из опасения, чтобы их не сочли «нелиберальными». в правительственных сферах проект сочувствия не встретил, *к счастью для грузин* . Искренние (без задней мысли) сторонники проекта забывали, что земская деятельность есть *хозяйственная работа* , за которую без надлежащих знаний и практичности браться нельзя; если люди еще не умеют хорошенько организовать сельскохозяйственные союзы взаимопомощи, потребительные общества и т.д., то какое же у них получилось бы земство, как непроизводительно и тенденциозно возрастало бы самообложение?! Человеку, плохо знающему основные правила арифметики, странно браться за логарифмы: на этой «цифири» его проведет любой шарлатан! Если в некоторых местностях внутренней России земство сперва хромало, а потом обыватели к нему приспособились, то на окраине с пестроплеменным населением ожидать этого трудно, особенно там, где торгово-промышленный класс почти сплошь принадлежит к народности чужезданной и все больше порабащающей грузин. Ясно, что поработение только усилилось бы, если бы ему страго не положить предъла посредством ограничительного закона, своевременность которого становится все настоятельнее.

Столь же мало дальновидны представители обособляющейся части грузинской интеллигенции, когда жаждут учреждения в Тифлисе университета или политехникума: ведь они получили бы только «оскребки» от этого блага, которое захватила бы в свои руки армянская плутократия, чтобы сдѣлать из высшего учебного заведения *академию армянской интриги* .

Свою податливость армянским воздействиям грузины не без основания объясняют тем, что армяне составляют единственную в крае *реальную* силу, которой сама русская власть не оказывает должного противодействия ни на каком поприще; армянские тузы захватили беспрепятственно в свои руки *все жизненные источники* : и рынки, и банки, и влияние (хотя и тайное, но тем более опасное) на судьбу служилых людей и пользуются безнаказанностью в таких случаях, когда всякий другой Кавказский обыватель поплатился бы жесточайшим образом. с точки зрения преходящей, временной выгоды они правы, но вместе с тем признаются, стало быть, что служат личной выгоде, а не высоким идеалам, как их предки-рыцари. Надо надеяться, кстати, что они недолго будут правы и с точки зрения практической: необходимость противодействия радикальными мерами обармнению Кавказа становится все более настоятельной. с точки зрения русской исторической миссии было бы *грехом* отдать на съедение единовѣрный и в массе преданный нам народ; грех был бы вместе с тем и плохой политикой, так как с точки зрения русского государственного дѣла было бы невыгодно допускать до того, чтобы грузины сдѣлались кондотьерами армянскаго движенія!.. Армяне ведут к этому упорно и систематично, но преуспевают пока лишь по отношению к разорившимся копителям неба. Грузинский народ им не верит. На церковно-народных праздниках в Мцхете, в Алаверды и Бодби слепые армяне-певцы поют беспрепятственно «грузинские» революционные песни, сочиненные специально армянскими политиками из банкиров. Народ слушает без вниманія, с презрительной улыбкой, как нечто вздорное. А запоем кто-нибудь красивую лирическую вещьцу любимого поэта, князя Церетели или Чавчавадзе — и все восторгается, все обращается в слух... Для изнервничавшейся интеллигенции армянские тузы издають в Париже на французском языке газету «La Gėorgie», но и тут не преуспевают: газета ведется бездарно, занимается мелкими сплетнями и

распространением клеветы. в первую минуту общество ею поверхностно заинтересовалось, а теперь о ней никто серьезно не говорит...

Больше или меньше упорным, хотя, конечно, не особенно опасным очагом грузинского обособления является, по роковому стечению обстоятельств, именно та область местной жизни, которая вместе с тем служит крепчайшим звеном, объединяющим маленькую Грузию с великой Россией. Я говорю о Церкви. Грузинское духовенство не может забыть автокефальности своей Церкви, а в русском духовенстве на Кавказе встречаются недалёковидные люди, не умеющие отделять религии от политики, а также и недобросовестные «карьеристы в рясе», готовые ради служилаго честолюбия потрясти самые основы священного церковного дѣла в Грузии. Нужно, кстати, сказать, что и само грузинское духовенство зачастую не отличается ни высоким культурным уровнем, ни полезным воздействием на народную массу, среди которой авторитетом почти не пользуется. И это не плод русского режима, а наоборот, *результат истощения духовных сил Грузии в конце XVIII века*. Мне самому случалось видеть такую весьма недавнюю официальную переписку: два высоких духовных лица обвиняли друг друга в уголовных преступлениях: А обвинял Б в подговоре наемных убийц для покушения на его жизнь. Б отвечал гордо, что не нуждается в наемных убийцах, ибо у него много молодых родственников, *которые по первому его зову убьют каго угодно*.

Родовые счеты в духовенстве, особенно высшем, далеко не отошли в область преданий. При таких условиях ясно, что с точки зрения религии и духовных интересов грузинского народа, наличность русского по происхождению объективно-благожелательного экзарха в крае весьма полезна, безотносительно к каким-либо объединительным политическим задачам, для осуществления которых есть тысячи других способов. Наиболее вдумчивые грузинские патриоты это понимают. Когда грузинское православие напрягало все усилия к тому, чтобы не погибнуть, русская Церковь, под защитой сильной власти, недоступная ни внешним врагам, ни родовым счетам, выдвигала представителей глубокой и спокойной духовной мысли, плоды которой полезны единоверному, исстрадавшемуся народу.

Наряду с этим необходимо, конечно, оберегать грузинский церковный язык и традиционные напевы. Признаюсь, что они всегда производили на меня глубочайшее впечатление: от них вѣет чарующей мистической древностью; так и кажется, внимая им, что ближе подходишь к временам Христа. Это чувство разделяют многие русские багомольцы-простолюдины, с которыми мне случалось встречаться в грузинских монастырях. Кстати сказать, некоторые грузинские церковные песнопения весьма напоминают наш старинный *знаменный* напев.

Еще несколько слов о грузинском патриотизме. Когда широкие линии истории и главные основы жизни красноречиво свидетельствуют в пользу тесного русско-грузинского единения, поместный патриотизм может сдѣлаться опасным только в случае, если вся краевая политика поведется неудачно. Подробнѣ скажу об этом в одной из глав, посвященных вопросу об армянах. При нормальных же условиях поместный патриотизм принесет даже *пользу* государственному делу, *если будет глядеть вперед, а не назад*, и если станет на разумную основу *экономической заботы* о народном благе.

Разумѣется, надо отрешиться от фантазий, по поводу которых народ сочинил выражение «раздулся, как Лиахва»; Лиахва — речка близ города Гори, впадающая в Куру, обыкновенно очень мелководная, но в полоую воду широко разливающаяся и причиняющая немалые бедствия. Одной из таких «Лиахв» является претензия на какую-то особую «культурно-историческую миссию» грузин в Абхазии, основанная на том, что абхазское царство было некогда вассальным владением Грузии (в XII веке!) и что владельцы этого лена, огрузиненные персияне князья Шервашидзе (от Ширван-шах, Ширван-шахидзе) носят фамилию на «дзе» и причисляются к грузинской аристократии. Некоторые духовные лица измышляют при этом фикцию «грузино-абхазской церкви», хотя абхазцы говорят на языке, не имеющем ничего общего с грузинским. Как выразился шутя покойный Кавказский лингвист, барон Услар, «абхазцы говорят на таком мудреном языке, что удивительно, как они сами себя понимают». И вдруг на Абхазию предъявляются культурно-исторические права грузинами, у которых уплывает из рук собственное, кровное земельное достояние!..

Грузину не до фантастического «жиру», *а быть бы живу* ! Надо стремиться, прежде всего, к *самодетельности* , — и многие это вполне понимают. Мне случалось слышать искренние пожелания, чтобы в грузинских центрах завелось побольше русских *православных купцов* , так как это помогло бы и насущно необходимому росту грузинской буржуазии, и делу церкви, и *культурному* развитию в экономической области.

В разных местах в Грузии возникают сельскохозяйственные синдикаты, потребительные общества, депо и т.д. Правительство должно бы помочь им, и вообще следовало бы содействовать экономическому возрождению наиболее близкого нам в ЗаКавказье народа.

Последний из типично грузинских предводителей дворянства тифлисской губернии, покойный кн. К.И. Багратион-Мухранский, сказал однажды, что *грузины все консерваторы* . Эти слова не всеми были поняты, ибо слишком многие непременно хотят, чтобы их считали либералами; но кн. Мухранский в основе прав. Не могу забыть, как в одном кружке передовых говорунов откровенно рассуждали при мне о конституции и всяких формах окраинного обособления. Вдруг какой-то молодой князь влетел в комнату и сообщил о предстоявшем будто бы приезде Их Величеств на Кавказь. Без уговора, в один миг, заблестели все глаза, сверкнуло вино в бокалах, и хор запел мравалжамьер, — *многолетие Царю*.

Близко зная изъяны грузинской жизни и недостатки их общественности, о которых я не однократно говорил грузинам открыто на Кавказье, я не могу считать эту многострадальную изнервничавшуюся народность чужой для нас. Веруя в жизненность объединяющих нас культурных основ, засыпанных кучей мусора в сознании высших слоев обоих народов, но живых в глубине народной души, я иду по стопам славянофилов, совпадаю со взглядами таких определенных людей, как Иван Сергеевич Аксаков и Ростислав Фадеев, которые не считали чужим народ, объединяемый с нами в прошлом исторической миссией, славными подвигами, а в настоящее время *общностью веры, Царя и отечества*.

5. Армяне

Полтора века тому назад, — говорит Лебон, — философы, весьма, впрочем, несведущие по части первоначальной истории человека, изменений в его умственной организации и законов наследственности, — бросили в мир идею равенства индивидов и рас. Эта идея, глубочайше неверная, потрясла основы старых обществ, породила самую громадную из революций. Учреждения и воспитание стали панацеей в глазах современного общества, — и лишь немногие дерзают бороться с идеей, неосновательность которой до очевидности доказывается и современной общественной психологией, и жизнью. Названия вещей меняются в истории народов, но под новыми словами живут старые факты, трудно изменяемые. *Каждый народ обладает умственным организмом, столь же устойчивым, как и его анатомические черты*.

Наша космополитическая печать, замалчивающая выводы науки в угоду зарубежным вдохновителям и окраинным политикам, всегда поднимает неистовый крик, если кто-нибудь хотя заикнется относительно общих, окрашивающих, типичных отрицательных черт какой-либо народности, кроме русской. Русских можно «анализировать» сколько угодно! Об инородцах же сказать правду — Боже упаси! Кричат, что это мракобесие, человеконенавистничество и т.д. И не только кричат, но и принимают меры, не стесняясь выбором средств. Всем памятна история с «Контрабандистами». Наша общественная и отчасти даже государственная (на окраинах) жизнь богата такими поучительными примерами.

Как в природе есть целые разряды предметов и существ, отличающихся теми или иными резкими характерными чертами, так есть последние и у человеческих племенных групп, получающих и в истории, и у своих соседей-современников соответственную репутацию.

Об армянах издревле сложилось плохое мнение, — и это само собой разумеется, не лишено основания, так как иначе оно не могло бы возникнуть у целых народов и притом в разные времена.

Но, разумеется, в категоричности и огульности таких мнений, образчики которых я приведу ниже, нельзя не усмотреть несправедливости. Во-первых, *необходимо отделять армянскую народную массу от хищной плутократии, невежественного политиканствующего*

духовенства и мнимо-интеллигентных пиджачников , т.е. от тех *правлящих* армянских слоев, которые гнетут не только иноплеменных соседей, но и *соплеменных им неповинных простолудинов* . Во-вторых, и среди *правлящих*, несомненно, есть *довольно значительный процент людей, въ основе неплохих и виновных, главным образом, въ малодушном подчинении террору своих главарей и гипнозу своей болезненно развившейся племенной или, как они говорят (без всякаго на то права), национальной идеи.*

Честному человеку, сталкивающемуся преимущественно съ этими главарями и их наемниками, нетрудно воспылать огульной ненавистью к армянам; при болѣе же внимательном отношеніи к этому загадочному племени, его историческим судьбам и современному положенію, нельзя, однако, не проникнуться и *состраданіем к армянской народной массе* , у которой, несомненно, есть много хороших задатков.

Но чем болѣе мы будем ей сочувствовать, чем ближе присмотримся к ѣе положенію, *тем болѣе отвратительными явятся въ наших глазах ѣе бездушные соплеменные вожаки* , политиканствующіе угнетатели и смутьяны.

Мне могут возразить, что армянскіе *правлящіе классы* вышли из *среды таго же народа* , сыны котораго, стало быть, являются эмбрионами таких же хищников. Но, во-первых, *высшіе классы далеко не всегда являются показателями духовнаго уровня народа*, а во-вторых, *историческіе и социально-экономическіе условия* , въ которые, волею судеб попал армянскій народ, способствовали и доселе *способствуютъ поднятію на поверхность и на высоты местной жизни преимущественно худших, наиболѣе порочных и лукавых представителей этой расы.*

6. Историческое прошлое.

Кто такіе армяне? Основное их происхожденіе мало выяснено. История свидетельствует о слияніи съ ними сперва во время вавилонскаго плененія, а затем после разрушенія Іерусалима, огромной массы *еврѣев* . съ антропологической точки зренія они, въ большинствѣ, *крайніе брахицефалы* , т.е. короткаголовые, и наиболѣе сходны въ этом отношеніи, как видно из исследований Шантра, Эркерта, Пантюхова и др., съ *горскими евреями* и сиро-халдеями (айсорамі). Английскій ученый Бертин считает их людьми однаго типа съ евреями допалестинскаго періода.

Профессор Д.Н. Анучин говорит, что армяне племя не арийское, а скорѣе арианизированное (по языку). Помимо всего сказаннаго, *далеко не все, причисляющіе себя к армянам, принадлежат к коренному армянскому племени.* Армянскій журнал «Мурч»³, говоря о значительной способности армян к ассимилированію других народностей, указывал въ концѣ 90-х годов на наличность среди армян довольно большаго процента *ассимилированных цыган* . Знакомство съ обоими племенами дает наблюдателю значительный материал для подкрѣпленія выводов указаннаго журнала. К еще болѣе интересному выводу относительно значительных армянских групп пришел Кавказскій антрополог, доктор И.И. Пантюхов. Почтенный ученый воспользовался случаем, когда Тифлис был наводнен полудикими беженцами из Турціи, и подверг множество турецких армян антропологическому измеренію. Оказалось, что огромная часть этих незваных гостей, по своему физическому складу, — *чистокровные курды* . Это открывает простор предложенію, что некоторые эпизоды армянской резни въ Турціи явились результатом давнишних семейных счетов между курдскими племенами различной веры.

Весьма интересен также вопрос о заКавказской Албаниі или, по-армянски, *Агваниі* . Эта страна, въ состав которой входили и нынѣшняя Елизаветпольская губернія, и части Тифлисской и Дагестана, была населена народами *не армянскаго* происхожденія, получившими христианство от армян. До начала XIX века существовал отдельный агванскій или гиндзасарскій католикос, соперничавшій съ эчмиадзинским и по временам совершенно независимый от послѣдняго. въ настоящѣе время христиане, бывшіе некогда паствою

³ «Мурч» 1897 г. Статья под заглавіем «Армяне из цыган».

агванского католика, считаются армянами и, перемешавшись с ними, усвоили их характер.

Были у армян и невольные, насильственные скрещивания с другими народами. И персидские полчища, и Азербейджанские татары, и турки, и грузины, и горцы, очевидно, не церемонились с женщинами народа, давно утратившего государственность и связанные с ней способы гордой, мужественной самозащиты.

При таких условиях ясно, что в жилых у армян есть *всякая кровь*. Этим и объясняется то обстоятельство, что у народа, трусость которого в Передней Азии вошла в пословицу, выдвигаются по временам талантливые и мужественные полководцы, как яркие исключения на темном фоне: ясно, что в них говорит *кровь других, воинственных народов*, нормальный же, чистокровный армянин, согласно обще-Кавказской пословице, имеющейся на нескольких местных языках, «боятся зайцев». Черта, несомненно, семитическая. Вообще, характерных семитических черт в армянском народе сколько угодно: тут и историческая неспособность к мало-мальски устойчивой государственности, и постепенное исчезновение сколько-нибудь авторитетной родовой аристократии, и *давнишний переход к подпольной политике теократического строя*, и резкие признаки коллективизма в пользовании поливными землями, доселе наблюдаемые в крестьянской среде (ампа-черекство), и значительная расовая склонность к торговле, ростовщичеству и вообще ненасытному стяжанию. Заносчивость и жестокость по отношению к слабейшим и рабское низкопоклонство перед сильными, наконец, удивительная, феноменальная способность к рекламе и ненасытное тщеславие, — все это черты *еврейские*, только у армян они еще грубее и интенсивнее.

Армяне очень не любят, чтобы их сравнивали с евреями, и поручают своим защитникам не упускать случая говорить возможно энергичнее об *арийском* происхождении гайканского народа. Вероятно, в предвидении таких фактов грузинская пословица остроумно говорит:

«Только рабу, когда ему это приказано, подобает утверждать, что на дубе растут яблоки».

Таких рабов, увы, в наш век поклонения золотому тельцу найдется немало среди служилых людей, и публицистов, и даже ученых...

Помимо всего, у нас чрезвычайно распространена *неосведомленность* относительно Кавказа и его племен, — неосведомленность притом самоуверенная и раздражающая знатоков дѣла. Вот что написал мне, между прочим, из деревни варшавский заслуженный профессор Д.И. Азаревич, лично мне незнакомый, по поводу недавних статей г. Сыромятникова⁴:

«Не имея под руками библиотеки, я только напому вам, что на археологическом съезде, в последний раз происходившем в Москве, антропологический отдел, под председательством Вирхова выслушать доклад одного француза (кажется Фигье) *о семитизме армян*. Труды этого съезда нетрудно найти в Императорской публичной библиотеке, а там отыскать и самый доклад».

Почтенного ученого, который, надеюсь, не сочтет нескромностью то, что я ссылаюсь на его авторитет, — вероятно, смутило легкое отношение к науке со стороны слишком смелых защитников армянства от подозрения в семитизме. Некоторым оправданием для этих последних может служить прямое указание словаря *Брокгауза и Ефрона* на то, что армяне — *«отрасль иранской группы индо-европейского племени»*. Но вряд ли можно при этом забывать изречение: *«все врут календары»*, с успехом применимое особенно к словарям, издаваемым евреями...

Здесь, кстати, нужно отметить, что армянские меценаты из нефтепромышленников усиленно заботятся о создании совсем особенной истории Армении, о возвеличении этого маленького народа и его героев, начиная со случайных генералов, достойных уважений, и кончая неслучайными контрабандистами всякого рода, достойными... уважения, но с другой стороны. в частности, они не упускают случая выдвигать свои исторические «заслуги» и теперешние достоинства паразитическим способом, т.е. *попутно набрасывая тень на соседние с ними народности, у которых была история больше ясная, несомненная и достойная*. Грузины они в области историко-археологической грабят бессовестнейшим образом: *сцарапывают*

⁴ «Новое Время», 1903 г. № 9708

грузинскіе надписи съ памятников, захватываютъ древніе православныя часовни и опустелыя церкви ⁵, сочиняютъ историческіе нелепости и указываютъ, какъ на древніе армянскіе владенія, на такіе области, где каждый камень говоритъ о прошломъ грузинскаго царства.

Первымъ наемникомъ армянъ въ русской литературѣ былъ *Сенковский*, подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса, писавшій въ такомъ духе. Затемъ армянскіе «историки» въ кавычкахъ, Эминъ (Исторія Моисея Хоренскаго), Худобашевъ (Обозрѣніе Арменіи), въ болѣе позднѣе время Ерицовъ (Кавказская Старица, 1872 г., № 1), вопреки такимъ красноречивымъ свидѣтелямъ прошлаго, какъ памятники, работали въ томъ же направленіи; они, напримеръ, пытаются похитить у Грузіи историческіе права на область Саатбаго, т.е. владенія атабека Джакели, нынѣшній ахалцихскій уездъ. Всякій Кавказецъ знаетъ, что въ этой области, есть еще несомнѣнные слѣды пребыванія царицы Тамары Великой, что мусульманское населеніе уезда состоитъ изъ отуреченныхъ грузинъ, говорящихъ по-грузински, и что армяне въ большомъ числѣ появились тамъ въ первой половинѣ XIX столѣтія какъ беглецы изъ Турціи, *а не коренные жители*.

Профессоръ-арменистъ Паткановъ⁶ также мало стеснялся съ фактами, ссылаясь на такихъ мнимыхъ ученыхъ, какъ Сенковский, странствующій ботаникъ Кохъ и т.п. Грузинскій писатель Бакрадзе его своевременно обличилъ, какъ слѣдуетъ, но до болѣеющей части русскаго общества эта полемика не дошла; ученикъ Патканова, г-нъ Марр не упускаетъ случая отхватить что-нибудь отъ грузинъ въ пользу армянъ и все обещаетъ доказать, что замѣчательная древняя грузинская поэма «Барсова кожа» есть произведеніе позаимствованное.

Это желательно армянскимъ политикамъ потому, что у армянъ нѣтъ и не было за все время ихъ существованія сколько-нибудь сильнаго поэтическаго произведенія, т.е. одного изъ наглядныхъ признаковъ *цветенія народнаго духа*. Какъ ни стараются болѣе усердныя, чѣмъ даровитыя литературныя птенцы, вроде г. Юрія Веселовскаго и ему подобныхъ, убеждать русскую публику въ существованіи хорошей армянской литературы, далѣе лепета они не идутъ, потому что какъ ни усердствуй, а изъ ничего только и получится ничего.

Некій г. Эзовъ, составившій феноменальную по бесцеремонности книгу «Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ», въ которой приписываетъ, вопреки здравому смыслу, какое-то особенное дипломатическое значеніе неведомому проходимцу Израилю Ору или Орию, пытавшемуся вовлечь Петра Великаго въ войну съ Персіей, какъ разъ во время разгара его борьбы со шведами, — этотъ г. Эзовъ черпаетъ отовсюду цитаты, невыгодныя для грузинъ, выходя ради этаго далеко за предѣлы своей задачи. Такіе же цитаты тенденціозно подсовываются читателю въ филантропическомъ сборникѣ «Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ», съ эпиграфомъ изъ Гладстона: «доброта, доброта и... доброта!» Получилась доброта довольно ядовитая, въ армянскомъ стилѣ.

Очень интересную брошюру («Армянскіе мудрецы и вопіющіе камни») посвятилъ этой лжи, всемъ этимъ историко-археологическимъ посягательствамъ и хищеніямъ армянъ известный грузинскій поэтъ и публицистъ, князь Ильѣ Чавчавадзе. Эта брошюра переведена на русскій языкъ и богата характерными фактами.

Въ Тифлисѣ, когда говорятъ о грузино-армянскихъ междуплеменныхъ отношеніяхъ, вспоминаютъ корреспондента «Temps», некоего Кутули. Едва пріѣхалъ онъ въ Тифлисъ, какъ его захватилъ хитрый горбунъ, талантливый политическій агитаторъ Арцуни, редакторъ-издатель газеты «Мшакъ». Начали армянскіе богачи ублажать и закармливать Кутули, ни на шагъ не

⁵ Изъ многочисленныхъ примѣровъ такихъ возмутительныхъ фактовъ приводимъ на выдержку два случая, имѣвшие мѣсто на протяженіе двухъ мѣсяцевъ. «Кавказъ», 1897 г. Іюнь. Прихожане душетской св. Николая церкви составили приговоръ, коимъ поручили двумъ лицамъ изъ своей среды ходатайствовать предъ высшимъ кавказскимъ начальствомъ о принятіи меръ противъ захвата армянскимъ духовенствомъ часовни «Бодавис-цминда Георгисъ — ниши» съ принадлежащимъ ей участкомъ земли (въ S верстѣ отъ г. Душета). Древніе иконы изъ названной часовни, по словамъ составителей приговора, давно уже похищены и перенесены въ душетскую армянскую церковь, участокъ примѣжеванъ къ ней «неведомыми путями» истекшаго 15-го мая, а самая часовня переименована въ «Сурп-Геурковскую», и православныя священники къ служенію въ ней съ техъ поръ не допускаются.

⁶ Тотсамый, нацыганскоепроисхождениекотороуказываетъгазета«Мурчъ»

отпуская его от себя. Он совершенно утратил способность смотреть на окружающее собственными глазами. Дошло до того, что всех красивых женщин, встречаемых на пути, ему выдавали за армянок, а всех уродливых — за грузинок. Получился такой комизм, что даже грузины, у которых историко-археологическое самолюбие чрезвычайно обострено, не въ силах были сердиться, читая путевые впечатленія доверчиваго или податливаго француза.

Чрезвычайно забавно было видеть, еще весьма недавно, как армянскіе политиканы и «дѣлатели истории» пытались совратить французскаго ученаго, барона де Бай, много писавшаго о Россіи, и как они были удивлены неудачей. Он посетил, между прочим, Эчмиадзин, столицу армянскаго католикоса, где ему показывали какіе-то необычайно древніе вещи, какіе-то короны, чаши, расшитый покров и т.д. Опытный археолог сразу заметил крайнюю неточность приведенных армянами хронологических данных и не без юмора высказал это печатно. Оказалось, между прочим, что кое-какіе мнимо-древніе узоры относятся к упадку стиля *рококо*. Бешенство местных армянских газет, печатавшихся русскими буквами, дошло до неприличия.

Болезненное самолюбие и тщеславіе армян и склонность их рекламировать свое величіе въ прошлом и настоящем — объясняются и отчасти оправдываются тем, что они въ теченіе веков стяжали себе плохую репутацию, от которой хотели бы избавиться.

Беспристрастный, гуманный и нравственный Тацит, умеющий хвалить врагов Рима, германцев, говорит об армянах во 2-ой книге *Ab excessu Augusti*, въ параграфѣ 53, нижеследующее: *Ambigua gens ea antiquitus hominum ingeniis et situ terrarum*, — этот искони двуличный народ, как по характеру, так и по географическому положенію; *saepius discordes sunt, adversus Romanos odio et in Parthum invidia*, т.е. беспрестанно разрываются ненавистью к римлянам и завистью к парфянам. въ книгѣ 12, въ параграфѣ 46, он указывает на «*достаточно известное вероломство армян*», *satis cognitam Armeniorum perfidiam*.

«Ты трус, ты раб, ты армянин!», — говорит Пушкин устами стараго горца. Грузинскій народ говорит: «мовида сомехи — мойтана схва мехи», — пришел армянин и принес новую беду. По поводу вытесненія грузинских дворян армянскими торговцами и затем пиджачниками сложился целый ряд народных пословиц: «породистые кони перемерли, — ишакам осталось раздолье», «чужая курица прагоняла из дому курицу домашнюю» и т.п. ЗаКавказскіе татары говорят: «зажги свои десять пальцев, как свечи, чтобы осветить дорогу армянину, и он тебе спасибо не скажет». Русский народ давно склонен называть армян именами уничижительными, связывая съ ними то презреніе, то насмешку. Некрасов, поэт передовой и гуманный, говорит:

Жениху съ солидным чином
Отказалась, осердясь,
И съ каким-то армянином
Обвенчалась, не спросясь

Не менѣе гуманный Жемчужников (в Козьме Пруткове) поет так:

На узкой кровати
Лежу я один,
В соседней палате
Кричит армянин.

Слово «*кричит*» чрезвычайно типичное: они именно склонны кричать по всякому поводу. Не пустят их въ чужой дом, или раскроютъ какіе-либо их шашни, или отдадут под суд воришек из ихней среды, — и они не только кричат, но заставляютъ кричать иноплеменников, глупых или продажных людей.

Наша беспристрастная беллетристика тоже неблагоприятно относится к армянам. У Лескова, въ «Соборяхъ», имѣется, например, шантажист съ сильно развитым тазом, — Термосесов.

Франція и Германія, где есть и армянскіе революціонные кружки, и где на деньги бакинских нефтепромышленников ведется усиленная агитация въ пользу армян, люди мало-мальски знакомые съ вопросом, и притом беспристрастные, поднимаютъ голос *против*

этих последних. Французский путешественник по Армении, Курдистану и Месопотамии, граф де Шоле, съ большим знаніем дѣла рисуящий жизнь этих турецких провинцій и негодующий на бесчеловечное отношеніе мусульман к армянской народной массе, говорит об армянах: *«и тем не менѣе, невзирая на огромное состраданіе, которое порождали во мне их бедность и их мученія, мне никогда не удавалось привязаться к ним, так отвратительно их плутовство, так постыдна их низость и возмутительна их подлость»* .

Немецкий путешественник Альфред Кёрте, въ своих «Анатолийских эскизах», которые посвящены им известному германскому деятелю въ Турціи Кольмару фон-дер-Гольцу, и въ которых автор, стало быть, не решился бы говорить на ветер, высказывает следующее: *«почти каждый, кто въ этих провинціях соприкасается съ ядром народа, научается уважать и любить турок, низко ставить греков и ненавидеть и презирать армян... Везде оправдывается пословица, что грек обманет двух евреев, а армянин двух греков* . Можно наверняка сказать, что если вас въ Анатолии где-нибудь обманут, — то, значит, вы имели дело съ армянами». Тот же автор приводит слова крупнаго подрядчика въ Эски-Шехире: «когда я условливаюсь относительно дѣла съ турком, то обхожусь без письменнаго контракта, — ибо его слова достаточно. съ греком или иным левантинцем я заключаю письменное условіе, ибо съ ними это нужно и полезно; съ армянами же я и на письме никаких дел не веду, потому что от их лживости и интриг не ограждает даже письменное условіе».

Страго говоря, интеллигентные армяне давным-давно сознаютъ, что репутация у их племеннаго имени — нелестная. Недаром они еще весьма недавно старались выдавать себя перед людьми, незнакомыми съ Кавказъом, за грузин, а иногда, для пущей поэзии, за «черкесов». Доселе и они, и публицисты, сочувственно к ним относящіеся, склонны, где только возможно, заменять слово «армянин» словами «туземецъ», «Кавказецъ», и, въ особенности *«христианин»* . Это напираніе на *«христианство»* весьма характерно, как потому, что армяне не прочь поживиться насчет своих соседей-мусульман, так и потому, что названіе «христианин» дает им положеніе привилегированное, и очень им удобно въ тех случаях, когда невольно напрашивается сравненіе их съ евреями . А еврейских черт у них столько, что если бы все ученые мира ошибочно признали их арийцами, сама жизнь возмутилась бы против такого опредѣленія...

Как бы ни была неточна писаная история Армении, въ ней есть много характернаго и поучительнаго, как въ большой бесцеремонности тона повествователей, так и въ самих фактах. Начиная съ католикоса Иоанна VI («История Армении съ начала мира до 925 года», перевод на французскій язык Сен-Мартена) и до позднейших времен, армянскіе историки *претендуютъ на точность сведеній* , относящихся именно к сказочному периоду. Армяне происходят, мол, от Ноя; его правнуком и внуком Иафета был мифическій Гайк. По словам армянскаго архіепископа Иосифа, посвятившаго свою книгу императору Павлу I, — *«достовернѣйшее повествованіе о родословии праотцев армянскаго племени гласит так: Ной родил Афета, Афет родил Гомера, Гомер родил Тираса, Тирас родил Торкома, Торком родил Гайка, который обще съ Немвродом предпріял Вавилонское столпотвореніе. Поелику же не хотел он признать над собой верховной власти Немврода, то, оставя предпріятіе оное, возвратился въ свою землю, за что от Немврода нанесена ему была война, на которой Гайк победил и убил Немврода. Почему народы, повинующіеся Гайку, почитая его за отца своего и государя, стали называть себя от имени его Гайканами»*. Затем идет целый ряд столь же правдоподобных и доказанных фактов. *Страницы пестреютъ «великими» именами, незнакомыми никаким исторіям* , кроме армянской, да порою появляются въ сильно увеличенном виде фигуры менѣе сомнительнаго происхожденія.

Если бы, кроме слова «измышленіе», понадобилось начертать на скрижалях армянской истории слово, которое бы точно охарактеризовало факты правдоподобные, то нельзя было бы избежать слова *«измена»* . Сомнительные властители Армении, страны съ постоянно колеблющимися границами, всегда зависят от сильных соседних монархій и всегда *систематически* изменяютъ им. Знатные люди (нахарары) изменяютъ царям, народ — и тем и другим. Жестокость нравов и ненадежность взаимных отношеній — феноменальныя. Стоит персиянам, римлянам, арабам назначить каго-нибудь правителем Армении, чтобы немедленно этот правитель начал готовиться к возмущенію.

В собственной Армении, т.е. на армянском плоскогорье, сколько-нибудь независимое царство было упразднено довольно-таки давно, в пятом веке, когда Армения стала открыто *персидской провинцией* и фактически, как власть ближайшая и организованная, над армянским народом воцарилась *теократия с католиком во главе*. с тех пор не менее наглядно армянские заправилы, так сказать, торгуют на две лавочки: продают отечество и народ то персам и затем мусульманам вообще, то Византии, исподтишка ведут свою линию борьбы за племенную самобытность.

Некоторый призрак государственности возник в конце XI века в маленькой Киликии и окончательно рассеялся в 1375 году.

7. Переход к теократии и монофизитство.

Первое упоминание о христианстве (кн. Абгар Эдесский) среди армян, в виду племенной близости их с евреями, встречается очень рано, в 1-ом веке нашей эры, но формальное, хотя весьма сомнительное по существу, введение христианства относится к 301 году: св. Григорий Просветитель обратил царя Трдата, который крестил своих подданных и вскоре затем внезапно умер: предполагают, что он был отравлен новыми христианами. Библия на армянском языке появляется только в V веке, перевод Месропа. Истинным христианам и руководителям церкви жилось в Армении тяжело; например, католикос Нерсес Великий, в конце IV века, вел, впрочем, не во имя христианских идеалов, а с целью основать *теократию*, ярую и в основе недостойную борьбу с царем и, по некоторым сведениям, кончил неестественной смертью. Царь Тигран II заставлял армян поклоняться изображению Юлиана Отступника.

Особый интерес представляет собой момент отпадения армян от православия. Оно истекало из теократических стремлений, соображений материальных и политических, подготовлялось давно, но оформилось и нашло себе догматические придирки лишь в VI веке, когда армяне, в угоду персидскому царю Хозрою, *окончательно отвергли формулу Халкидонского собора и примкнули к монофизитам*. Персиянам это было нужно, чтобы внести разнь в христианский мир и ослабить Византию. Такое же стремление проявили арабы, пускавшие в ход и угрозы, и деньги, — т.е. средства, перед которыми потомки Гайка устоять не могли. Армяне, с одной стороны, вступили ценою измены вере на путь рабского отношения к иноверным властителям, с другой — упрочили особый тип *подпольного государства, отвечавшего их семитическим инстинктам, а именно теократию*, в которой политические и материальные интересы имеют особо важное значение, в ущерб религиозным.

Такая *ликвидация открытой государственности*, требующей и мужества, и верности, и умения добровольно, с доброй целью дисциплинироваться, и жертв материальными благами и кровью, очевидно, не может служить патентом на благородство для расы. Но следует признать, однако, что внешние условия были уж очень тяжелы, и открытая борьба с соседями была бы слишком неравной, так что *к борьбе рабей пришлось перейти невольно*. с другой стороны, переход к теократии был, несомненно, актом *практически-мудрым*, так как именно теократия сохранила самобытность армянской расы и проявила необычайную способность возрождения этой самобытности там, где эта последняя, казалось, уже уснула навеки.

Сквозь всю дальнейшую историю армян, полную унижений перед крупными и мелкими иноверными властителями, проходит еле заметной струйкой и никогда не иссякает *надежда на возрождение армянского народа и государства*.

Разумеется, мечтает об этом не народная масса, а единичные патриоты, преимущественно *лица духовные*, разбогатевшие купцы, нахарары или мелики, попавшие в милость к шахам и султанам. Весьма характерно, что эта надежда разрастается именно по мере территориального роста России, по мере приближения к победоносному стягу к Передней Азии.

Сношения армян с русским правительством довольно пестры. Петр Великий, глубоко понимавший значение русской исторической миссии на Ближнем Востоке, разумеется, ничего не имел бы против того, чтобы люди, считавшиеся христианами, восставали против своих мусульманских владык, врагов православия и русско-славянского дьяла. Поэтому он упомянутому выше авантюристу Израилю Орию высказываться дал; но на удочку его царь, однако, не поддался. Великий Император велел словесно объявить армянским посланцам, что

«ныне занят Свейской войною», и вовлечь себя въ авантюру не дал. На просьбу же Израиля Ория разрешить ему быть въ этой войне при русских войсках государь велел отвечать, что «*ему тамо быть не для чего*».

Любопытно, что из монархинь XVIII века Анна Иоанновна (вероятно, на основании сведений, полученных от Волынского, близко знавшего армян), относилась к последним недоверчиво, хотя и вела христианскую политику, так как ѣ полководцы побеждали мусульман. Екатерина II, наоборот, дошла до крайних пределов благоволенія к армянам, что объясняется, быть может, царившим при ѣ дворе растленіем нравов и чрезвычайной роскошью. Немудрено, если находились царедворцы, получавшіе «пешкеши» от армянских торговцев дорогими товарами. Кроме таго, «великолепный князь Тавриды» был, несомненно, человеком съ фантазіей, и его забавляла мысль о возрождении христианскаго царства на армянском плоскогорье.

В царствованіе Императрицы Екатерины у армян проявился человек, во многих отношеніях замечательный, съ неукротимой энергіей и большой политической предприимчивостью, доходившей порой до назойливости. Это был архіепископ Иосиф, происходивший из стариннаго, давно огрузиненнаго по культуре армянскаго рода, получившаго от грузинских царей княжеское достоинство. Он носил фамилию Аргуташвили-Мхагрдзели, въ буквальном переводе означающую *Аргутов-Плечистый*, но затем переведенную «с фантазіей» и вошедшую въ русский обиход под именем «Аргутинский-Долгорукий». съ рюриковичами Долгорукими у этой фамилии, конечно, нет ничего общаго. Упомянутый архіепископ Иосиф въ 1779 году основал Нахичевань-на-Дону, армянский город, населенный выходцами из Крыма и Турции, въ числе 15 000 человек. Переселенцам были даны недурненькіе льготы: перевозка за счет казны из Крыма всей недвижимости, 12 000 десятин выгонной земли, освобожденіе на 10 лет от всех повинностей, свобода от постоев и рекрутчины: каждому домохозяину отведено по 30 десятин земли, лес и припасы на постройку даны безденежно, а семена, скот и инвентарь — съ возвратом через 10 лет. Обо всем изложенном имеются точные сведенія въ полном собраніи законов.

При царе грузинском Ираклии II, благодаря хлопотам таго же Аргутинскаго, *стремившагося пробуждать армянское самосознаніе*, въ Грузии были водворены кое-какіе карабахскіе мелики съ подвластными им крестьянами и образовали селеніе Шулаверы. Два мелика, Меджнун и Або, поторопились предать своего новаго владыку и *явились шпионами-проводниками персидскаго шаха Ага-Магомед-Хана*, разрушившаго Тифлис въ 1795 году. Последнѣе признает природный армянин, генерал-лейтенант С.О. Кишмишев. Профессор Санкт-Петербургскаго университета А.А. Цагарели основательно замечает, что въ концѣ XVIII века архіепископ Иосиф проявлял большую энергию, «*но только въ направлении, несогласном съ видами и планами русскаго правительства!*». Подтвержденіе этаго вывода можно найти и у академика Н.Ф.Дубровина, который говорит, что летом 1796 года армянский архіепископ Иосиф вздумал вмешаться въ дѣла покореннаго дербентскаго ханства, не упускал случая придирается к мусульманам, старался унижить последних пред армянами, — словом, въ самое короткое время своего пребыванія въ Дербенте, *восстановил против себя все населеніе*. Граф Зубов вызвал Иосифа въ главную квартиру, но и там пришлось принять меры, чтобы ограничить политиканство архипастыря. Войдя въ сношеніе съ эчмиадзинским патриархом, и не испрашивая ничьего позволенія, Иосиф написал вместе съ ним «*коллективное посланіе к армянам, жившим въ Карабаге и других местах ЗаКавказья*»; въ этом манифесте говорилось, что русскіе войска вступили въ Персію съ главным намереніем «*освободить армян от ига мусульман и сдѣлать их независимыми*». Это посланіе произвело всеобщѣе волненіе среди жителей ЗаКавказья: *армяне мечтали о восстановленіи царства Великой Армении*.

Современник названнаго архіепископа, П.Г. Бутков свидѣтельствует о чрезвычайном честолюбіи Иосифа, который собирался, будто бы, сдѣлать царем Армении своего племянника и приготовил даже царскую корону. Еще будучи въ Россіи, Аргутинский-Долгорукий, собираясь воссесть на патриаршій эчмиадзинский престол, заказал свой гравированный портрет въ патриаршем одеяніи.

Очень интересный момент *политической* истории армянской церкви описан въ брошюрѣ «Начало сношеній эчмиадзинскаго патриаршаго престола съ русским правительством»,

принадлежащей перу упомянутого выше г. Эзова, которого нельзя заподозрить въ критическом или хотя бы беспристрастном отношении к армянам, считающим его одним из главных своих руководителей и апологетов. въ конце XVIII века, вопреки принципу *всенароднаго* избранія эчмиадзинскаго католикоса, на эту кафедру воссел архіепископ Лукас (Лука), *избранный только эчмиадзинским духовенством*. Константинопольскій армянин патриарх Захарія запротестовал. Лукас писал ему нежные посланія, а тем временем константинопольская армянская община выхлопотала у турецкаго правительства *смещеніе Захаріи*. Торопливость Лукаса, котораго г. Эзов хвалит до небес, объясняется-де тем, что понадобилось избегнуть избранія на эчмиадзинскій престол Израэля, патриарха *агванскаго* (гандзасарскій монастырь близ гор. Шуши). Речь шла о том, чтобы нанести удар обособлявшемуся агванскому патриархату и установить *теократическое единодержавіе*. въ этом, по неосведомленности или продажности действовавших служилых людей, его поддержали и турецкое, и русское правительства съ трогательным единодушіем, хотя интересы их были противоположны. Наш посланник въ Константинополе Томара сочувственно доносил правительству въ 1801 году, что Лукас стремился «*восстановить свою націю помощью Россіи*». Агванскій патриархат, въ *угоду зарубежному католикосу*, был сперва крайне стеснен, а затем, по присоединении Карабаха и Гянджи к Россіи, незаметно упразднен, *эскамотирован*. Оказалось, что *наши политики менѣе дальновидны, чем даже турки*, догадавшіеся въ своих предѣлах поддержать независимость патриархатов *Сисскаго и Ахтамарскаго* от «католикоса всех армян».

В момент присоединенія Грузіи армянское духовенство стремилось показать, что армяне тут играютъ какую-то особенно выдающуюся роль, и что главная суть именно въ армянах. Так как монофизитство армян было небезызвѣстно образованным русским іерархам, а Россія спасла и приняла на свое лоно Грузію как царство *единоверное*, то архіепископ Иосиф позаботился о распространении возможно болѣе благоприятных сведений об армяно-григорианствѣ. въ 1799 году вышла въ С.-Петербурѣ книга «*Исповѣданіе христіанской веры армянской Церковью*» Иосифа, архіепископа армянскаго народа, обитающаго въ Россіи. На страницѣ 14-й сказано о Христѣ: «*едино Лице*, *един вид*, и соединен въ *едином естествѣ*»; на 50-й страницѣ Иосиф говорит, что естество здѣсь равняется понятію *лица*. Но тогда к чему же было приводить два равнозначущих понятія? Ясно, что это дѣлалось из желанія *скрыть* монофизитство армян. Разумѣется, он тщательно умолчал о католикосѣ Иоаннѣ IV Отцннском, прозванном «философом» и причтенном григорианской церковью к лику святых. въ *угоду* мусульманам-арабам и за приличное от них вознагражденіе этот іерарх созвал собор, на котором *подверг анафемѣ Халкидонскій собор* и произнес еще слѣдующіе решенія: «Кто говорит, что Христос был человеком по природѣ, и твореніем тленным по плоти, и подверженным страданію, и смертным по природѣ человеческой, *анафема* да будет; кто не исповѣдует Христа *единым* бессмертным естеством, *анафема да будет*».

Видя, что все это компрометирует армянскую церковь въ глазах православных, въ XIII веке армянскій историк Киракос, а въ позднѣйшее время упомянутый Иосиф и католикос Нерсес пытались скрыть монофизитство армян.

Интересно разоблачаютъ все эти махинаціи проф. Спб. Духовной академіи Троицкій «Изложеніе веры армянскія» 1877 г. и г. Аннинскій «Исторія армянской церкви», Кишинев, 1900 г.

Архіепископ Иосиф, впрочем, напрасно так беспокоился об этом вопросѣ. въ ту пору наша бюрократія мало заботилась о православіи и еще менѣе понимала въ нем толку. Армянское дело въ русских предѣлах съ той поры продолжало расти неуклонно, по временам двигаясь вперед крупными скачками. По туркменчайскому трактату въ состав Россіи вошел Эчмиадзин и католикос оставлен на правах вселенскаго патриарха всех армян. Православную грузинскую автокефальную Церковь мы своевременно упразднили и земли ѣе отобрали въ казну, а наряду съ этим въ русских предѣлах оказалось теократическое *государство въ государствѣ*, фактически недоступное контролю и обладающее огромным авторитетом въ глазах своей «политической паствы». При Паскевичѣ был послан въ Персію полковник Лазарев для приглашенія армян, которые перешли въ ЗаКавказье въ числѣ, примерно, 40 000 душ. Эчмиадзинскій патриарх тоже участвовал въ этой комбинаціи: велел переселиться из Персіи армянским священникам, за которыми вслѣд пошла и паства. По Адрианопольскому миру мы

получили больше 10 000 турецких армян; один эрзерумский архіепископ Карапет привел до 70 000. съ той поры постепенное переселеніе армян из мусульманских государств въ Россию шло *непрерывно* , то еле заметной струйкой, то, как за последніе несколько лет *широким, стремительным потоком* . Теперь, когда больше или меньше ясно, к каким результатам привело стремленіе Кавказских администраторов привлечь побольше армян, немудрено вспомнить малорусскую пословицу: «купив собі біду, тай за свои гроши».

Разумьется, и Иосиф Аргутинский, и католикос Нерсес, сидевший на патриаршем престоле съ 1843 по 1857 год, были *колоссами армянской идеи, по сравненію съ прочими соплеменниками своими* . Созидательная, съ армянской точки зренія, деятельность Нерсеса, въ бытность его архіепископом, въ Тифлисе и Кишиневе, прямо огромна.

8. Племенная обособленность и экономическое владычество.

Масса армянскаго населенія, пожалуй, подумывала въ Турции и Персии об автономии; перейдя же въ пределы могущественной России и притом въ ЗаКавказье, довольно рационально тогда управлявшься, армянский народ первое время не поддавался нелепым бредням. Он отдыхал от тяжких испытаний, богател и незаметно подготавливал для себя сперва экономическую почву. Бунтовать же, например, при Ермолове было бы не очень удобно.

В изданном по Высочайшему повеленію «Обозреніи российских владений за Кавказьом» (Спб. 1836) на стр. 197-199 говорится следующее: «Армяне, подобно Моисьеву народу, должны были рассеяться по лицу земли, собирая богатства, коими, под бременем своих властелинов, не могли наслаждаться въ земле своей. От этого произошла причина *бесхарактерности армянина: он стал космополитом* ; его отчизной сдѣлалась та страна, где съ большей себе выгодой и безопасностью может он употребить изворотливый свой ум для прибыли. Но и въ этом отношеніи заметна некоторым образом *робость его духа* ; нужны слишком явные, слишком положительные выгоды для побужденія армянина к предпріятию важнаго какого-либо торговаго оборота. Да и въ таком случае нередко страх потерять приобретенное уже бывает причиной неуспеха въ начатом деле. Все это могло произойти частью от утеснительнаго состоянія, въ каком находились они при азиатском правленіи, ибо богатство подвергало иногда жизнь опасности, или, по крайней мере, надлежало тщательно скрывать приобретаемое. Хитрость, лукавство — необходимые качества непросвещенных, а тем больше торговых народов, — свойственны армянам: *всякий обман считается ими дозволенным въ покупке и продаже, всякая мера для приобретенія — законной. Они овладели торговлей Тифлиса и всего ЗаКавказья; исполняют всякаго рода порученія, содержат почти все откупы, принимают все подряды, исполняют обязанности комиссариатских и провиантских там комиссій. Они — переводчики, докладчики, факторы; словом, где есть возможность получать прибыль, там непременно находятся армяне. Корысть — первый движитель всех их помыслов и поступков* ».

Эта характеристика и по сіе время верна, за *исключеніем* указанія на космополитизм . съ 30-х годов много воды утекло, и армянское племенное обособленіе развилось съ чрезвычайной быстротой, при помощи духовных и светских патриотов, быстрого обогащенія и беспрепятственнаго пользованія богатством, а также *отсутствия дальновидности у целаго ряда русских правителей*, которых армянскіе вожаки умели, посредством веских, а, по Кавказским преданіям, иногда и *вещественных аргументов* , убеждать въ своей непоколебимой преданности и верности России. Последнѣе, кстати, как будто подтверждалось во время каждой войны, когда армяне служили *шпионами* против турков и персиян; доказательство *мало надежное*, ибо въ самом ремесле шпиона содержится основаніе для *недоверія* к его носителю.

Весьма характерно замечаніе автора «Обозренія» относительно робости духа армян, даже въ области промышленности. Князь Воронцов почти силой навязывал им выгодные предпріятия, положившіе начало огромным состояніям. въ их обогащеніи, съ первых же дней и до сего времени, двигателем является *начало паразитическое, а не созидательное* . въ немецкой экономической литературе это называется Conjuncturgewinn, т.е. барышом, получаемым от особеннаго сцепленія условий, случайных или искусственных. *На изошреніе*

техники такого пенкоснимания, на опутывание местных властей и иноплеменного населения были в первой половине XIX столетия направлены все силы армянской буржуазии.

То, что автор «Обозрения» называет *«бесхарактерностью»* армян, точнее называть *умением по внешности ассимилироваться*, воспринимать чужие имена, одежды и обычаи. в Грузии масса армян приняла фамилии с окончанием на «швили», в мусульманских провинциях появились Юсуф-беки, Кара-беки, Ибрагим-ханы и тому подобные прикрытые армяне; в России появились не только имена с армянским корнем и русским окончанием, но даже Красильниковы, Сапожниковы, Лисицыны, Сергьевы, Поповы. в Астрахани был отъявленный ростовщик армянин с очень русской фамилией, прозванный «красным кушаком». Его потомки пролезли во дворянство и в такие круги, где их никто не ожидал...

Ассимиляция, как впоследствии оказалось, была *весьма поверхностной и временной*. Армянство держало за пазухой камень обособления, и этот камень рос, сперва незаметно, а за вторую половину XIX века — с наглядной, головокружительной быстротой.

Идею обособления подсказывали армянам и *англичане*, которые с самого начала нашей Кавказской войны стремились подзадоривать все местные племена к восстанию против России, и *поляки*, двумя, если можно так выразиться, вспрыскиваниями, в 30-х и 60-х годах, за позднейшее время *немцы*, и, наконец, сами же армяне, приходившие из зарубежных стран. Среди таких армян выделились две семьи особенно «ядовитых». Первая отличалась *клерикально-сепаратистским* направлением, а вторая поставила сепаратизм на почву *буржуазно-либеральную*, иногда с радикальным оттенком. Каждая война России с соседними восточными государствами увеличивала, с одной стороны, численность армян, и притом элементами, выработавшими в себе инстинктивную склонность к крамоле в хаотических азиатских деспотиях; с другой — война чрезвычайно обогащала их промышленный класс. Поставщики, шпионы, мародеры сильно наживались, а цены на все необходимые продукты быстро возрастали, под предлогом войны, и *затем оставались на этом ненормальном уровне*. Еще Пагодин, посетивший ЗаКавказье при кн. Барятинском, отмечает *чрезвычайную дороговизну жизни*, очевидно искусственную.

Наместничество немало также послужило подъему экономического могущества и племенному обособлению армян. Эта, безусловно, отжившая ныне для Кавказа форма управления, в указанный исторический период имела свое разумное основание, но у нее уже тогда были также и *темные стороны*. Так, например, наместник князь Воронцов, задавшись «европеизацией» Кавказских народностей повел их путем сильного повышения потребностей, подъема роскоши и шумной общественности. Элементы, экономически не подготовленные, стали разоряться, а хищные, т.е. представители армянской буржуазии, — сильно богатеть на костях тщеславной знати, летевшей на агонь новых приманок. При первом же наместнике образовалось нечто вроде двора и хотя «придворными» были, главным образом, представители родовитой знати, но *их денежная зависимость от армянских богачей приводила к тому, что эти последние были фактически влиятельными людьми*, далеко не всегда с ведома начальников края.

Против краевого обособления можно было бы значительно раньше принять меры, умело насаждая *русскую экономическую силу* и, главное, *соединив ЗаКавказье возможно более кратким железным путем с остальной Россией*. Но именно этого-то и не было сделано, как я имел случай отметить в предыдущих главах. Вместо этого была проведена ЗаКавказская железная дорога, то есть, *организовано обособленное экономическое кровообращение обширного края*. У нас принято смотреть на железные дороги, как на фактор прогресса и обогащения вообще. Это взгляд совершенно неверный и, должно быть, придуманный заинтересованными лицами и без должного понимания повторяемый прочими обывателями. Железная дорога есть *орудие, всецело служащее тому, кто экономически сильнее других, обостряющее и ускоряющее развязку неравной борьбы между сильным и слабым, между стачкой и разрозненными обывателями*. ЗаКавказская дорога явилась преимущественно орудием быстрой хищнической эксплуатации всего населения страны армянской буржуазией, так же точно, как и банки, и многое другое...

Обширный район экономического воздействия своего властители охотно начинают при таких условиях *принимать за будущую свою политическую территорию*, тем более что вся

история Передней Азии богата фактами, склоняющими к такой «мечтательности». Да и как не мечтать людям, быстро разбогатевшим темными путями без созидательного труда и видящим в течение нескольких десятилетий, что им *все позволено* , все сходит с рук! Система подкупа организована, печать местная и столичная к услугам, Петербург, в лице *честных* представителей власти, не осведомлен... Странно было бы не «мечтать»!..

Мусульмане, жители завоеванных областей, спрашивают не без горькой иронии. — «Где же русские? Для каго же они нас завоевали? Во всяком случае, *не для себя* . Мы видели храбрых русских солдат, а теперь видим только слабых и корыстных российских чиновников, зачастую не русских по происхождению. Ни ваших купцов, ни ваших хлебопашцев здесь не видно! *Все армяне, наши вчерашние рабы* . Нечего сказать! Стоило воевать, чтобы дать господство таким нехорошим людям!..»

Два факта имели *решающее экономическое, и затем политическое значение* для ЗаКавказских армян и, так сказать, *прорвали плотину* , сколько-нибудь сдерживавшую их быстрое наступательное движение. Это, во-первых, *изъяны реформ 60-х годов* , а во-вторых, развитие *нефтепромышленности в бакинском районе* .

Первый факт повлек за собой разорение дворянства и упадок его авторитета, прилив в ЗаКавказский край многих русских людей, враждебных русскому строю и увлеченных новыми течениями, от буржуазного либерализма до анархии включительно. Такие люди ни создать русского дьла, ни мешать инородческому обособлению не могли. *Правовой порядок, уместный там, где сильно развита гражданственность и самодеятельность всех слоев и категорий населения, явился вопиющей нелепостью в ЗаКавказье* и предал всех и все в руки армян, которые одни обладали чертами характера, необходимыми для победы при буржуазно-правовом строе. Не будет преувеличением сказать, что эти черты развиты в них *до уродства* . в силу исторической привычки к подпольным организациям, они умеют, почти без уговора, соединяться в кружки, дисциплинироваться, организовывать стачки и маленькие экономические и иные заговоры против всех прочих обывателей. *Этой способностью они превосходят евреев*, у которых зато гораздо больше творческой фантазии, чем у армян.

Пионерами нефтепромышленности в крае *были сперва русские* , но скоро и след от них простыл, потому что они не умели прибегать ни к армянским способам обогащения, ни к армянским же способам вытеснения конкурентов, — посредством уголовщины, стачек и интриг в присутственных местах всевозможных ведомств. Состояния в несколько десятков миллионов стали возникать с быстротой головокружительной. Вчерашний амбал, носильщик, нагрузчик с пристани, мелкий приказчик или больше или меньше заведомый контрабандист, получив от «своих людей» клочок украденной у казны нефтеносной земли, через несколько месяцев мог иногда купить совесть десятков служилых людей, необеспеченных, изолированных, лишенных нравственной и материальной поддержки. Поднялась целая *вакханалия* , которая с возрастающей силой *продолжается до сих пор* .

Часть тамошнего русского служилаго класса давно в зависимости от армянских богачей. *Нет в крае буквально ни одного учреждения, дьла и проекты которого составляли бы абсолютную тайну от армян*. Высшее сословие всех местных племен, в лице огромного большинства своих представителей, мотается на вексельных арканах и, так сказать, нравственно, *стоит уже на запятках* у новых повелителей края. Банки, не исключая государственного, повинуются им же: в учетном комитете местного отделения государственного банка армяне составляют подавляющее большинство и широко этим пользуются. Общество взаимного кредита, главный капитал которого состоит из сравнительно небольших прежних чиновничьих сбережений, систематически служит поддержанию деревенских и городских ростовщиков, опутывающих крепкой сетью все местное население. *Вся, теперь без исключения, Кавказская печать находится во власти или под влиянием армян*.

Несколько русских газет, издаваемых армянами и трогательно *солидарных с нашей еврейской печатью* , конечно, *только печатаются русскими буквами* и проникнуты ненавистью к созидательным русским началам.

Цензура, которой по закону надо быть объективной в племенном вопросе, нередко больше чем наглядно мирволила армянам!

Чтобы не быть голословным в этом указании, приведу несколько примеров. Выше я уже

указал, что статья, полная издевательств над одной из древних православных святынь, была пропущена цензурой, а мне не было дозволено въ газете «Кавказъ» ответить, как следует, на эту мерзость. У меня хранится оттиск статьи, въ которой русская женщина призывала своих тифлисских соотечественниц к бережливости, к отказу от излишней роскоши и сомнительнаго кредита и советовала беречь служилую честь и достоинство мужей, отцов и братьев. Статья была запрещена, потому что *могла бы раздражить местных тузов, которым успешность такой проповеди была бы некстати*. Предлагом к запрещению этой статьи и многих других было недопущение так называемой расовой нетерпимости, хотя об армянах там не было сказано ни слова⁷. Расовая «терпимость» цензуры не помешала ей, однако, разрешить тифлисскому уличному листку пошлый *пасквиль на магометанство*. Какой-то местный наемный разбойник пера написал, что *Магомета силой толкнули въ ад*. Написано это было *не зря*, а съ явной целью вызвать беспорядки. На площадях и базарах въ день выхода этаго номера представители армянской черни, как-то сразу осведомленные, *дразнили этой статьёй местных мусульман*. Возбуждение последних дошло до такой степени, что местами люди хватались уже за кинжалы; начальник края был въ отъезде, и высшіе представители мусульманскаго духовенства заявили его помощнику, что не отвечают за спокойствие своей паствы.

Только благодаря последнему обстоятельству цензура дозволила мне дать очень резкую отповедь негодяю, бессмысленно бросавшему въ толпу грубые издевательства над чужой верой.

Для характеристики положенія вещей добавлю, что автором статьи был деморализованный от бедности грузинский дворянин, прервавший свою «литературную» карьеру тем, что *убил человека из засады, не поделив съ ним какой-то свиньи*. Армяне-плутократы прикармливают таких людей и, так как их интеллигенция к писательству неспособна, то они широко пользуются услугами продажных иноплеменников, въ том числе местных и столичных русских. Указанный герой что-то очень долго был судим, написал въ промежутке между инстанциями трогательную статью въ «С.-Петербургских Ведомостях», был сослан, но затем, по чьему-то сердобольному ходатайству, помилован и теперь опять поучает тифлискую публику нравственным принципам.

Боюсь отвлечься въ сторону и впасть въ личные воспоминанія, но не могу удержаться от таго, чтобы рассказать маленький факт, свидетельствующий о культурном уровне местных, съ позволенія сказать, писателей, питающихся из армянскаго корыта. Как-то перед Рождеством задумала группа местных городских учительниц устроить елку для бедных детей и печатно обратилась за пожертвованіями. Казалось, следовало поддержать начинаніе этих милых, самоотверженных тружениц. Однако, упомянутый выше герой, въ угоду каравансарайским купцам, не желавшим жертвовать на это дело, выступил со следующим убийственным возраженіем: «В основе устройства елки для бедных лежит доброе христианское чувство, но энергия и деньги расходуются, извините за грубость, на глупости. К чему такая трата мирра: не лучше ли было продать его и раздать нищим. Это слова *Спасителя* весьма уместны въ данном случае».

Фельетонист армянствующей газеты *приписал Христу слова Иуды*. После этаго выраженіе «иудина мораль» вошло въ Тифлисе въ поговорку.

С армянской печатью творилось нечто невообразимое. Например, газета «Ардзаганк» систематически издевалась над всем русским, о чем я получал лишь отрывочные сведенія. *Честнаго переводчика въ Тифлисе нельзя достать на вес золота*. Наконец, я случайно нашел такого господина, конечно, не из армян, который доставил мне перевод очень щекотливой проповеди его святейшества, католикоса Мкртыча I, и кое-какіе другіе нескромные признанія армянскаго «патриотизма»⁸. Как только я напечатал эти вещи, взвыла не только

⁷ Указанная статья для примера целиком помещена в «Приложении» настоящей книги.

⁸ В указанной проповеди, помещенной в № 37 газ. «Ардзаганк» за 1897 г. католикос, в виде предисловія, предупреждал паству о наступлении, хотя и запоздалом, «весны» для армянскаго народа и о благах, которые она ему принесет: «Вот наступила весна, оживилась природа; но после продолжительной и суровой зимы, желанная нами весна еще не настала. Не знаю, почему так опаздывает она, но во что бы то ни стало она, наконец, должна

армянствующая печать, но и цензура. Газеты, печатающіеся русскими буквами, назвали меня traditore, — предателем, как будто я кому-нибудь присягнул никогда не переводить щекотливых вещей, печатающихся въ армянских газетах, которые, стало быть, считают себя подпольными?! Цензура же настаивала на неточности помещеннаго у меня перевода и защищала вообще газету «Ардзаганк».

Впоследствии точность перевода была констатирована компетентным лицом, занимавшим официальное место, газета «Ардзаганк», клерикально-революционное направление которой дошло потом до крайних пределов, была окончательно запрещена через год. Упомянутый же переводчик совершенно исчез съ моего горизонта... Он боялся, и не без основанія, что его прагонят со службы, хотя служил он въ русском правительственном учрежденіи...

Странно даже говорить такіе вещи, а между тем въ том, что я скажу, нет преувеличенія. Крупное должностное лицо может еще, пожалуй, отстаивать русскіе интересы от посягательств армян, но маленькому чиновнику прямо небезопасно быть не только активным противником армянской интриги, но даже просто страго-честным служакой, не допускающим беспорядка и злоупотреблений, въ которых участвуют армянскіе тузы. Его непременно оболгут, запачкаютъ ему формуляр, выживут его тем или иным способом, если у него нет сильной поддержки; постараются повлиять на его жену или детей, скупить его векселя, если таковые есть, лишить его кредита, если таковой нужен. въ Тифлисе есть съ крикливой роскошью обставленное учрежденіе, мнимо-культурное и носящье приличествующье случаю имя, но *специально основанное* съ целью вовлекать русских чиновников въ склад жизни выше средств, совращать съ пути истиннаго чиновничьих жен и вообще опутывать местное общество под предлогом приятных способов препровожденія времени. Оно описано въ моей сатире на тифлисскіе нравы «Нор-Какгак» (Новый Город). Пошлость мысли, выцыганиваніе нравственных начал, франтовство, обжорство и «клубничка» — союзники армянской политики. Это целая система, и система сложная, сопряженная съ шантажом, позорная для русскаго имени.

В серьезных вопросах хозяева края не останавливаются и перед крайними мерами. Например, смерть честнаго судебного деятеля, члена тифлисской судебной палаты *Стрельбицкаго* доселе является *не разъясненной* (хотя и «разъяснявшейся») печальной загадкой. Он умер внезапно, еще полный сил, во время веденія важнаго дѣла. Зато люди податливые «процветаютъ»; есть, например, служилые лица съ видным положеніем, позволяющіе себе производить въ порядке третейскаго суда раздел крупных армянских имуществ и получать за это «дары нефтепромышленности».

О прямых злоупотребленіях я уже не говорю: имя им легион. Расхищены десятки тысяч десятин казенной земли, сокрыты сотни вопиющих преступлений, о которых говорил целый край. Люди, заведомо занимавшіеся контрабандой, хищеніем земель, подлогами и иными преступленіями и нажившіе потом миллионы, достигли высочайших для их репутации и нравственной дикости званий и почестей; невежды и развратники оказывались покровителями учебных заведеній; воры и поднадзорные — влиятельными членами армянских церковных попечительств, заправилами банков, главарями благотворительных обществ.

О том, какую ужасающую картину представляло и доселе представляет собой городское хозяйство, например, тифлисское, нечего и говорить. Хотя армяне там составляютъ лишь 40% населенія, — дума всецело въ их руках. Грузинам, русским, мусульманам доступа туда нет. Ни порядочных мостовых, ни хорошаго освещенія, ни сноснаго водоснабженія. въ теченіе многих лет левый берег Куры, населенный русскими, подвергается периодическим наводненіям, дети мрут, как мухи, дома гниютъ. Начальство пишет, запрашивает, предписывает, а воз и ныне там. Армянскіе вожаки открыто хвастаютъ, что выживут русских из этой местности. К слову «русский», когда это простолюдин, они весьма обычно прибавляютъ термин «собака»; интеллигентных, но не влиятельных людей третируютъ, а своих прислужников держат на ролях илотов, то комичных, то позорных.

Вот факт, обрисовывающій целую картину отношеній. Тифлисскій губернский врач, г. Кикодзе, грузин, безукоризненный и мужественный местный деятель, открыл, что на городской

бойне не сжигались, а продавались ветеринарным врачом Испандарьяном трихинозные свиные туши въ огромном количестве. Рискаю жизнью, несмотря на грозившіе ему обнаженные кинжалы заинтересованных лиц, молодой врач поймал съ поличным мясника покупателя, обнаружил *городской склад заведомо трихинозных туш* и составил протокол. По расследовании обнаружилось, что это *система*, практиковавшаяся уже некоторое время; кроме непосредственного виновника, косвенно были замешаны и исполнявший обязанности врачебно-санитарного инспектора и коллеги Испандарьяна по надзору за бойней. Испандарьян лишил себя жизни, думцы всполошились и под разными предлогами, при помощи мнимо-благовидных отговорок и формальностей, чрезвычайно медлили (чуть не год!) рассмотреніем вопроса въ думе. Тем временем, въ лесах Кахетии, как упоминалось въ местных газетах, умирали въ значительном числе от неизвестной мучительной болезни бедные дровосеки. На состоявшемся, наконец, сильно запоздалом заседании думы по вопросу о трихинах, известіе об указанной болезни было поставлено въ связь съ продажей трихинозных туш на сторону. Известіе было встречено возраженіем, что, стало быть, городу Тифлису не о чем беспокоиться. въ конце концов, русский человек, сын заслуженнаго генерала и присяжный поверенный, гласный думы, некий г. Опочинин высказал, что, так как главный виновник сам себя наказал, то дело следует *предать забвенію*. Не считаю нескромным назвать этаго господина, потому что тогда же, въ Тифлисе я резко выразил ему печатано свое возмущеніе. Слова, впрочем, не помогают там, где «нужно власть употребить»!.. Исправлявший должность санитарнаго врачебнаго инспектора был въ этой должности утвержден, — и тем дело кончилось.

Сложность армянскаго вопроса заключается въ том, что *задачи паразитизма и политиканства между собой тесно переплетены, находятся въ органической связи...* Во время городских выборов это обнаруживается весьма наглядно. Такой порядок сильно развился при двух очень «патриотичных» армянах, городских головах Матинове и, въ особенности, покойном Измайлове, когда армянская политика стала главным двигателем городской жизни. Многіе русскіе и грузины искусственно лишаются возможности участвовать въ выборах, частью из-за недоимок по обложению, причем въ некоторых случаях въ последнюю минуту таким препятствіем служили внезапно предъявленные управой недоимки въ *несколько копѣек*, частью же потому, что избирателям из не-армян банки грозят взысканіем по векселям.

На последнѣе можно не без основанія заметить, что вольно же давать людям себя запутывать. Но дело въ том, что въ ЗаКавказье всем пасынкам этаго края мудрено и не запутаться. Рынок въ руках у стачки, жизненные продукты чрезвычайно дороги, а кредит, который был бы нормальным въ другой местности, здесь всегда опасен. Вообще, упоминая о нелестном положеніи русских людей, об их слабости и податливости въ известных случаях, считаю нужным аговориться, что даже грехи могут быть вменены им въ вину лишь въ малой степени. Виноваты не отдельные лица, от которых *заведомо нельзя требовать героизма*, и даже, страго говоря, не единичные начальники края, которые могут быть преисполнены лучших намереній, но не обладать всеведеніем и *не находить достаточнаго контингента честных и верных сотрудников*. Виновата *история края*, создавшая особую *систему*, особый бытовой склад, при котором самые лучшіе начинанія бескорыстных представителей русской власти даютъ лишь малые результаты.

Тут целый гордіев узел. Необходима работа многих умов, работа целаго *спеціальнаго учрежденія*, которая бы выяснила *истинное*, а не только формально-отчетное *положеніе дел* на Кавказѣ, и историческіе его причины; надо, чтобы такое учрежденіе не было отвлечено тяжкими заботами повседневной жизни, как отвлечена местная власть. Тут ведь и разбои, и землетрясенія, и другіе стихійные бедствія въ этом пестром крае, и необходимость отстаивать въ мало-принципиальных и неосведомленных столичных «сферах» те или иные предприятия, подсказанные жизнью; а время идет, времени мало и мало покоя для труда, имеющаго свои *научные* стороны.

Попросту говоря, нужна *сенаторская ревизія*, причем важно, чтобы такой сенатор был *истинно русским* человеком, свободным от сильных влияній, а также предрассудков и фальши буржуазнаго либерализма; нужна *глубокая честность не только сердца, но и ума*.

Бог даст, несчастный край дождетсѣ этаго. Покуда же надо оценить и то, что за последнѣе

время хоть несколько умерился цинизм хищений и несколько притих задор людей, дерзавших произносить слово «русский» съ насмешливой улыбкой, — задор, невыносимый по своей наглости.

Легко можно себе представить, как бесцеремонно обращаются армянские политиканы съ другими народностями. Несколько лет тому назад въ кахетинском городке Сигнахе православные справляли иордан. Специально, чтобы надругаться над православием, армянские пиджачные интеллигенты наняли невыносимо крикливую зурну и барабан, взобрались на ближайшую к православной иордани колокольную и подняли такой невообразимый шум, что слов богослужения не было слышно. Зурна — такая дудка, звуки которой слышны чуть не за пять верст. Полиция предоставила этим милым людям наскандалить вволю, ибо и уездный начальник, и его помощник въ Сигнахе были въ ту пору армяне. Скандалистов потом судили и, по обычаю, приговорили к какому-то ничтожному наказанию, и то не самых зачинщиков, а нанятых ими музыкантов.

Упомянув о политиканстве армянской буржуазии, я съдлал это совершенно объективно и не хотел преувеличить явления, которое может серьезно разрастись, но может и свестись к более ничтожным формам. Это вопрос будущего, *вопрос русского самосознания*.

Политические мечтания части армянских тузов и мнимо-интеллигентных людей отлились въ более или менее определенные формулы, по-видимому, после польского мятежа 63-го года, а затем нашли поддержку въ последующих противоправительственных движениях въ России и въ заграничных кучках революционеров.

Особую роль сыграл бывший редактор-издатель «Мшака» — Арцруни, ныне умерший, который изобрел для Кавказских туземцев, съ целью объединения их под армянским руководством, следующие формулы, проводившіеся на более или менее эзоповском языке, даже въ русско-армянских изданиях: *«соединимтесь против общего врага»*, т.е. России, и *«Кавказъ для Кавказцевъ»*. Русские самоотрицатели, как водится, поддерживали это бесцеремоннейшим образом. Грузины, однако, поняли, въ чем дело, и талантливый поэт-юморист кн. Акакий Церетели ответил въ прекратившейся ныне газете «Дроэба» на призыв Арцруни следующим стихотворением, которое ныне привожу въ переводе В.П. Лебедева впервые, так как *оно не могло появиться въ «Кавказе»*, хотя наряду съ этим другие газеты и проповедовали открыто *«грузино-армянскую солидарность»*... против общего врага. Вот это стихотворение:

Комарь и муха

Комар-хитрец сказал однажды мухе:
— «Сестрица, ведь тебе я друг!
Ты знаешь, всюду ходят слухи,
Что нас поймать затеял злой паук?!
Готова западня, готова паутина,
А мы все ссоримся съ тобой!..
Давай, сестра, перед борьбой
Соединимся воедино,
Чтобы врагу навстречу полететь
Четою дружной, легкокрылой,
С двойною ловкостью и силой
Порвать губительную сеть!»
Лукавых речь всегда сладка для слуха —
И муха
Все лапки подала въ восторге комару:
Отправились искать отважно паутину.
Комар на муху сел... Да, видно, не к добру!
Знать, пить он захотел въ воинственном жару. —
И ну сестрицу жалить въ спину!
Сестрица терпит; братец пьет да пьет:

Знать, кровопийствовать разбойнику не внове!
И вот, почувствовав, что въ теле мало крови
И сил нет двигаться вперед, —
Союзнику взмолилась муха: — «Больно!
Товарищ, ты кусаться брось.
Иль прочь ступай! Я мучилась довольно!
Невмаготу пришлось!»...
«Безумная!» — комар жужжит сурово, —
Ведь мы союзники! Тебе я первый друг!
Смотри, вдали уж виден злой паук
И паутина там готова!»
«Ну хоть бы даже так», — сестра ему въ ответ, —
Зато *теперь* грозит мне смерть такая ж!
Паук еще меня поймает или нет, —
А ты меня наверно доконаешь»...

Такое здоровое пониманіе дѣла, конечно, признак хороший, но жизненные условия могут внести и вносят разлад между здоровым пониманіем и нелепыми, даже роковыми поступками.

Грузины и карабахскіе мусульмане на Кавказѣ иногда говорят, неискренне улыбаясь, что *стоит русскому правительству вывести войска из ЗаКавказья, и от армян ни косточки бы не осталось*. Уже лет тридцать, как эти слова до смешного далеки от истины. Во-первых, армяне не только экономически поработили всех прочих, но и отчасти завладели *политическими* тенденциями других обособляющихся народностей; наконец, у них *есть уже своя «армия», — сброд из Турции*. въ частности, этнографическая картина Тифлиса сильно изменилась за послѣдніе несколько лет. Так, например, теперь там трудно встретить мушу (носильщика) из рачинских грузин, — некогда весьма известный и симпатичный тип чернорабочего: теперь все какіе-то необычайно разбойничьи рожи въ турецких тюрбанах и башлыках⁹. Вытесненіе простолюдинов русских и грузин неуклонно ведется городским самоуправленіем и стачкой плутократов.

9. Правда о турецкихъ зверствахъ

Сильное обостряющее значеніе имели для всего ЗаКавказья, и въ частности для армянства, послѣдняя русско-турецкая война и ѣе политическіе результаты, отлившіеся въ параграфѣ Берлинскаго трактата относительно турецкихъ «христиан». Это произошло *неспроста*. Еще задолго до войны, *Германія* обращала свои взоры на Ближний Восток, где, еще будучи молодымъ офицером, съ толком поработал Мольтке. Статья Берлинскаго трактата о турецкихъ христианахъ была *первымъ шагомъ Германіи по пути къ Багдадской дороге*, а съ другой стороны, — открывшимся вулканомъ, изверженія котораго грозятъ европейскому миру и, въ частности, делу Россіи на Ближнемъ Востоке. Необходимо отметить, что за послѣдніе тридцать летъ *Германія систематично работаетъ надъ развитіемъ армянскаго сепаратизма въ ЗаКавказье*. Многo армянскихъ кружковъ сосредоточено именно въ Германіи. Между Тифлисомъ, Берлиномъ, Мюнхеномъ, нашими балтійскими пангерманистами поддерживаются оживленнейшіе сношенія, въ которыхъ принимали горячье участіе и *финляндскіе демагоги*. Германскіе офицеры генеральнаго штаба подъ видомъ археологовъ, любителей охоты и туристов, значительными

⁹ Грузинская газета «Иверія» констатируетъ в сѣнтябрѣ 1897 году тотъ фактъ, что прежде со всей Грузіи стекались въ Тифлисъ и другіе города чернорабочіе, не нашедшіе труда у себя въ селеніяхъ по малоземелью, климатическимъ и инымъ условіямъ, а теперь они вытеснены изъ Тифлиса армянамъ изъ Эриванской губерніи и особенно беглецами изъ Турціи. Произошло это не вследствие конкуренціи или какого-либо иного политико-экономическаго столкновенія, ибо заработная плата за эти годы не понизилась, какъ это бываетъ при естественной конкуренціи, а напротивъ значительно повысилась. Например, чтобы перепилить кубическую сажень нетолстыхъ дровъ трое армянскихъ «амбаловъ» требуютъ отъ 4 р. до 5 р. 50 к., причемъ работа исполняется за 4-5 часовъ и очень небрежно.

группами посещают ЗаКавказье. Характерно также, что интеллигентные армяне, получившие образование в бывшем дерптском университете, проявляют систематичную враждебность к России и что *служащие на Кавказе немцы особенно покровительствуют армянам* .

В виду приведенных выше условий, после берлинскаго трактата у армян начались определенные уже политическіе мечтанія об *автономии* . Но для автономии не паразитической и сколько-нибудь прочной требуется больше или меньше сплошная *территория* . Как видно из обнародованных в 1897 году документов французскаго министерства иностранных дел, в Турции данных для такой автономии *нет и не было* . На стр. 2-й говорится: «Глубокое изучение распределения различных племен позволяет, однако констатировать, что *ни в одном вилайете Турецкой империи армяне не представляют большинства населенія* » . Это наглядно подтверждают добытыми ими статистическими данными на местах Кавказские офицеры генеральнаго штаба генерал Зеленой и полковник Карцев. На стр. 12-й упомянутой книги, в письме г. Камбона, французскаго посла при турецком дворе, к министру Ганото, говорится, что *о независимой Армении нечего и думать* и что если бы, вследствие каких-либо невероятных условий, Европа предложила создать Армению, — было бы даже почти невозможно указать пределы этаго новаго государства.

Тот же г. Камбон доносит, что в Турции идет *сильная пропаганда армянскаго восстанія, искусственно подготавлиаемаго Англіей* , и, отчасти, как видно из донесения диарбекирскаго французскаго вице-консула от 5-го октября 1894 года, в деле *оказался замешанным и Тифлис* . Вот что пишет этот г. Меріе своему начальнику: «Говорят, что движение было подготовлено задолго обществом *«Гнчак»* , управление котораго находится в настоящую минуту в Тифлисе, а раньше было в Лондоне и Афинах. Инсургенты-де повинуются приказам этаго общества».

Можно добавить, что другая группа армянских революционеров, под именем «Дрошак», т.е. «Знамя» сосредоточилась вокруг газеты таго же имени, существующей и доселе. Издается она не в наших предѣлах, но «дрошакистов» на Кавказе немало.

В целом ряде донесений французскаго посла, проникнутых глубочайшей симпатіей к армянам, как христианам, а также стремленіем к серьезным реформам, искренно разделявшимися русской дипломатіей, г. Камбон перечисляет целый ряд *зверских политических убійств, совершенных членами армянскаго революціоннаго комитета* и их наемниками, отмечает весьма характерный факт, впоследствии мною в некоторой мере проверенный, что *главная масса армян не сочувствует революции и лишь единичные кучки турецких армян мало-помалу поддаются угрозам и террору своих вожakov и частью против воли вступают в борьбу*. Многие турецкіе беглецы-армяне, сь которыми мне или моим знакомым приходилось говорить, откровенно признавались, что *бежали в Россию не от турков, а от своих же террористов*.

В упомянутой книге говорится о массовых беспорядках, затеянных армянами, *которые местами сами стали нападать на турков и курдов, чтобы вызвать резню* . Перед началом беспорядков и вопиющих зверств в Константинополе, где, как известно, шайка армян ворвалась сь динамитными бомбами в «Отоманский Банк», армянский революціонный комитет прямо обращается к г. Камбону сь подобіем ноты, в которой говорится, что армяне решились произвести *«мирную демонстрацію»* и комитет, мол, не отвечает за последствия, если полиция вмешается. Во время последовавшей манифестации *армяне первые стали убивать полицейских и даже жандармских офицеров* . Это-то послужило толчком к ужасающей резне армян, при одной мысли о которой волосы становятся дыбом. Из указанной книги видно, что в *значительной мере повод к армянской резне подали сами революционеры своими вызывающими действиями, сознательно к этой цели направленными*, что англійский посол и консулы всеми силами пытались все это раздуть и осложнить, а русский и французский послы, при всей симпатии к безвинным жертвам интриганов и осатаневших мусульман, проявляли большой политический такт.

Особенно замечательна была гениальная дальновидность незабвеннаго князя Лобанова-Ростовскаго, нашего министра иностранных дел, и его железная воля, помешавшая вовлечению России в нелепую войну. Он, кстати сказать, первый *пошатнул* , но, к сожалению, не вырвал сь корнем *неосновательный взгляд нашей дипломатии на армянство*,

как на элемент, дружественный и полезный нам въ соседних Персии и особенно въ Турции . Он понимал, что русско-турецким отношеніям пора вступить въ новый фазис, а именно мы должны бы оградить Турцію от иностранной эксплуатаціи и посторонних вмешательств, а за это мирным путем достигнуть улучшенія участи христіан на Востоке и, главное, упрочить свое положеніе на проливах. Сторонники другаго мненія кокетничали съ армянами въ Турціи, поддерживали озлобленіе въ Ильдиоз-Киоске против нас и славянства и вместе съ тем *косвенно поддерживали гегемонию армянскаго племени на Кавказѣ* .

Но вернемся к армянским беспорядкам и резне въ Турціи. Оттоманская Порта вела себя недостойно: правительство явно мирволило участникам резни — мусульманам, частью разделяя их раздраженіе, частью же, как впоследствии оказалось, *создав рациональный съ турецкой точки зренія план обмена веществ*, т.е. сосредоточенія возможно большаго сплошнаго числа мусульманскаго населенія въ Передней Азии и истребленія или изгнанія въ Россію армян, заболѣвших столь острым политическим недугом. *Этот план* (за исключеніем давно прекратившейся резни) *теперь приводится въ исполненіе съ необычайным, феноменальным успехом* .

Всякое явленіе, особенно ставшее достояніем исторіи, требует точнаго определенія. Несомненно, что турецкіе зверства были ужасны и по существу, да и по размерам. Но несомненно также, что и англо-армянская печать, въ лице разных Диллонов и при содействіи печати космополитической всех стран, сильно раздувала размеры этаго тяжкаго бедствія народнаго, прибавляя нули к десяткам и сотням действительных жертв.

В ЗаКавказье и русскіе, и армяне одинаково содрогались и возмущались, слушая отголоски предсмертных стонов тысяч людей. Несомненно, однако, также, что слово «религиозный мусульманскій фанатизм» произносилось слишком огульно. И греки, и католики, и даже армяно-католики значительно меньше пострадали, чем григориане. Французскій консул доносит 25 января 1896 года слѣдующій знаменательный фактъ о резне въ Требизондском вилайете: *«Прежде, чем приступить к резне, въ селеніи Гюмюш-Ханэ, мусульмане собрались на площади. Отделили армян от прочих христіан и отвели послѣдних въ сторону, чтобы не смешать их съ заранѣе намеченными жертвами* ». Ясно, что турецкіе фанатики боролись съ армяно-григорианскою и революціонно-армянскою организаціей, грозившею спокойствію и, может быть, целости их государства. Всякому, кто побывал въ Малой Азии или знает тамошніе социально-экономическіе условія, вполне ясно, что тут приходил такой же экономически-бытовой факторъ беспорядков, съ каким мы встречаемся въ чертѣ еврейской оседлости; только, къ несчастію, турки, и особенно курды, не знаютъ удержу, когда рассвирепеютъ, — и главное, тягчайшее обвиненіе противъ нихъ заключается въ томъ, что они дошли до такой массовой резни, не разбирая пола и возраста, а не ограничились истребленіемъ революціонныхъ шаекъ.

Зрелище людей, *действительно* пострадавшихъ отъ этаго погрома и нашедшего приютъ подъ стягомъ Россіи, представляетъ собой нечто надрывающее душу. Особенный трагизмъ заключался въ томъ, что въ *значительной мерѣ сами армянскіе богачи, духовные лица и прочіе политиканы предали на гибель и поруганіе часть меньшей братіи своего народа*.

Приведу маленькую поэтическую картинку, снятую мною съ натуры.

Шушаника

Картинно прислонясь къ узорной двери храма,
С утра до вечера покорно иль упрямо,
Армянка-нищая проводитъ много дней;
Сидитъ, недвижная, какъ будто изваянье,
Кивая изредка кладущимъ подаянье
В тарелку медную, лежащую предъ ней.

*

Бедна, обрвана. Полузакрыты веки;
Подъ ними — взора нѣтъ; для нищенки навѣки

Все въ тьму погружено, погас небесный свет...
Лицо не горестно: по нем порою зыбко
Скользит болезненно-блаженная улыбка...
Улыбка? Почему?!... Она дала ответ:

**

*

Зовут меня, ага, счастливой Шушаникой.
Из Вана родом я. К нам для расправы дикой
Нагрянули враги, нещадней, чем гроза!
Насилье, трупы, кровь!... Живые разбежались...
Я въ церкви спряталась... Нашли и надругались
Два курда надо мной, и выжгли мне глаза...

**

*

Какая злая боль!... Но легче жить мне стало:
Каго-то мучили, каго, — я не видала!
И что-то рушилось!... Смятенье, крики, стон...
Затишье... Снова шум, и выстрелы, и топот!...
Потом... слышался мне торопливый шепот...
Зовут меня! Идем... и путь — как страшный сон!

**

*

Тут — мне велят ползти, там — мчаться, что есть мочи!..
Вот — резкий ветер гор... иль просто холод ночи?
Вот... на веревке я: должно быть крутизна?
Иль хищники меня схватили вновь, быть может?
Нет, мирны голоса!.. Но голод, голод гложет!..
Нет сил! Я падаю... Что это? Тишина?..

**

*

Где спутники мои? Где я, и что со мною?!
Вдруг... снова голоса! Какою-то волною
Я снова поднята!.. Крик слышен впереди,
На языке чужом... Везут меня куда-то:
Я слышу скрип арбы, и мерный шаг солдата.
И как-то мне легко, тревоги нет въ груди.

**

*

Потом... не помню, что!.. Болела, верно, где-то...
И вот, теперь сию, накормлена, одета...
Я знаю: это храм! — И хорошо мне тут:
Я возле Господа, близ милости великой!..
Я назвала себя «счастливой Шушаникой»:
Ведь на моем пути одни цветы цветут!

**
*

Недолго видѣла я близких истязанья,
А здѣсь зато навек ни злобы, ни страданья,
Ни жадности людской мне видѣть не дано!
Шаги... звучат шаги... порой звучит монета...
Я брата-ближняго благодарю за это,
А Господа... за то, что все кругом темно!..

10. Политическая роль церкви и армянская программа

Храм Божий не обманул надежд многострадальной нищенки; но несомненно, что именно недостатки армянской церковной организации и роковые, ничем не оправдываемые ошибки, чтобы не сказать больше, армянской церковно-теократической политики имели и доселе имеют крайне пагубные последствия не только для русскаго народно-государственнаго дѣла въ краѣ, но и для самой армянской народности.

Нельзя не отметить, что подъем армянских манифестаций и беспорядков въ Турции и всеобщей нервности армянскаго племени въ русских предѣлах *совпал со вступленіем на эчмиадзинскій патриаршій престол его святейшества католикоса Мкртыча I*. Еще до пріезда въ Россію маститый іерархъ былъ въ Турции *политическимъ деятелем*, горячим армянскимъ патриотомъ, за что и подвергался гоненіямъ со стороны турецкаго правительства.

Вряд ли можно удивляться тому, что на склоне летъ и многотрудной деятельности патриархъ перенес свои воззрѣнія, стремленія и инстинктивные чувствованія въ свое новое отечество.

Во время выборовъ патриарха часть армянской буржуазіи и мнимо интеллигентнаго класса, объединяемая газетою «Мшакъ», созданною известнымъ Арцруни, стояли въ рядахъ противниковъ Мкртыча, во имя соображеній буржуазно-либеральныхъ и, можетъ быть, либерально-атеистическихъ. И теперь многіе крупныя торгаши, банкиры, нефтепромышленники, чувствующіе отвращеніе къ клерикализму, после знакомства съ европейскими кафешантанами и смокингами, относятся къ своему духовному главе безъ должнаго почтенія и, идя къ одинаковой съ нимъ цели племеннаго обособленія, полагаютъ, что дѣло пошло бы скорѣе при помощи такъ называемой социально-экономической эволюціи.

Разногласіе, въ итоге, скорѣе академическое, чемъ глубоко жизненное, ибо *обе партіи спевались и спѣваются всегда, когда даже мелкій случай даетъ имъ поводъ «соединиться противъ общаго врага»*.

Въ эчмиадзинской армянской церкви управленіе не вполне единоличное, а по закону католикосъ стоитъ во главѣ Синода, прокуроръ котораго назначается русскимъ правительствомъ. Эчмиадзинская духовная академія давнымъ-давно уже должна бы руководиться законнымъ уставомъ, такъ какъ срокъ заменявшихъ его временныхъ правилъ весьма давно истек¹⁰. Наконецъ, компетенція русской власти въ дѣлахъ политическихъ или общеуголовныхъ, разумѣется, распространяется также и на Эчмиадзинъ. Между темъ, законныя требованія правительства не всегда исполняются и зачастую даже остаются безъ ответа, либо вызываютъ ответъ не подобающій. Присяга новобранцевъ и участниковъ судебныхъ дѣлъ, по указу Сената, должна приноситься на русскомъ языкѣ, а политиканствующее духовенство *запрещаетъ* священникамъ

¹⁰ Эти «временныя правила», утвержденныя въ 1874 году на девять летъ въ Бозѣ почившимъ Государемъ Александромъ II, до сихъ поръ замѣняютъ какой бы то ни было уставъ для эчмиадзинской духовной академіи. Все католикосы, восседавшіе за эти тридцать летъ на эчмиадзинскомъ престолѣ, старались темъ или инымъ путемъ избѣгнуть выработки устава и, къ сожалѣнію, достигали цели, невзирая на вопиющую ненормальность и опасность такого порядка вещей.

повиноваться этому. Несколько лет тому назад католикос грозил телеграммой Кавказскому начальству, что закроет синод, если не будет удален неугодный его святейшеству правительственный синодальный чиновник. въ ожидании ответа синод был закрыт, а затем *после уступки незаконному требованию* , открыт новым кондаком.

«Кондаки» вообще применялись весьма своеобразно. Так, например, кондака удостоился издатель революционно-клерикальной газеты «Ардзаганк», запрещенной русским правительством. Титул патриарха — *вехапар* , что значит *величество* ; обращение к нему — *церт терутянут* , что значит *ваши правительство* . Самые эти эпитеты являются признаками политической теократии, не зависящей от других властей. Архимандрит член синода Ваган и бывший личный секретарь католикоса и ректор академии Нахапетян за противоправительственную агитацию и другие незаконные действия, были высланы по Высочайшему повелению из ЗаКавказья, а затем католикос назначил, без спроса русских властей, одного нахичеванским викарием, а другого управляющим кишиневскими именіями армянской церкви.

Когда была въ Турции последняя резня, вызванная деяніями революционеров, русской властью было предложено патриарху сказать отрезвляющее слово, а он, напротив, стал говорить зажигающие проповеди, учредил «ночные бденія» — и проповеди такого же рода помещались въ эчмиадзинской газете «Арапат» за подписью архимандрита Карапета.

Эчмиадзин обладает огромнейшими именіями, управление которыми ведется больше чем загадочно. въ монастырях тщательно скрываются инвентари, списки имущества, ведомости и т.д. Имущества прикупаются и берутся под залог. Так, например, именіе некоего г. Шах-Азизова-Камсаракана взято под залог эчмиадзинским монастырем. съ другой стороны, церковные учреждения широко кредитуются въ банках. При таком экономическом хаосе мудрено определить, что идет на дѣла церкви и что тратится *гораздо меньше производительно съ религиозной точки зренія* . Если добавить, что несколько лет тому назад въ Эчмиадзине, въ одной из обителей, приютилась и была открыта шайка подделывателей русских денежных знаков, то туманность экономической картины данного района достигнет своего апогея.

Печальная история армянскаго народа имела своим результатом значительное смещение религиозных задач церкви со всякими дѣлами мира сего¹¹. Это вредит и делу духовнаго развития армян и, въ итоге, даже нравственному престижу самага католикоса и других іерархов. Когда скончался католикос Макарий, то после него не нашли ни бумаг, ни денег. Существует подозреніе, что он умер насильственной смертью. Едва ли не таким же способом перешел въ лучший мир архіепископ Іеремия, искренний друг армянскаго народа, вместе съ тем горячо преданный России.

Секуляризация армянских церковных имуществ есть мера, *наставительно-необходимая* , не только въ видах упроченія большаго спокойствія среди армян, но главным образом въ *видах того, чтобы дать возможность армянской церкви выполнять свою священную духовную миссию, не отвлекаясь посторонними дѣлами или мечтаніями* . Как мы увидим ниже, армянский народ заброшен въ воспитательном отношении своими руководителями, его искусственно портят, отрывая и от правды Божьей, и от благоразумія человеческого.

Тут во многом виновато, между прочим, армянское высшее духовенство. Эчмиадзинская академия, и нерсесян-семинария и прочие семинарии так переполнены молодежью, что стены трещат, — *а духовенство въ подавляющем большинстве состоит из простых и невежественных крестьян* .

Истории съ переводом армянских церковных школ въ веденіе нашего министерства народнаго просвещенія я коснусь лишь вкратце¹². Органами этаго последнего было

¹¹ Вот перевод того, что пишет по этому поводу после своей поездки в Эчмиадзин французский ученый, барон де Бай, которому принадлежит честь основательного ознакомленія своей родины с Россией в целом ряде книг и брошюр. Кавказ он несколько раз изъездил вдоль и поперек, и тон его повествований всегда отличался умеренностью и беспристрастностью.

¹² Более подробные фактические данные по этому вопросу можно найти в выдержках из статьи г.Р. «Правда о закрытии церковно-приходских школ», напечатанных в «Приложении».

обнаружено, что армянские приходские школы, вопреки наглядному и на каждом шагу выражаемому стремлению армянской народной массы к изучению государственного языка, не только тормозили этот естественный способ развития гражданственности, но даже явились рассадниками самого грубого и фанатического обособления. Не говоря уже о нелепейших учебниках, в которых говорилось о пресловутой Великой Армении и о мировом призвании армян цивилизовать всех своих соседей, — в этих школах распространялись и карты Великой Армении, чуть не до Воронежа, со столицей в Тифлисе¹³ и всевозможные эмблемы, служившие все той же интриге, которая поддерживалась сперва Англией, а в настоящее время является одним из любимых детищ германизма. Употребляю слово германизм, а не Германия, потому что на Кавказе и русско-подданные немцы, зачастую даже служилые, являются горячими сторонниками и покровителями армянских шашней.

Замечательный местный деятель, бывший попечитель Кавказского учебного округа К.П. Яновский, неутомимой энергией достиг распоряжения о передаче указанных школ в ведение министерства народного просвещения, с сохранением в них и армянского языка и армянского Закона Божия. *Армянское духовенство на это не согласилось и разом закрыло множество школ*, предпочитая оставить народ во тьме невежества, лишь бы не дать ему избавиться от искусственного обособления. Среди армянского простонародья буквально «стон стоял», причем агитаторы распространяли *заведомую ложь*, будто бы школы закрыты не агентами армянской теократии, а русским правительством. Наша мнимо-либеральная печать, среди промышленников которой нашлись и люди, субсидируемые бакинскими нефтяными крезамми, усиленно поддерживала эту наглую ложь в неосведомленной русской читающей публике. Кавказскому учебному округу удалось, однако, перевести в свое ведомство целый ряд школ, успешно работающих теперь на новых началах. Со школами перешло в это ведомство и школьное имущество, т.е. и *источники содержания школ*, и тот *инвентарь*, которого армянское духовенство не успело скрыть или замотать; здесь, кстати заметить, что операции последнего рода производились скандальнейшим образом, на глазах у целого Тифлиса, где учебное ведомство не нашло достаточной поддержки в деле установления и удержания скрываемого имущества¹⁴.

Что касается до средств (недвижимых имуществ и капиталов), на которые содержались армянские школы, то здесь изворотливость и сутяжничество местных дельцов поставили учебный округ в немалое затруднение — и на свет Божий всплыло много таких сюрпризов, которых на Кавказе принято ожидать, когда заходит речь о каком бы то ни было армянском имуществе. *Заведомо школьные* имущества оказались в значительном числе под этикетками монастырских и церковных. Посыпались иски, ведомые армянскими тер-терами с бытовой изворотливостью еврейской адвокатуры и с наглостью, достойной сынов «Великой Армении». На Кавказе судебная практика часто благоприятствует армянам: быть может, и впрямь они почти всегда чисты и правы, а может быть, есть тому иные причины, исследование которых могло бы дать много интересных фактов. Дошло до того, что один мировой судья (если не ошибаемся, темир-хан-шуринский) даже попытался вызвать повесткой в свою камеру самого маститого попечителя учебного округа. Кавказские судебные учреждения, решениями которых за много лет санкционировано было немало захватов казенных земель армянскими хищниками, и в данном вопросе решили изрядное количество дел не в пользу учебного ведомства на Кавказе. Ряд исков был, впрочем, подвергнут остановке ввиду того, что одно из крупных дел о школьном имуществе восходило до Сената. Главный вопрос состоял в том, подлежат ли подобные дела административному или судебному разрешению. Сенат высказался в последнем

¹³ Карты этой воображаемой страны, которые я видел у бывшего попечителя кавказского учебного округа К.П. Яновского, распространялись в виде литографированном и даже вышитые шелками. Последние принадлежат ручкам каких-нибудь мазутных королевиц, дрессируемых на иностранный лад. Авт.

¹⁴ Хорошенькие факты из этой области содержит помещаемая в «Приложении» статья г. Р.П. «Могнинское училище», напечатанная в 1898 г. в газ. «Кавказ».

смысле — и теперь заваривается целая каша, весьма бесполезная для русского дѣла и престижа на Кавказѣ.

Подобное недоразумѣніе свидѣтельствует, прежде всего, об отсутствіи дружнаго служенія на Кавказѣ различных ведомств единой национальной политикѣ. Иначе на месте возобладал бы взгляд, что вопрос народной школы есть вопрос *государственный*, а не узко гражданскій. Учебное ведомство при определении принадлежности имущества школам или церквам нашло бы должную *поддержку для точнаго выясненія* всех подробностей, причем этим последним не было бы придано преувеличеннаго значенія въ силу извортливо-формальных признаков. Эта извортливость, скорѣе всего, побудила бы местную власть дать движеніе давно назревшему и вопиюще-настоятельному вопросу, *о секуляризаци армянских церковных имуществ*. съ его разрешеніем многіе мутные волны отрицательных явленій, беспрепятственно разливающихся теперь по Кавказу, вернулись бы въ свое естественное русло.

Местные русскіе люди, съ сочувственным вниманіем следящіе за подъемом интенсивности въ работѣ министерства внутренних дел, ожидаютъ от творческой инициативы этаго центрального учрежденія благотворныхъ воздействій на расшатанные устои русского дѣла, обретающагося не въ аванжае на этой, слишкомъ далекой от центра и слишкомъ изолгавшейся, окраинѣ.

Армянская народная масса жадно стремится къ изученію русскаго языка, который открылъ бы ей путь къ заработку и настоящей культурѣ, а вожаки ставятъ ей преграды, потому что боятся выпустить ѣе из сферы своего вліянія. Каково это вліяніе даже въ вопросахъ второстепенныхъ можно судить по тому, что газета «Мшакъ», принявшая со всей армянской буржуазіей сторону Дрейфуса, имела случай восторгаться распространеніемъ такого взгляда среди полудикихъ елизветпольскихъ пахарей-армянъ. Одинъ изъ этихъ сиволапыхъ брюнетовъ даже назвалъ своихъ любимыхъ буйволовъ именами ближайшихъ участниковъ дѣла Дрейфуса.

Кстати сказать, въ краѣ, прославленномъ подвигами Кавказской арміи, являющейся почти единственнымъ неизблѣмымъ и незапятнаннымъ воплощеніемъ русскаго дѣла въ странѣ, писать противъ Дрейфуса было, по цензурнымъ условіямъ, весьма затруднительно, а въ армянствующей и армянской печати, проникшей до самыхъ низшихъ слоевъ народа, сочинялись цѣлыя гимны въ честь этаго «патриота наизнанку». Довольно значительный кружокъ тифлисскихъ политикановъ, въ составъ котораго входили полуграмотные оборванцы, послалъ Эмилю Золя следующую телеграмму на русскомъ языкѣ:

«Изъ страны терзаний Прометея благоговѣнно преклоняемъ головы передъ темъ терновымъ венцомъ, который возложила на васъ ваша родина къ стыду всего человѣчества. Терновый венецъ — лучшая награда самоотверженному борцу за справедливость».

Каравансарайскіе приказчики, очевидно, съ такимъ же правомъ считали себя одухотворенными страданіемъ Прометея, съ какимъ газета «Новости» однажды назвала древлеправославный Мцхетъ и долину серебристой Арагвы «знойной Арменіей». Кавказскіе дрейфусары изъ армянъ совпадали въ своихъ тенденціяхъ съ некоторыми гражданскими чинами, и когда одного изъ нихъ, русско-подданнаго «немца» изъ крещеныхъ евреевъ, я спросилъ, на какомъ основаніи онъ мнѣ «советуетъ» не писать противъ Дрейфуса, — онъ отвѣчалъ, пожавъ плечами:

— Помилуйте, самъ императоръ призналъ Дрейфуса невиновнымъ!

— Какой императоръ?

— Вильгельмъ!

Тутъ я, при всей своей кротости, рассердился:

— Позвольте! Это можетъ быть *ваши* императоръ, а не мой ни въ какомъ случаѣ.

Еще два слова о школахъ. Жаль, во-первыхъ, что вопросъ о нихъ, или точнѣе, объ ихъ имуществѣ разрешался и разрешается донинѣ въ порядкѣ судебномъ, а не административномъ. Судебная власть связана определенными уставами, — и отклоняться отъ формъ и отвлеченныхъ правовыхъ началъ, даже благородно, даже съ пользой для общегосударственнаго дѣла, она не вправе. То, что иногда торопливо вменяется въ вину, съ патриотической точки зренія, судебной власти на Кавказѣ, должно бы быть отнесено къ другой категоріи причинъ. *Судебные уставы и многіе общеимперскіе законы, прежде всего, не подходятъ къ Кавказскимъ условіямъ.* Таковы, напримеръ,

вопросы о давности, о состязательном процессе и, в данном случае, о передаче школ. Выигрыш армянами нескольких судебных процессов о школьном имуществе вызвал во всем ЗаКавказье *оживленные толки*, а у армянских политиканов — и нелепые надежды.

Присмотримся теперь поближе к этим политиканам и их программе. Само собой разумеется, что никакому человеку, мыслящему по-русски, они этой программы в точно сформулированном виде прочесть не дадут; но достаточно прожить несколько лет в крае и присмотреться ко многим явлениям, чтобы армянская программа выяснилась с непреложной достоверностью, получилась, как искомое в решенном уравнении.

Среди непрошенных опекунов армянского народа мечта о создании *автономного «царства»*, и притом *именно в русских предълах*, не гаснет, а все *разгорается*. в Турции не было территории, — и она искусственно создается в ЗаКавказье. Десятки тысяч турецких эмигрантов вторгаются в наши пределы, а наши воины не решаются стрелять в эти «мирные» шайки, потому что армяне выдвигают вперед женщин и детей. Никаких турецких «зверств» нет и в помине, а турецкое правительство не принимает обратно беглецов. Многие из этих последних при этом отказываются принимать русское подданство, и уже почти все без исключения склонны к праздности, заразным болезням и диким уголовным преступлениям.

ЗаКавказские армяне-простолюдины, нравы которых сравнительно умягчились за несколько десятилетий пребывания в России, считают приход турецких сородичей *великим бедствием*.

Людям нужна земля и все, что есть на Кавказе и в русских столицах, доступного армянским воздействиям, предназначает эту землю армянам и *противится* русской колонизации, даже невзирая на то, что начальник края с Высочайшего соизволения открыто включил ее в свою программу.

На нашем языке противиться — значит возражать; на Кавказе же у этого слова значение страшное, дикое, заставляющее волосы становится дыбом. После нескольких лет всяческого вдумывания в духоборческий вопрос и собирания фактов из первоисточника я пришел, так сказать, всеми силами души к выводу, что *началом духоборческого мартиролога, безумия и гибели явилась именно армянская интрига*, имевшая целью переселение турецких армян на их земли. Преступления одних служилых людей и ошибки других, сентиментально-бесчеловечные бредни толстовщины и т.д. — все это факторы уже последующие, а не основные. К счастью, эта цель армянской политики была достигнута лишь в малой мере, посредством захватов и иных обходных путей.

Что такое значит по-армянски «противиться», про то знают жители погибшего русского поселка в Тертере, Елизаветпольской губернии. Эта страшная эпопея будет подробно изложена ниже, в главе, посвященной русским переселенцам. Рассказ одного из оставшихся в живых переселенцев произвел на слышавших такое впечатление, что все ужасы турецкой резни бледнеют пред холодной, сатанинской жестокостью «мирных» и «культурных» армян в деле извода русских из территории, завоеванной русской кровью.

Упомянутые политиканы хотят извести также мусульманское население края и *испортить репутацию мусульман, чтобы в будущем воспользоваться их землями*. Дальновидное бездействие их служилых приверженцев или рабов помешало доселе определению *сословно-поземельных прав в мусульманских провинциях* и учреждению там дворянско-крестьянского земельного банка. Само собой разумеется, что сословно-поземельная неурядица *поддерживает нервность* местного пылкого населения, вызывает *недовольство* и является одной из серьезнейших причин разбоев и кровавых столкновений. Перед Петербургом это тщательно маскируется, и некий «Кавказский уроженец» г. В.С.К., полемизируя с редактором областного отдела «Новаго Времени», напирал на пылкость и нервность заКавказских мусульман, тщательно опуская вопрос об одном из главных факторов, действующих на эту пылкость. Факт налицо: в течение многих десятилетий лежат под спудом вопросы об интересах целой группы населения, — и *разумных причин к тому не имется*! Результаты же видны! *Не трудно догадаться, кто тут орудует*!.. в результате все мусульманское ЗаКавказье уже *опутано армянскими сетями*, как и остальные места, кроме, отчасти, Кутаисской губернии. Армянские миллионеры, — киты, на которых строится промышленно-политический террор «Армении», — скупают за гроши *десятками тысяч*

десятин земли грузинских князей, татарских агаларов и захватывают плохо лежащие казенные угодья; *а эти угодья доселе нередко очень плохо лежат*, отчасти, вследствие неприменимости общеимперских законов к местным условиям.

При этом русских людей продажные русские же публицисты убеждают в том, что армяне представляют на Кавказе *единственный мирный и культурный элемент*. в Петербурге армянские богачи и их поверенные умеют доказывать это влиятельным классам и, увы, многим представителям печати нефтяными акциями, вкусными обедами и даже устами специально нанятых для этого красивых дам. Повторяю: и неосведомленность у нас удивительная, почти преступная. Даже в редких русских по направлению изданиях приходится читать, что армяне — «оплот христианства на Востоке», а издания, совершенно нерусские по направлению, на Кавказе и в столице, (например, пресловутые «С.-Петербургские Ведомости») доходят до таких геркулесовых столбов подлаживания к армянам, что за человека стыдно и страшно.

Русских людей помоложе да понаивнее армянские вожаки и их единомышленники стараются, подобно евреям, убедить в том, что Россия вполне созрела для властного народного представительства, что истинный патриотизм должен состоять в широком пользовании этой «зрелостью» в *предоставлении окраин и инородцев самим себе*. Иное отношение к делу явилось бы «нетерпимостью» и «мракобесием». Кто наслушался таких афоризмов на Кавказе, тому понятны и многие петербургские писания, как бы они ни были замаскированы даже русским «национализмом» особого рода. Когда армяне и их наемные борзописцы пускают в ход привычные для тупоумной части русской интеллигенции формулы буржуазного либерализма и говорят, например, *о равенстве и братстве всех народов*, то это *ложь, презренная* и плохо скрытая ложь, которой даже ребенок не поверит, если он честен и понял, в чем дело. Люди, притворяющиеся, что верят армянским либерально-гуманитарным уверениям, — *такие же лжецы*, как и авторы подобных уверений. Стоит только с некоторым вниманием прочесть то, что пишется по армянскому вопросу и присмотреться к Кавказским дьялам, чтобы приведенный вывод признать аксиомой.

Казалось бы, например, что либерально-гуманитарная идея не воспрещает заботиться о русской народной массе, а велит, наоборот, помогать тем ее группам, которых оскудение нашего центра и безземелье гонит на окраины. *Между тем, по почину армянских меценатов публицистики, в течение нескольких лет ведется всеми способами борьба против предначертанного Верховной Властью занятия свободных заКавказских земель русскими переселенцами.*

Возьмем другую аномалию, еще более вопиющую, с Кавказской точки зрения, и явно противоречащую даже армянской формуле «Кавказ для Кавказцев». Во многих городах восточного ЗаКавказья мусульмане составляют подавляющее *большинство населения*, а между тем они не пользуются в городском самоуправлении одинаковыми правами с армянами, под предлогом, что эти последние «христиане». Таким предлогом можно морочить только людей, имеющих понятие о Кавказе лишь на основании календарных сведений. Ограничения прав некоторых групп населения полезны и необходимы в пестроплеменном государстве, но должны вытекать *из бытовых условий*, а не основываться на формальных признаках. *Ограничивать нужно эксплуататоров*, стачников, политиканов, людей кагального строя; таковыми же являются именно армяне, а не мусульмане. *Христианство без христианской морали есть подделка*, и недаром один православный иерарх, знающий Кавказскую жизнь, однажды высказал мне, что считает мусульман по духу и нравственной основе более близкими к православным, нежели монофизитов-армян. Но если даже стать на точку зрения механически-уравнительной справедливости и отрицать какие бы то ни было ограничения, то вполне естественно было предоставить мусульманам равные права с армянами, особенно в стране, где мусульмане являются более коренным населением.

Кавказская власть добросовестно к этому стремилась, и в течение краткого времени вопрос считался решенным в желательном смысле. Армянская печать, исповедующая все догматы так называемого «либерализма» и весьма бесцеремонно относящаяся к православным святыням, тут вдруг особенно горячо запела на тему о «христианстве», а в Петербурге были пущены в ход все влияния, чтобы ограничение мусульманских прав осталось в силе. Газеты,

доступные армянам, стали вдруг шуметь о панисламизме. И податливый Петербург отменил благородную меру, уже осуществлявшуюся на практике Кавказской властью...

Армяне и их приспешники, очевидно, прячут свой либерализм въ кармане, когда дело идет об их *племенных интересах*. Недаром у них сложилась пословица «Хочешь — Исай Аракелович, хочешь — Аракел Исаич». Все чужое, даже заслуженное кровью и доблестью, кажется им неправым стяжаніем. Так, например, хотя армяне уже лет сорок на Кавказе *de facto* являются въ полном смысле слова хозяевами края, — тем не менее, русской властью больше воздается внешнего почета заслуженным воинам и представителям древних грузинских фамилий, традиционно преданных России, а не вчерашним приказчикам, факторам или захватчикам казенных земель. Но и это «обидно» ревнителям армянской гегемонии, и это кажется им вопиющей несправедливостью!

Незадолго до редактирования мною газеты «Кавказъ» зашел ко мне въ Тифлисе въ гостиницу, съ целью познакомиться, известный «передовой» публицист Григорий Аветович *Джаншиев*. Он пользовался репутацией искреннего, безукоризненного либерала. Уважая всякую искренность и наслышавшись хорошего о нем въ Петербурге, я был очень тронут его вниманіем, и он совершенно очаровал меня широтой теоретических взглядов. Я откровенно высказал ему, что резко отличаю армянскую народную массу от мнимо-интеллигентнаго класса и особенно от хищной плутократии. Он слегка поморщился, но высказал уверенность, что люди разных лагерей могут объединиться во имя народного блага, если они не противники света, гласности, жизненной правды.

Я имел наивность этому поверить. Однако после перваго же серьезнаго разоблаченія противообщественных проделок и племенной нетерпимости тифлиских городских заправил я получил от этаго мнимаго либерала и заядлаго армянскаго патриота (въ паразитическом смысле этаго слова) весьма характерное письмо. Привожу из него те строки, въ которых Джаншиев «показал карты»:

«Я от души желаю ему (грузинскому народу) всякаго (!!) успеха, но только на почве *равноправности*, а не на положении *капризнаго баловня администрации*, каким он всегда был и до сих пор (!!) остается, по признанию самаго «Новаго Времени». Армяне потому имеютъ будущее за собою, что *они нигде и никогда не требовали для себя привилегій (!!) въ ущерб другим народам*. У вашей же газеты проскальзывает тенденция третировать их как элемент вредный. Не нужно забывать, что они, служащіе вот уже 3 года предметом травли, особенно чувствительны ко всякой несправедливости, въ особенности от лиц, въ беспристрастіе которых верили. При таком настроении, *даже справедливая мера может вызвать раздраженіе*. Что могло быть справедливымъ *уравненію татар съ христианами* въ городском управлении? Но я совершенно понимаю людей, которые признають эту меру несвоевременной, так как она явно внушена не столько любовью к справедливости, сколько *ненавистью (!!) к армянам*. Вы, конечно, не заподозрите покойнаго Унковскаго въ нелюбви к народу, а между тем он *негодовал (!!) на Милюткина* за его польскіе крестьянскіе наделы, потому что они были внушены *ненавистью (!!) к польскому народу, а не заботой о нем!!..*»

Кажется, комментарии излишни, коль скоро *даже справедливая мера может вызвать раздраженіе у этих чувствительных господ*, «не требующих для себя привилегій», но противящихся равноправности мусульман!

Русскіе прислужники армян заходили по этому пути еще гораздо дальше. Так, например, въ органе кн. Ухтомскаго по поводу предположенія устроить армянских выходцев на острове Крит было высказано однажды, что такая мера нежелательна, ибо армяне как люди, особенно способные въ области экономической, и на новом месте возбудили бы против себя неудовольствіе остальных христиан.

Нечего сказать, хороша «способность», влекущая за собой неизбежное неудовольствіе соседнего населенія! Ясно, что таким «способным» людям место, скорѣе всего, въ долготерпеливой России: съ нею, матушкой, церемониться нечего!..

Особый интерес представляет статья французскаго писателя-армянофила, г. Пьера Морана (журнал «Correspondant» от 10 апреля 1897 года), заведомо «подготовленнаго» Кавказскими политиками и также открывающаго их карты.

По мнению этаго писателя, Россия морально *не упрочила своего господства между*

Черным и Каспийским морями , — что совершенно верно. Наиболее глубока и активна, — говорит он, — идея самобытности и жажда обособления именно у армян. Они жалуются на равнодушие к их положению со стороны Франции, которая-де въ унизительном для нѣе (!!) франко-русском союзе *забыла свои принципы и отреклась от своих традиций* ; русское же правительство, не выполняя своей обязанности выручать армян зарубежных, гнетет, будто бы, армян российских раздражающими мероприятиями, *par des procédés vexatoires*. Армян-де преследуют (!!) въ России за их деятельную энергию, благосостояніе, сильную умственную культуру (!) и, наконец, просто «за то, что они армяне». Г. Моран находит, что они люди съ железной волей, стойки, цепки и трудолюбивы, — словом, люди съ большой внутренней силой, а *la sève vigoureuse*. Он признает, что они везде въ ЗаКавказье «захватили места, предназначенные, казалось бы, скорѣе русским», и что они *создаютъ себе въ русских предѣлах новое отечество* , овладевая всеми большими предприятиями не совсем добросовестно, так сказать, снизу (*par les dessous*), как безжалостные ростовщики, темные дельцы, «*христианскіе жидаы*» , которым русскіе завидуютъ по невозможности конкурировать съ ними.

Глубоко верно определяет Моран роль эчмиадзинскаго патриархата, говоря, что даже те, «кто потерял веру въ сверхъестественное» (т.е. *вся армянская интеллигенция*), почитаютъ свою церковь, так как она — *учрежденіе національное и сохраняет их національное самосознаніе*. На нѣе переносят армяне то чувство, которое у других народов называется любовью к отечеству.

Сведенія по географии, истории и литературе, почерпнутые Мораном, очевидно, у армянских политиканов, страдаютъ соответственной нечестностью. Так, например, он говорит, что *Батум, Карс и Ардаган, съ их территориями представляютъ собой исконно-армянскіе владенія, и что грузины давно сидели, въ сущности, также на армянских землях* .

Он клеветает на Императора Николая I, обещавшаго будто бы дать армянам *автономию* , говорит, что при Александре II (во время всемогущества графа Лорис-Меликова?) армяне сильно рассчитывали на возрожденіе своего «царства», и рисует клеветническую, грубо неверную картину великаго царствованія Императора Александра III, высказывая при этом верную мысль, что *армянам особенно страшно и ненавистно Самодержавіе* , централизующье и нивелирующье все части и все обособляющіеся элементы империи.

Он находит, что армяне могут возлагать патриотическіе надежды лишь на «либеральное правительство». Мысль верная и объясняющая, почему армяне, начиная съ известнаго Каракозова, подобно евреям, так склонны участвовать во всей смуте, клонящейся к поколебанию или изменению нашего государственнаго строя.

Моран говорит, что армяне *не могут не быть* въ неограниченной монархии *элементом оппозиционным* и даже *опасными подданными* , *des sujets redoutables*, и съ точки зренія политической, и въ области народнаго хозяйства, как «христианский Израиль», — *un Israël chrétien*.

Названный писатель довольно сильно себе противоречит: въ одном месте он говорит, что армяне желаютъ лишь «гражданскаго равенства и религиозной свободы» (хотя, как это видно на Кавказѣ, они не только широко пользуются, но и безнаказанно злоупотребляютъ тем и другим), а въ другом — признает, что «удача придавала армянам гордости, энергии, страстности и силы; пока они были бедны и слабы, они склонялись перед своими властителями; *разбогатеи, они думаютъ о сопротивленіи* ; многих не удовлетворяет их положеніе». Психология нефтепромышленных тузов и банкиров этим определена весьма верно.

Говоря дальѣ о коренном противоречіи между армянскими тенденціями и русским государственным строем, называя армян опасными подданными, а церковь армянскую — национальным учрежденіем и даже «Ватиканом» (*Vatican arménien*), Моран заключает горячѣй апологіей армян и усиленно *советуетъ русскому правительству уступить их требованія* , отказаться от «нечестной» (*déloyale*) политики и от доверія к «Новому Времени» и «Московским Ведомостям», измышляющимъ будто бы всякіе небылицы про армянскіе «комплоты».

Стало быть, Россия *должна отказаться от основных принципов своего строя* , чтобы дать дорогу автономному «христианскому Израилю» до Воронежа, а то и дальше?! Что ж, спасибо за добрый совет, который, вероятно, поддержат и кое-какіе ревнители «философскаго

обновленія русскаго строя»!..

Покуда же совет еще не принят, армянская программа продолжает неуклонно выполняться.

Ведя остальное население ЗаКавказья к объединению и, так сказать, *зоологическому недовольству*, армянскіе заправилы надеются превратить остальных туземцев въ своих *кондотьеров*, которые пригодятся въ случае неудачной для России войны. Весьма характерно, что армянским политикам особенно ненавистна всякая мера, всякое доброе слово въ пользу или защиту других туземцев. Они нисколько не сердятся на тех русских, которые огульно бранят *«всех Кавказьцев»*: таким русским патриотам армяне готовы деньги платить, ибо огульные сужденія, всегда несправедливые, особенно на руку армянской формуле «Кавказъ для Кавказьцев». Основная черта их — *светобоязнь*, страх перед неподкупной гласностью, и въ этом они единоклубны съ ненадежными служилыми людьми, стоящими за условную «отчетную», а не жизненную правду. Особенно возмущают армянских политиканов указанія на то, что армянская гегемонія губит остальные Кавказьскіе племена: они тогда кричат, что *это разжиганіе междуплеменной розни*; их возраженія принимаютъ форму «двусторонних доносов», к которым так склонны армяне и евреи, и все, что есть въ краевой службе гнилаго, продажнаго, заинтересованнаго въ продолженіе армянскаго господства, — поднимает уже съ «цензурной» точки зренія голос против разоблаченія безобразій, против добросовестнаго изображенія действительности.

Колоссальные капиталы въ *руках людей, политически замечтавшихся*, могут представить серьезную опасность не только въ случае каких-либо осложнений, но и въ обыкновенное время. Будучи плодом не упорнаго труда и вдохновеннаго знанія, а глупо-случайнаго или неправаго стяжанія, эти капиталы въ невежественных, некультурных руках составляютъ *социальную опасность* как *фактор подкупа и разврата*.

Так как въ современном государстве отнимать эти богатства нельзя, кроме законных случаев конфискации за доказанный мятеж или крамолу, то, значит, *нужна продуманная экономическая политика*, нужна культурная борьба. Пора бы русской предприимчивости применить свои духовные и материальные силы к южной окраине нашей. Пора этой созидательной мысли лечь въ основу нашей окраинной *государственной* программы. Важны и усиленіе полицейской стражи, и подъем служилаго уровня русских Кавказьцев, но все это паллиативы, которые назревшего вопроса не разрешат.

Бредни армянских политиканов, вероятно, останутся бреднями, ибо никакіе революционные авантюры не устоят перед штыком русскаго солдата. Но *неисчислим экономический и духовный вред*, наносимый армянскими вожаками на Кавказье и русскому народно-государственному делу, *и самому армянскому населенію*. Эти вожаки ужасны, как растлеватели, как микробы социального разложенія, как паразиты.

11. Народная масса

Два слова теперь о народной массе этого племени. Лишь два слова, потому что психология этой темной толпы не сложна. Сквозь долго не сходявшье и доселе не сошедшье съ ъе духовной личности пятно стародавнего, мнаговековаго рабства, *macula servitutis*, понемногу просвечивает нечто болѣе человечное. Мне приходилось въ разных местностях ЗаКавказья встречать армян-простолудинов и держать таковых на службе. Прекрасные, мирные, работающіе и аккуратные люди. Однако *все люди такого типа несочувственно относились к тифлисским говорунам-патриотам* и молили Господа только об одном: чтобы их избавили от искусственных задач и перипетій мнимо-культурнаго армянскаго обособленія и дали бы им возможность мирно работать под сенью русской власти.

Есть, конечно, очень много полудиких, въ турецком стиле, и коварных, въ стиле европейском, простолудинов-армян, но наличность указанных, далеко не единичных армян, духовно-облагороженных, прилежных и умных, говорит въ пользу способности народа к культуре. Этому благоприятствуютъ и физическіе условия. Армяне — народ съ широкими, крепкими челюстями, выносливый, живучий. Среди них крайне распространена неопрятность, аналогичная съ еврейскою, — но просвещеніе может устранить и ъе, и болезни, ею

порождаемые. Большая часть армян — жители или выходцы плоскогорий, где не губительны ни зной, ни малярия; это важный фактор преуспевания, так как сравнительно здоровый климат непосредственно влияет на выработку уравновешенного характера, истинного рычага всякого прогресса. Нужно добавить, что смешанные браки армян с представителями других племен, особенно с грузинами, дают хорошее, духовно-улучшенное потомство. К сожалению, армянское обособление мешает теперь смешанным бракам.

Я придаю особое значение народному творчеству, потому что в нем *говорит народ сам о себе*.

Приведу характерную армянскую сказку, в которой отразился, насколько мне кажется, именно *средний духовный уровень* этого племени.

Жил был в одном селении бедняк Саркис, — по нашему Сергей. Он был так беден, а соседи его так скупы и жестокосерды, что когда у него родился сын, то никто из соседей не захотел стать ребенку крестным отцом, во избежание расходов на дом бедного человека. Пошел Саркис на дорогу, чтобы просить в кумовья первого встречного. Гладь, — навстречу бедный-бедный старик. Саркис не побрезгал, спросил его имя.

— Я Сурп-Саркис, святой Саркис, твой патрон, — отвечал тот, — и готов крестить твоего сына.

— Ступай своей дорогой, — закричал в порыве гнева Саркис, — хорош святой, хорош патрон, коли держишь меня в нищете. Можно признавать и чтить только таких святых, которые помогают, а не бездельничают. Вот Карапету его святой помог духан открыть и нажиться, а ты что? Пошел вон!

Вторым встречным оказался красивый юноша, открывший Саркису, что он Габриэль, ангел смерти, и готов пойти в кумовья.

— Хорошо, — отвечал Саркис, — ты не разбираешь ни богатого, ни бедного и придешь когда-нибудь даже к пузатому богачу Карапету по делу смерти, а потому иди ко мне в кумовья.

Габриэль был сторонник равенства, и приятна ему показалась такая речь. После крестин он сказал Саркису.

— Я тебе дам источник богатства: съезжаю тебя доктором. Будешь много лечить и всегда только наверняка. Как придешь к больному и увидишь, что я стою у него в ногах, да улыбаюсь, то берись за лечение, притворись, что готовишь какое-либо снадобье, — и достигнешь цели. Если же я с мрачным лицом стану в головах, то и не пробуй лечить: значит, дело пропало. Но ставлю тебе условие: помни совесть и по Божьему велению помогай бедным.

Сказав это, Габриэль, ангел смерти, исчез.

Две тысячи раз, да еще два раза видел Саркис ангела Габриэля в ногах у больных. Лечил и богател. И пошла о нем слава и в Ганже¹⁵, и в Карабахе, и до Тавриза¹⁶. Заболел один могущественный царь, призвал врачей всех стран: из Рума, из Самарканда, из Индии, из Мавритании. Они стараются, дают лекарства, а царю все хуже. Тут царь сказал, собрав последние силы:

— Все врачи невежды, один армянский врач еще может помочь мне. Ни в каком царстве нельзя без армянина обойтись: они великий народ и хитроумный.

Приехал Саркис на царский зов: о, счастье! у ног царя стоит Габриэль и улыбается. Саркис принял вид важный и задумчивый, решив показать не сразу свое искусство, придать ему побольше цены. Он царю объявил, что вылечит его, но затем 7 дней и 7 ночей просидел в особой горнице, требуя хорошей пищи и всяких снадобий. Царь было уже и надежду потерял, когда, наконец, Саркис пришел, дал ему что-то выпить и мигом его вылечил. Царь осыпал Саркиса милостями величайшими, — съездил его придворным врачом — и зажил Саркис, как

¹⁵ Имеется в виду Гянджа — город в Азербайджане.

¹⁶ Ныне Тебриз.

независимый хан. Целыми днями переходил он от бекмеза¹⁷ к сладкому вину или прохладному мацону¹⁸, въ плове чуть не купался, перелезал съ хорасанскаго ковра на текинскій; а насчет удовольствий магометова рая он сказал въ своей совести; «Если я честный доктор моего властелина, то не могу осуждать его поведенія, а должен следовать его примеру». И когда властелин дарил Саркису невольницу, то было бы въ некотором роде возмущеніем против властелина обходиться съ ней неласково. Да и не пропадать же въ самом деле добру: состарится, — никакой цены ей не будет.

Но вот пришла к Саркису нищая старуха; нукер (слуга) ему об этом и докладывает, войдя въ мягких туфлях, *чтобы не испугать*.

— Гони ъе вон! Мало их шатается! — крикнул Саркис и повернулся на другой бок, взяв горсть кишмишу въ рот.

Опять приходит слуга.

— Господин мой, нищая говорит, что надѣется на милость Саркис-хана, просит тебя совесть вспомнить, о бедных подумать.

— Вон! — воскликнул Саркис и рванулся так сильно, что из-под головы у него упала мутака на пол. Обернулся Саркис, — глядь, стоит ангел смерти Габріель у изголовья и мрачно смотрит.

Вспомнил Саркис прежде всего пословицу, которую отец велел ему запомнить, как заповедь: *«стой впереди лягающагося и позади кусающагося»*. Мигом перевернулся на тахте так, чтобы Габріель оказался въ ногах. Но Габріель, мрачный, как сардар, стоял за ним опять у изголовья. Еще быстрее перевернулся Саркис, — и опять то же самое.

— Что ты дѣлаешь, — закричал Саркис, — ведь ты мне кум, мы родственники! Ты родственника убивать не можешь, это против святаго обычая! Против закона! Убивай посторонних, выбирай любого, я не возражу. Возьми всех моих больных, настоящих и будущих.

Но Габріель сказал:

— Я не шутить пришел!

Саркис взмолился, сложив большой палец съ указательным:

— Ведь ты мне кум! Так исполни хоть предсмертную мою просьбу: дозвожь мне не умирать, покуда я не прочту молитвы „Отче наш“. Ведь нельзя же умирать, не помолившись!

Кум согласился и даже поклялся исполнить просьбу. Тогда Саркис, как-то странно ухмыляясь, стал читать молитву Господню.

— «Гхаир-мер-вор-геркинзес-сурп-ієргхцы-анунко», — и остановился.

— Ну что же?

А Саркис начинал сызнава: „гхаир-мер-вор...“

Так продолжалось, пока Габріель не понял, что Саркис его надул.

И стал Габріель подстерегать Саркиса. Семь лет Саркис ни разу не дочитал до конца молитвы Господней и даже за обедней из церкви выходил, когда ъе пели.

Но ангел смерти хитрѣ всякаго человека. Поехал однажды Саркис съ сыном путешествовать и увидел ночью на дороге мертвеца. Сжалился Саркис, хотя и — богатый человек, и сказал сыну.

— Неужели ему тут остаться без молитвы и погребенія?

И прочел молитву Господню. Тут мертвец оказался не только живым, но даже Габріелем. Саркис как умный человек понял, что дѣлать нечего, и умер...

Сказка характерная и мудрая. Следует добавить, что она, безусловно, не оригинально армянская, а позаимствованная у других народов. Характерны *детали*, въ которых выразился глубокий *материализм*, разьедающий, въ сущности, все слои армянскаго народа. Это тот материализм, въ силу котораго один интеллигентный армянин, указывая на стараго ветерана, плакавшаго на панихиде по Царю-Миротворцу, спросил въ эпической простоте души:

¹⁷ Вываренный сок винограда, тута и др. ягод.

¹⁸ Кисломолочный продукт.

— Зачем он плачет? Как будто у него из кармана деньги вытащили!

Сквозь теснины и мусор своекорыстия и лукавства пробивается, однако, из неведомых тайников души народной *слово Божьей любви*. Расчистить путь для этой живой струйки, освободить ее от гнета искусственных преград, создаваемых своекорыстными руководителями армянского обособления; подать братскую руку народу, нравственный облик которого искалечен долгим рабством, но заслуживает возрождения и способен к нему, — вот русская гуманитарная задача, которая совпадает с задачей нашего государственно-народного дѣла въ крае.

Между племенной самобытностью и паразитическим племенным эгоизмом — целая пропасть, и *действительно культурным* армянам пора это понять. Благоразумная племенная самобытность вполне совместима с лояльностью по отношению к России и усвоением высших даров ее культуры. Скажу больше: только отрешившись от узкого, своекорыстного обособления и несбыточных мечтаний, только раздвинув пределы своих понятий и чувствований, только зачерпнув из сокровищницы русского духа недостающие армянству религиозно-нравственные начала, — армяне могут поднять и спасти свою народность, стяжать ей доброе имя. Так как религия — единственный надежный источник идеализма, то армянам следует самим подумать о церковной реформе, об освобождении церкви св. Григория от задач политических и фискальных, о *догматическом* сближении ее с вселенским православием. Принадлежность к *великой* религии дает огромные преимущества нравственные и умственные. Например, армяно-католики, люди одной расы с армяно-григорианами, неизмеримо выше последних: умнее, нравственнее, меньше нелюбимы соседями. Нужен армянам идеализм и в литературе, и в общественной жизни. Некоторые поэты, как, например, Патканьян, пробовали работать в этом направлении, но у них не хватило ни способностей, ни общественной поддержки; наконец, им мешал «зоологический патриотизм», подрывающий справедливость и туманящий правду. Армянам нужны смелые, самоотверженные сатирики, которые имели бы мужество сказать им *всю правду*. Если же скажет русский человек, то цель достигается лишь в ничтожной мере: армянские политики сейчас же начинают кричать о «гонении на армянский народ», недобросовестные служилые люди и продажные публицисты вторят такому крику, опасаясь нелестных для них разоблачений, — и правда загоняется в темный угол.

Желательнее всего было бы сильное этическое течение в среде армянского молодого поколения, взрослого в довольстве и покое: оно могло бы оздоровить «армянскую идею», дать ей право на уважение со стороны других народов. Единичные интеллигентные молодые армяне, по-видимому, подумывают об этом, но еще разрознены, подавлены террором своих духовных и светских вожakov. Постепенное ослабление и затем упразднение такого террора зависит от русской власти в крае, *систематичной* работы ее. Одной из основ этой системы должно быть *открыто-исповедуемое* и проводимое на практике предпочтение нравственных начал перед богатствами сомнительного происхождения. Когда армянская интеллигенция и народная масса увидят неподкупность служилых людей и отсутствие безнаказанности разбогатевших хищников, увидят *смелую честность* как руководящее начало краевой политики, — то *начнется воспитание армянского народа*.

Покуда же, истинные друзья его должны быть не «друзьями-поноровщиками» а «друзьями-встречниками», т.е. казаться врагами и нести все тяжелые последствия такой внешности.

Пусть армянские патриоты (в истинном смысле слова!) подумают обо всем этом спокойно, без ложного самолюбия и страха перед своими непрошенными заправилками.

Пусть не отождествляют себя с армянским народом те смутьяны и темные люди, которые не щадят его крови и позорят его имя; тщетно называют они и наемники их «мракобесием» беспристрастное изображение местной жизни.

Русское дело стоит выше упрека и выше клеветы, когда оно ведет на высоте *истинной*, а не условной или поддельной человечности.

12. Реформа управления имуществами армяно-григорианской церкви и армянские бесчинства

12 июня опубликовано Высочайшее повеление о сосредоточении управления имуществами армяно-григорианской церкви в России в ведении правительственных учреждений и о передаче министерству народного просвещения тех средств и имуществ означенной церкви, которыми обеспечивалось существование бывших армяно-григорианских церковных училищ, подведомственных названному министерству с 1898 года.

Церковные земли будут состоять в заведывании министерства земледелия и государственных имуществ, капиталы — в заведывании министра внутренних дел. Право собственности на недвижимые имущества и капиталы остается за армяно-григорианскою церковью, и доходы будут употребляться на те *настоящие*, законные нужды, за вычетом расходов по управлению имуществами и по образованию вспомогательного капитала армяно-григорианской церкви.

Мера огромной важности, с точек зрения политической и религиозной. Внесение ясности, порядка и законности в распоряжение средствами во многих отношениях неблагоустроенной армяно-григорианской церкви, несомненно, устраним возможность употреблять церковные деньги на дѣла, ничего общего с церковью не имеющие, умерит политический характер армянской теократии и охладит многие мечтания, вредные армянскому народу в духовном и иных отношениях. Это вопрос, давно назревший и долго тормозившийся, потому что армянские промышленно-политические дельцы находили сильную поддержку в Кавказских и столичных влиятельных сферах. Эта поддержка, нелестная для русского имени, принимала порою столь резкие формы и в печати, и в жизни, и в официальных кругах, что ревнителям государственного порядка, несовместимаго с такими аномалиями, как политиканствующая теократия, порою казалось, что торжество здравых понятий едва ли достижимо.

Вопрос о передаче армянских церковных школ и их имуществ в ведение министерства народного просвещения был с самого начала, под влиянием тех же неблагоприятных воздействий, поставлен *ненормально и щекотливо*, так как споры об имуществе разрешались судебным порядком при весьма неблагоприятных для правительства условиях: на Кавказе низшая администрация состоит в кабале у армян, а высшая зачастую недостаточно осведомлена, чтобы бороться с этим злом; лжесвидетельство, подложные документы, лукавая уклончивость официальных актов, исходящих от церковных попечительств; удивительная сутяжническая изворотливость армянских дельцов, имеющих «руку» во всех решительно учреждениях края, — все это создавало крайне неблагоприятную обстановку для органов министерства народного просвещения в борьбе за интересы школы. На глазах у целого Тифлиса армянские патриоты увозили, расхищали или продавали за бесценок школьные имущества, а когда это не удавалось, то наглейшим образом начинали гражданские процессы, даже в тех случаях, когда не надеялись на их выигрыш.

Каждый случай проигрыша министерством народного просвещения процесса о школьном имуществе вызывал шум в местной армянствующей печати, причем местной странной цензурой, попутно, вообще пропускались дикие выходки против учебного ведомства; в обществе поднималась сенсация, и все местные элементы, не расположенные к России, пользовались случаем, чтобы указывать на бессилие русской власти или на нецелесообразность тех мероприятий.

Эта вакханалия продолжалась пять лет, как будто для того, чтобы означенные противорусские чувства могли принести побольше плодов.

Теперь, слава Богу, этим безобразиям положен конец: вопрос об армянских церковных и школьных имуществе рассматривался в комитете министров, и Высочайшей волей стали проводиться в жизнь оздоровляющие меры. Они касаются, главным образом, ЗаКавказья, Бесарабии, отчасти Крыма, Донской области и Астраханской губернии. К сожалению, действию нового закона не подлежат армяно-григорианские церковные имущества в обеих столицах, где группирующиеся вокруг церковей армянские организации (по-армянски «джагов») *озабочены далеко не одними только религиозными задачами*. Но так или иначе, главное дело сделано.

В частности, эта законодательная мера является немалым идейным торжеством для пишущего эти строки. в целом ряде статей с трудом проводимых, хотя бы в искаженном виде, через местную цензуру, во время редактирования мною газеты «Кавказь», и в июньской

книге «Русского Вестника» за 1903 г., я старался, по мере сил, выяснить армянский церковный вопрос и указывал на необходимость именно тех мер, которые ныне признаны полезными и своевременными, въ силу чего они и стали законом. Один такой факт является высокой духовной наградой за неблагодарную работу выяснения государственных и народных интересов, не нравящегося инородческим организациям и их наемникам. Правдивое слово въ этой области немедленно же вызывает клеветническіе обвиненія въ мракобесии, расовой нетерпимости и т.д.

В данном случае не мешает лишний раз отметить, что новая мера, неприятная нефтепромышленным и иным армянским политикам, внушена, прежде всего, *заботой о духовных и гражданственных интересах армянскаго народа*. Этому народу важно, чтобы церковные средства тратились на церковь, школьные — на школу, и притом тратились бы производительно, т.е., *чтобы народ получал просвещенных духовных и светских руководителей*, упрочивающих своим добрым влияніем «благоденственное и мирное житье». Это последнее Россия и дает всем своим народам, даже наперекор самозванным вожакам инородческих организаций. Как везде, и на южной азиатской окраине нашей, вмешательство русской власти служит делу духовнаго развития и свободы народной массы, заслуживающей попеченія и сочувствія.

Благодетельная для народной массы мера эта послужила, однако, поводом для красноречиваго подтвержденія правильности почерпнутых мною из Кавказьской действительности и, так сказать, выстраданных взглядов на армянскую социально-политическую неблагонадежность.

Еще на Кавказе, невзирая на тяжкіе препятствія и неприятности, приходилось мне говорить о том, что экономическое завоеваніе края организованной армянской стачкой, дошедшей въ своей наглости до *промышленно-политическаго террора*, неизбежно должно было привести к политическим осложненіям.

Многим, даже честным, искренно-русским людям, такой взгляд казался плодом пристрастия или личнаго раздраженія, а приведенные обобщенія — слишком односторонними и торопливыми. Теперь ряд последовавших событий наглядно оправдал те выводы, за которые своевременно приходилось платить слишком дорого.

Взрыв въ одном из батумских фортов, разнаго рода уличные беспорядки, крушенія поездов, учиненные злоумышленниками, усиленіе разбоев, — словом, целый ряд явленій, происходящих прямо или косвенно от указаннаго промышленно-политическаго террора, главари котораго располагають огромными средствами, — все это заполнило за посленіе годы грязные страницы Кавказьской хроники, хотя *прямая связь* между этими явленіями и их первопричиной все еще официально не устанавливалась.

Затем пошли политическіе убійства (Джамгарова и др.), причем по армянскому многовековому историческому обычаю, политика тесно переплеталась съ преступленіями против собственности. Банды полудиких турецких армян, составляющих действующую армию армянскаго революціоннаго жонда, переходили наши плохо охраняемые азиатскіе границы и либо селились на землях, скупленных разными армянскими тузами у обнищавших грузинских князей и татарских агаларов, либо бродили по городам и весям ЗаКавказья, пополняя собою ряды наемных убійц и всякаго рода преступников.

Часть грузинскаго общества за истекшіе несколько лет запуталась въ армянскую интригу, конечною целью которой является возбужденіе мятежа среди разноплеменнаго населенія края и, въ случае «удобных обстоятельств» (напр., вовлеченія России въ неудачную войну) — возрожденіе мифическаго армянскаго царства на развалинах русскаго владычества за Кавказьом.

Конечно, это нелепая мечта; но не надо забывать, что вся история Армении, полная неожиданными изменами, проявленіями вероломства и человеконенавистничества, представляет то подпольное, то прорывающьеся наружу служеніе этой мечте. въ V веке, по упраздненіи армянскаго царства, духовенство съ католикомъ Иосифом во главе руководило восстаніем армян против персидскаго царя Іездигера и обратилось к своей пастве со следующим характерным посланіем: «Да поднимется рука брата на брата роднаго, ежели он отречется от заповеди Божьей, и отец без состраданія да пойдет на сына, и сын на отца; да не боится болѣе

жена поднять руку на мужа вероломного и да восстанет слуга на господина ». Таков был уже тогда клерикальный террор, тяготевший над больше мирной частью народа, не всегда охотно принимающей участие в опасных затеях политиканствующего духовенства. Да и в сравнительно недавней истории края есть характерные факты, о которых писать и говорить можно будет, к сожалению, только лет через 50.

Неосуществимость указанной мечты вряд ли требует доказательств, ибо народ, заслуживающий облечения в форму государства, *естественно* достигает этого. Внешние препятствия не столь важны, как внутренние. Государство требует политических, общественных и личных добродетелей, которыми армяне никогда не обладали. Как город, по меньшей мере, «на трех праведниках стоит», так и государство нуждается в достаточном контингенте духовно-высоких и самоотверженных людей и в том, чтобы народная масса была проникнута *государственным идеалом*, сознанием необходимости поступаться многими сторонами и радостями личной жизни для общего блага, не щадить для него ни материальных интересов, ни самой жизни. Для государства нужна определенная *территория*, с которой народ был бы связан и долгим временем, и высокими нравственными *традициями*; наконец, очень важным условием является склонность народа к созидательному, *непаразитическому труду*.

Армяне, у которых течет в жилах преимущественно семитическая кровь, не обладают в должной мере чертами государственного народа, к бескорыстному творчеству мало способны, и к спекуляции гораздо более склонны, чем к труду, не сопряженному с объегориванием ближнего¹⁹.

Вот почему они, подобно своим сородичам евреям, склонны прежде всего к торговле и всевозможным формам посредничества, не исключая самых преступных. При этом они, подобно прочим восточным народам вообще и семитам в особенности, в высшей степени тщеславны. в противоположность русскому национальному чувству, отличающемуся сильным элементом самокритики и совестливости, в противоположность также английской национальной гордости, предполагающей обязательность известных культурных добродетелей, — армянская племенная амбиция вытекает из низменного тщеславия, поддерживаемого экономическими успехами, которые достигнуты темными путями.

Многолетнее непонимание русской администрацией своих задач в пестром ЗаКавказье, многолетнее же отсутствие в крае *национально-русской финансовой политики* и, наконец, шальные нефтяные миллионы болезненно обострили армянское племенное тщеславие. Болотный агонек несбыточной мечты стал ярче манить к себе армян, причем само собою разумеется, что зарубежные враги России, англичане, американцы, германцы, французские масоны и всесветные евреи стали подливать масла в этот агонь. Нефтепромышленные сирены в английских сюртуках и их юркие поверенные нашли в разных влиятельных центрах, зарубежных и русских, доступ к сердцам политических деятелей, бюрократов и кое-каких публицистов.

Степень продажности или беспринципности печати измеряется процентом засевших в ней евреев, прямых или *переодетых*. Очевидно, он повсюду весьма велик, ибо заграничная печать почти повально принялась раздувать армянскую лягушку до размеров вола. Да и в русской печати, должно быть, дело неладно, коль скоро самые обоснованные разоблачения деятельности армянских плутократов, ростовщиков и политиканов вызывали дикую ярость, особенно со стороны так называемых либералов, которые, казалось бы, наоборот, *если они искренни*, должны сочувствовать всякой борьбе с мошенничеством и гнетущей эксплуатацией народного труда. Очевидно, у этих господ есть особый пункт политической программы, в силу которого они сочувствуют всякому противорусскому движению, всякой, даже ничтожной силе, дерзающей грозить русскому строю, порядку и спокойствию.

Армянская наступательная крикливость прихляла этим господам по душе и нашла в

¹⁹ Вот, что говорит об армянской интеллигенции в № от 30 января 1898 г. газета «Мшак», единственная из армянских газет, бичующая иногда пороки и недостатки своих сородичей: «Целый ряд фактов доказывает, что ни один класс армянского общества так не ленив и не беззаботен, как его интеллигенция. Она боится тяжелого и добросовестного труда, боится серьезного отношения к делу.

газетных евреях отголосок, как нечто родное. Эта крикливость, страго говоря, больше еврейской, если принять во внимание, что евреи сравнительно большой и духовно одаренный народ, доставивший миру немало хлопот, но давший также и много выдающихся людей на разных поприщах умственной жизни. Обе народности сходны в том, что, при всей своей пронырливости и духовной робости, склонны шуметь, зазнаваться и проявлять бесчеловечную нетерпимость, когда только им покажется, что сила на их стороне.

Армянам, впрочем, немудрено зазнаваться не только потому, что они беспрепятственно опутали своими сетями значительную территорию, превосходящую размеры Франции, но уже и по тому одному, что они *пользуются всеми правами христиан, отличаясь всеми инстинктами евреев*. Закономерная полноправность при таких условиях является фактической *привилегией* по сравнению с остальным населением ЗаКавказья.

Много лет уже раздаются и в печати, и в правящих сферах авторитетные по своей осведомленности голоса, указывающие на ненормальность такого положения вещей. И всегда армянская организация, опирающаяся на денежную силу и все доступные ей средства искушения, находила влиятельных заступников, руководившихся то принципиальными, то менее почтенными побуждениями. Русская власть и русское общественное мнение на время снова усыплялись, и потихоньку продолжалась двойная работа: экономическое порабощение края и подготовка к борьбе с русским государственным началом.

Центральным органом армянского обособления в течение многих веков являлась и доселе является, как уже выше сказано, армянская теократия, представляющая *собой особую форму полускрытой государственности*. По внешности — это церковь, а по существу — прежде всего «*национальное*» учреждение, во многих случаях ставящее тайную политическую задачу выше религиозного призвания. Эта церковь, — конечно, не как храм Божий, а как собрание армян, объединенных общими задачами, — является зачастую то биржей, то местом для политических и иных совещаний. На Кавказе довольно распространено название Эчмиадзина «экспедицией заготовления государственных бумаг».

Церковная организация, совпадая с политической, не чужда вследствие этого, и всех темных сторон этой последней, противоречащих религиозно-нравственным началам и государственному порядку. И в любой из армянских епархий, и в самом Эчмиадзине нередко играют решающую роль светские люди, держащие в руках либо нити политической интриги, либо ключ от туго набитого денежного ящика. Бывший тифлисский городской голова Кеворк Евангулян, называвшейся по-русски Евангуловым, имел, например, значительное влияние на эчмиадзинские дѣла²⁰, так же как и издатель запрещенной ныне газеты «Ардзаганк», некий Абгар Иоаннисиани, и как московский адвокат Грикур Джаншиев, мнимо-либеральный мнимо-русский публицист. Хитрый горбун Арцруни, бывший издатель тифлисской газеты «Мшак», при последних выборах католикоса едва не посадил на эчмиадзинский престол своего ставленника; существует даже предположение, что он сам надеялся попасть в католикосы так же, как и упомянутый Евангулян. в настоящее время любой крупный нефтепромышленник или банкир, вроде Манташева или Цатурова, вмешивается в дѣла своей церкви и по временам говорит Эчмиадзину тоном диктатора.

Изложенное необходимо иметь в виду при оценке ярких событий последнего времени, наглядно свидетельствующих о том, что в армянской церкви преобладает *политический* элемент и что в армянских бесчинствах виновно не одно только духовенство, так как они являются делом *организации*, охватывающей все слои народа, под верховным руководством

²⁰ Это констатируется армянской же газетой «Мшакъ» (№ 116, 1897 г.), которая говорит, что «он, более десяти лет играл роль ближайшего советника по делам Эчмиадзинского монастыря, и все то, хорошее или дурное, что совершенно там за это время, сделано по его совету, чего не скрывают даже и его друзья. Остается только его друзьям показать нам: сколько хорошего и сколько дурного сделано им там»? Продолжая характеристику того же почтенного деятеля, газета говорит: «Он известен как враг не только солидарности народов, но и как враг армян не-григорианского вероисповедания. Несмотря на свое высшее образование, он всегда пропагандировал: „Нет спасения вне армяно-григорианской церкви“. Его девизом всегда было: „Цель оправдывает средства“, и надо сознаться, что он с большим успехом проводил в жизнь эту иезуитскую идею. Он никогда не питал никакого уважения к общественному мнению, не признавал права контроля в общественных учреждениях».

Эчмиадзина.

Напомню вкратце главнейшие из преждевременных вспышек давно подготовлявшегося армянского мятежа. 13 августа 1903 года, в 7 часов вечера в г. Александрополе убит на улице кинжалом православный протоиерей Василев, на которого армянский революционный комитет негодовал за обращение трех армянских селений в православие. По весьма распространенному на Кавказе обычаю, убийца скрылся бесследно. Незадолго до того наемные убийцы турецких армян закололи кинжалами на одной из станций эриванской железной дороги жителя селения Шагриар эчмиадзинского уезда, Степана Дрампова, подозревавшегося в том, что он выдал двух главных организаторов сбора денег на армянские национальные цели; подозрение неосновательное, ибо *действительно главные* организаторы дѣла не то что ходят, а катаются на свободе в дорогих экипажах, пользуются поддержкой среди Кавказской и столичной бюрократии, носят почетные звания и для контролирующей власти покуда недосыгаемы.

Роль именно турецких армян, достойных питомцев турецкой «школы» и по происхождению полу-курдов, резко выдвигается как в указанных, так и во множестве других преступлений; по сведениям прокурорского надзора, как сообщает эриванский корреспондент «Новаго Времени» г. Григорьев, 80% всех совершаемых армянами преступлений совершаются именно турецкими армянами, пополняющими обширный контингент наемных убийц и являющимися предложением для сбора больше или меньше принудительных пожертвований на пресловутые «национальные цели».

О единичных убийствах и случаях наглого вымогательства денег, сведения далеко не всегда попадают в печать, так как замешанными оказываются (как, например, в джамгаровском деле) «интеллигентные» сыновья армян весьма зажиточных и обладающих связями в разных учреждениях края. Несомненно однако, что над всем ЗаКавказьем тяготеет гнетущая атмосфера *политического шантажа*, и это чувствует каждый мало-мальски внимательный обыватель²¹.

Долго таившийся социально-политический недуг принял за последнее время столь рельефные формы, что даже Кавказской печати мудрено было о них умолчать. Произошло это по поводу Высочайшего повеления 12 июня 1903 года о передаче армянских церковных имуществ в ведение гражданских властей. Выше была подробно выяснена глубокая целесообразность этой правительственной меры, встретившей сильную оппозицию в некоторых из наших влиятельных сфер. Здесь достаточно вкратце повторить, что это мера не противорелигиозная, не противощерковная, а именно наоборот, так как она является одним из необходимых целебных средств для армянской церкви, помогая этой последней выполнять свою высокую христианскую задачу без отклонения в сторону политических авантур и непохвальных гешефтов. Это прекрасно понимают те немногие разрозненные и робкие *истинные* армянские патриоты, которым политический террор теперь зажимает рот. Это поймет и армянская народная масса, когда мало-мальски освободится от гипноза своих самозванных вожakov.

Противники этой меры напрасно полагали, что она, *сама по себе*, могла вызвать неудовольствие армянской народной массы. Конечно, немалую роль здесь играет степень *умелости* властей, ее осуществляющих; надо дать понять народу, что средства армянской церкви остаются неприкосновенными и лишь ограждаются от употребления на цели, не имеющие ничего общего с религией. Несомненно, что политические вожаки армян силились доказать народной кассе именно противное и преуспели в своем стремлении лишь потому, что противорусская организация армянского населения сильно подвинулась вперед. Последовавшие затем беспорядки, о которых подробнее будет сказано ниже, явились весьма ценным *реактивом*, показателем того, что готовилось, назревало и *неминуемо вспыхнуло бы* при больше неблагоприятных для русского дѣла обстоятельствах. Можно только радоваться тому, что

²¹ Сам покойный В. Л. Величко подвергался и во время редактирования им газеты «Кавказ», и потом до последних дней своей жизни, самым разнообразным проявлениям этого шантажа начиная с анонимных писем, то угрожающих, то истерически-ругательных, и кончая изумительными по своему разнообразию попытками иных шантажных воздействий. — Изд.

неизбежное случилось преждевременно, и *армянская политическая интрига открыла свои карты* прежде, чем успела достигнуть болѣе внушительныхъ размеровъ.

Наглядные признаки тайной армянской организации проявлялись и независимо от такихъ внешнихъ и случайныхъ поводовъ, какъ указанная мера; это доказывается и упомянутыми выше политическими убійствами и другими характерными фактами. Такъ, например, въ Артвинскомъ округѣ захвачена шайка армянъ, которой предводительствовалъ студентъ Штутгартскаго политехникума Абрамянъ; у этихъ патриотовъ найдено знамя съ надписью «Смерть или свобода», ружья, динамитъ, разрывныя бомбы и т.д.; *члены шайки до таго проживали въ разныхъ городахъ ЗаКавказья*. Шайка направлялась якобы въ Турцію, но врядъ ли можно сомневаться въ томъ, что она была склонна «поработать» и въ русскихъ предѣлахъ. Къ тому же, она далеко не единичное явленіе: 29 августа 1903 г. въ Карсе, въ глухомъ переулкѣ, близъ казармъ Кубинскаго полка, въ квартирѣ некоего Таноева, американскій подданный армянинъ Джонъ Нахикьянъ занимался снаряженіемъ ручныхъ гранат; очевидно, этотъ патриотъ и его сподвижники готовились не воевать съ курдами, а протестовать посредствомъ динамита и иныхъ взрывчатыхъ веществъ противъ Высочайшаго повеленія 12 іюня. Провиденіе само покарало этихъ злодѣевъ: произошелъ взрывъ, отъ котораго они погибли.

Затѣмъ изъ разныхъ мѣстностей ЗаКавказья появляются свѣденія о вспышкахъ армянскаго мятежа. въ Эривани, Эчмиадзинѣ и окрестныхъ селеніяхъ поднялся шумъ невообразимый. Цѣлыя толпы отправлялись къ католикосу, требуя, чтобы онъ протестовалъ противъ закона, хотя духовенство признавалось, что въ этомъ требованіи не было надобности, *ибо сигналъ къ неповиновенію закону исходилъ отъ самаго эчмиадзинскаго патриарха*.

29 августа въ Елизаветполѣ, на окраинѣ города, возле армянской церкви, *по звону колокола* собралось нѣсколько тысячъ армянъ, которые оттеснили полицію и земскую стражу, отвѣчая градомъ камней и револьверными выстрѣлами на требованіе разойтись. Подоспѣвшіе на мѣсто беспорядковъ войска вынуждены были действовать огнестрѣльнымъ оружіемъ, после чего толпа разбежалась, оставивъ на мѣстѣ 7 убитыхъ и 27 раненыхъ.

Это событіе нашло крайне резкій отголосокъ въ самой столицѣ ЗаКавказья, гдѣ сосредоточены и главные мѣстные правительственные учрежденія и масса войскъ. Наглость была проявлена необычайная. По словамъ правительственнаго сообщенія, 31 августа въ Тифлисѣ после литургіи въ армянскомъ соборѣ духовенствомъ въ церковной оградѣ, при двухтысячной толпѣ, была отслужена панихида по 7 лицамъ, убитымъ въ Елизаветполѣ во время совершенныхъ мѣстными армянами беспорядковъ. После панихиды, *священникъ Тер-Арапатовъ провозгласилъ проклятіе* („Новое Времѣ" основательно спрашиваетъ: «Кому?!») *за отобраніе церковныхъ имуществъ. При этомъ разбрасывались революціонныя воззванія, толпа шумѣла, бросала камнями и произвела около 40 выстрѣловъ въ чиновъ полиціи*. На мѣсто беспорядковъ были вызваны казаки, которые и рассеяли толпу, арестовавъ 4 зачинщиковъ и въ томъ числѣ священника Тер-Арапатова.

2 сентября 1903 г. такой же мятежъ вспыхнулъ въ Карсѣ по поводу пріема въ казенное управленіе имуществъ армянскихъ церквей Сурп-Нишанъ и Святой Багородицы. Опять-таки *по колокольному звону*, какъ описываетъ «Кавказъ», сбѣжалась большая толпа армянъ и расположилась вокругъ церкви Сурп-Нишанъ, а также *на крышахъ и внутри соседнихъ домовъ*. На требованіе полиціи и полицейской стражи разойтись толпа отвѣтила градомъ камней и выстрѣлами и оттеснила ихъ. Вскорѣ къ церкви прибыли резервъ стражи съ начальникомъ округа и двѣ сотни Ейскаго казачьяго полка. Все увеличивавшаяся толпа встрѣтила и ихъ камнями и выстрѣлами. Такъ какъ требованіе разойтись не было исполнено, то стража вынуждена была сдѣлать нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ, после чего ею, совместно съ казаками, площадь и дома были очищены отъ толпы. Войскамъ пришлось также разгонять толпу армянъ и отъ церкви Святой Багородицы, причемъ арестовано 77 армянъ, въ томъ числѣ два священника.

Еще болѣе организованное и ожесточенное сопротивленіе оказали бакинцы, очевидно, привыкшіе болѣе признавать власть своихъ нефтяныхъ королей, чѣмъ русскаго правительства. Согласно описанію таго же «Кавказья», 2 сентября въ городѣ Баку, около 5 часовъ вечера, *по звону колокола*, въ оградѣ мѣстнаго армянскаго собора собралась значительная толпа армянъ. На предложеніе полиціи разойтись толпа отвѣтила градомъ камней и стрѣльбой изъ револьверовъ; *стрѣляли даже изъ оконъ самой церкви*, вследствие чего были вызваны двѣ сотни казаковъ и

полурота сальянского пехотного резервного полка. Войска были встречены также камнями и револьверными выстрелами, причем толпа укрылась за каменной церковной оградой и в самой церкви; вследствие этого полурота открыла огонь, и толпа, убивая убитых и раненых, скрылась в соборе, который и был оцеплен войсками. Из мятежников было арестовано 45 человек, остальные разбежались. *Отобрано и найдено много оружия, причем даже в самом соборе и его алтаре оказались оставленными револьверы, патроны и стреляные гильзы.*

В Шуше, издавна славившейся политическим брожением и необычайною наглостью местного армянского элемента сверху донизу, 12 сентября, во время приема церковных имуществ в ведение казны толпа армян также подняла невообразимый шум и с угрозами отправилась к квартире губернатора; войскам пришлось вступить с нею в сражение, не обошедшееся без убитых и раненых. в Шуше духовенство при этом не выдвигалось вперед. Во многих других пунктах передача церковных имуществ происходила столь же неблагополучно. Политические убийства продолжались. в Карсе 9 сентября убит наемными турецкими армянами турок Шариф Лачинбеков, подозревавшийся в нелюбви к армянам и в сообщении о них сведений турецким властям. Убийство произошло в двух шагах от губернаторской канцелярии, причем собравшаяся туда толпа армян помогла скрыться убийце, кстати, ранившему и городского. Потом все эти лавочники и приказчики отзывались полным неведением о происшедшем. Армянство стоит сплошной стеной, покрывая какие угодно ужасы, и даже хвастая некоторыми подробностями преступлений; так например, громко говорят, что за убийство протоиерея православного собора Василова, убийцы получили 25 000 рублей. Ясно, какую роль играют в таких делах армянские денежные тузы.

13 сентября, среди бела дня, в Эчмиадзине турецкими армянами, очевидно, по приказанию их повелителей, убит на базарной площади некий Потоянц, виновный в том, что был в числе понятых во время передачи церковных имуществ в казну и подписал протокол, вопреки угрозам революционного комитета. *Это одно из многих* политических убийств в данном районе. *Население терроризовано*, особенно тем, что убийцы и их повелители остаются неоткрытыми и безнаказанными. Характерно, что *эчмиадзинский монастырь* содержит и прикармливает сотни турецких армян, людей разбойничьего вида и образа жизни.

Во всех описанных выше вспышках армянского мятежа бросается в глаза ряд характерных фактов. Во-первых, у армянской толпы, которую обыкновенно считают мирной и робкой, и которая, действительно, от природы труслива, — оказалось *много оружия*; стало быть, существовали давно заготовленные *склады оружия*, свидетельствующие о существовании организации, готовившейся к определенным поступкам. Во-вторых, к месту беспорядков мятежные армяне были призваны *колокольным звоном* и пришли с оружием в руках, причем в Карсе и Баку заняли своего рода стратегические позиции; стало быть, все было заранее подготовлено. В-третьих, церковь, призывающая колокольным звоном не на молитву, а на резню, церковь, алтарь которой попорчен орудиями истребления, является *не домом молитвы, а очагом зверства и притоном мятежа* против законной власти, действующей в духовных интересах этой же самой церкви.

Наконец, 14 октября 1903 г., среди бела дня, на выезде из Тифлиса, близ Ботанического сада, на главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта князя Голицына, возвращавшегося в экипаже с супругой из загородной прогулки, напали трое негодяев, нанеся князю несколько кинжальных ран в голову, лицо и руку и пытавшиеся вытащить начальника края из коляски. Князь храбро отбивался палкой и парировал несколько опасных ударов. Казак Сиплиненко мужественно вступил в борьбу с нападавшими, был ранен; на помощь подоспели чины земской стражи, а затем казаки. Головорезы бежали по ущелью, отстреливаясь; один из них был убит наповал, а два другие смертельно ранены и умерли в тот же день.

По полученным тогда же из Тифлиса сведениям виновники дерзкого покушения на жизнь представителя Державной власти на Кавказе оказались принадлежащими к *низшим классам армянского населения*. Вопрос о *нравственных виновниках* преступления, его мотивах и даже полной обстановке так и остался невыясненным. Часть нашей печати вдобавок проявила либо неосведомленность, либо, в лице печати еврействующей, уже прямо *стремление выгораживать из этого темного дела армянскую интригу, сворачивая его всецело на*

Кавказских разбойников . въ глазах людей, знающих Кавказъ, въ таком толковании содержится несомненная натяжка. Впоследствии выяснилось, что убийцы *не-русско-подданные армяне, принадлежащие к армянской террористической шайке* . Полезно было бы узнать, какіе съ *виду мирные* армяне участвуют въ ней деньгами или иным способом...

Вообще, болѣе чем пора серьезно вникнуть въ роль, которую играютъ въ преступленіях, разбоях, мятежах и прочих язвах Кавказской жизни влияніе и многомиллионные состоянія некоторых богачей съ темным прошлым и болѣе чем туманным настоящим. Добросовестное и проникновенное изученіе этаго *кореннаго* для Кавказа вопроса дало бы правительству ключ к очень многим таинственным дверям, за которыми творятся недобрые, пагубные для спокойствія края дѣла.

После всего сказаннаго не ясно ли, что закон 12 іюня явился мерою болѣе, чем *необходимой* , т.е. скорѣе запоздалой, чем преждевременной?

С этой точки зренія, каждый пропущенный год, каждый пропущенный день был чреват печальными осложненіями, потому что армянская революционная организация разрасталась вглубь и ширь. Если бы ей вовремя была поставлена преграда, то не было бы многих лишних и, въ основе, жалких жертв недомыслия, революціоннаго гипноза и слепаго фанатизма. Так или иначе, жаль этих дикарей, потому что не будь они завлечены своими бездушными вожаками, — они были бы хоть не особенно полезными, но все же мирными русскими подданными.

В государственной политике, когда она имѣет дело съ большими народными массами, *нет ничего болѣе жестокаго, как кротость или полумеры* по отношенію к вожакам, ведущим толпу на путь мятежа. Если бы несколько лет тому назад твердой, властной рукой был изъят из обращенія десятков-другой доселе благополучных привилегированных армянских политиканов, — теперь войскам не пришлось бы стрелять. *Ловить и наказывать мелких агитаторов, оставляя въ стороне главных воротил — значит пытаться вычерпать реку ведрами*. Всякое мало-мальски серьезное явленіе, грозящее бедой, надо перехватывать у самаго истока: иначе выходит нецелесообразно съ точки зренія государственнаго порядка и, въ результате, жестоко по отношенію к народной толпе, платящей кровью за безуміе, которое въ ней нарастает под впечатленіем несвоевременно — мягкаго отношенія власти к коренным виновникам анархических явленій.

Сказанное сугубо применимо именно к восточным народам. Восток покоряется только *грозной* силе, справедливой, но непременно грозной. Кротость, порожденную высшими гуманными побужденіями, он считает слабостью. Особенно армянин как народный тип *не понимает великодушія* , потому что сам к нему решительно неспособен.

В одной из своих передовых статей «Новое Время» говорит, между прочим, по поводу неслыханной наглости мятежнаго священника Тер-Ааратова: «Если некоторым армянским священникам улыбается роль польских ксендзов 1863 г., то разве только их невежество по части русской истории позволяет им не знать дальнейшей судьбы тех, кому Муравьев-Виленский говорил, что при доказанности вины их *«не спасет даже и рыса»*...»

Аналогия верно подмечена: она напрашивается сама собой, съ той разницей, что католическіе ксендзы даже во времена восстанія не утратили искры Божьей и не забывали, что они христиане. Большинство же армянскаго духовенства почти ничего общаго не имѣет съ настоящим христианством.

К какому выводу можно прийти по поводу вышеуказанных прискорбных событий?

Во-первых, как они ни прискорбны, — хорошо, что они произошли раньше, чем армянская революционная организация разрослась бы втихомолку до болѣе крупных размеров.

Во-вторых, обстановка беспорядков и, въ частности, наличность значительнаго количества оружия свидетельствует о том, что организация охватила *все слои* армянскаго племени, а не ограничивается одним лишь духовенством.

В-третьих, *вопрос не исчерпан* , съ армянским мятежом не покончено. Мы видели только преждевременно распустившіеся цветочки, а ядовитые ягодки еще впереди. Русскому правительству следует вспомнить слова хорошо осведомленнаго армянофила Пьера Морана, назвавшаго армян *опасными подданными* . Если они покуда, до удобнаго для них случая, будут воздерживаться от вспышек съ оружіем въ руках, то их *подпольная растлевающая деятельность неминуемо усилится. Надо беречь от них наши учебные заведенія* . Не подлежит

сомнению, что армянские агитаторы будут стараться вовлечь нашу учащуюся молодежь в беспорядки, подобно всегда нашептывающим евреям. Логика этих агитаторов будет хромать, так как, вступаясь перед противоцерковной «либеральной» молодежью за свою церковь, они вынуждены будут напирать на светскую, *политическую* сторону армянской теократии, т.е. выдадут ее скрываемую ныне истинную сущность. Армянская организация, опутавшая ЗаКавказье и свившая гнезда в обеих столицах наших, будет работать вдвое усиленнее, — растлевать одних, усыплять других и волновать третьих. А когда настанет «час», — мало ли, что может произойти! Ведь не остановились же армянские революционеры перед вооруженным захватом оттоманского банка и бросанием бомб с его крыши! И это в Турции, где коренное население не шутит!..

Конечно, все это можно и должно в значительной мере предотвратить. Для этого необходимы *органические*, постоянные меры в крае, нужно помешать сбивой с толку армянской интеллигенции *зазнаваться*. Надо немножко знания дѣла и твердости.

Преждевременным «показыванием карт» армянская интрига себе повредила, указав на необходимость радикального оздоровления Кавказской жизни. Несомненно, что нужна была большая доза самомнения и заносчивости, чтобы совершить подобную ошибку и выдать себя; это могло произойти не иначе, как на почве долгаго неуважения к русской власти и государственным законам.

Католикос *привык* безнаказанно не исполнять распоряжений правительства; армянские богачи, похитители казенных земель, поставщики недоброкачественных продуктов казенным учреждениям, контрабандисты и руководители темных банковских предприятий привыкли к безответственности перед административными и судебными учреждениями; армянские политиканы привыкли открыто проявлять свою наглость, под прикрытием связей в местных и столичных учреждениях; всего нисколько лет тому назад один армянский агитатор, скомпрометированный в деле похищения важнаго государственнаго документа, который он имел наглость целиком напечатать в «Times» и в армянской газете «Аравелк», издающейся в Турции, нашел влиятельных заступников и оказался *почти безнаказанным* ²²; армянская и армянствующая печать много лет пользовалась потворством и проявляла разнузданность, пресекавшуюся неумело и притом большею частью уже *после того, как был нанесен весь политический вред*, который местная цензура могла и должна была предотвратить. За последние несколько десятилетий заКавказская жизнь представляет собой *целое море всяческой безнаказанности*, т.е. в итоге *политической и правовой беспринципности*.

Чем раньше проявились острые результаты такого беспорядка вещей, тем лучше, и тем больше чести государственным людям, взявшим на себя почин мероприятий, которые дали столь яркий реактив.

Наглость армянских крамольников объясняется также и беспринципностью некоторых петербургских сфер вообще и, в частности, нелепым толкованием обстоятельств, при которых была проведена реформа управления армянскими церковными имуществами. Любой лавочник в Тифлисе, Эривани или Шуше без запинки рассказывает *подробности прений* по данному вопросу, происходивших в соответственных государственных учреждениях, причем открыто и многозначительно приводятся имена тех лиц, на моральную поддержку которых армянские крамольники считают себя вправе рассчитывать. Причины и последствия такого возмутительнаго факта, а также его интимную подкладку мудрено выяснять в печати, но умолчать о нем было бы непатриотично, да и негуманно по отношению к самим армянам, которые могут дорого поплатиться за свое заблуждение.

Ведь они уверены, что у них найдутся в столице влиятельные покровители, могущие достигнуть даже отмены того, что сдѣлано по Высочайшей воле, неспособной к самопротиворечию. в таком нелепом заблуждении их укрепляют распространяемые в крае (и вероятно, вымышленные) цитаты из упомянутых прений, якобы косвенно рекомендуемые противиться до последней крайности Высочайшей воле. Это уже прямо какой-то психоз

²² Ему просто предложили жить в Москве вместо Петербурга, куда он, впрочем, совершенно беспрепятственно весьма часто приезжает.

зазнавших восточных людей, — и ясно, что лучшим лекарством против такого опасного недуга может служить только честная твердость со стороны исполнителей предначертаний Государя Императора.

Вряд ли есть повод сомневаться в наличности такой твердости у главных руководителей этого дѣла, столичных и Кавказских. Но, помимо этого, необходимо обратить вниманіе на восточную психологию и на то, чтобы второстепенные местные органы, сообразуясь съ этой последней, действовали *по строго выработанной программе, неуклонно и систематично*. Между тем, по этой части замечается некоторый изъян, нелестный для второстепенных органов Кавказской администрации, непосредственно соприкасающихся съ делом.

Строго говоря, упомянутая выше реформа не должна была удивить ни наши правящія сферы, ни самих армян. въ 90-х годах покойный генерал-адъютант С.А. Шереметев лично говорил мне о целом ряде серьезных данных, побуждающих к ней, и лишь выражал неуверенность въ достаточной чуткости и беспристрастии тогдашних петербургских влиятельных кругов. Очевидно, следы упомянутых данных должны существовать и въ Кавказских, и въ центральных столичных учрежденіях.

Сами армяне как простые, так и интеллигентные, были крайне недовольны своими церковными порядками. Между священниками и паствой происходили постоянные пререканія на почве экономической. въ армянских газетах «Мшак» и «Нор-Дар», во время моего пребыванія въ Тифлисе, страницы пестрели резкими обличеніями против лиц, духовных и светских, управлявших имуществами армянской церкви²³. Этих заправил нередко *печатно называли ворами* без всяких смягчений, но приводя тому убийственно красноречивые фактическіе основанія.

Вот некоторые факты, сохранившіеся въ моей памяти, конечно, лишь въ общих чертах. Гандзасарское и Хотаванское именія Елизаветпольской губернии, составляющіе площадь около 90 000 десятин земли и управлявшіеся монахами, приносили въ общей сложности доход армянской церкви *меньше 50 рублей въ год, — не за десятину, а всего* ! Находившѣся под непосредственным надзором самаго католикоса огромное Марцское именіе въ уездах Борчалинском и Казахском, съ богатыми вековыми сосновыми лесами, рудами и пастбищами, размером чуть ли не до 200 000 десятин, приносило доходу *от 1-ой до 3-х тысяч рублей*. въ пользовании этим именіем, кроме армянской церкви, являлись еще соучастниками нисколько частных лиц, открыто сетовавших на хищническое обращеніе съ этими огромными богатствами, расположенными близъ станции Санаин Карской железной дороги. Столь же варварски управлялось именіе Чарекаванк, въ Елизаветпольской губернии. Доходило до таго, что, по словам местных представителей министерства финансов, на некоторых консисториях (напр., карабахской), накопились значительные суммы казенной недоимки, а смета Эчмиадзинскаго монастыря часто заканчивалась дефицитами свыше 100 000 рублей въ год.

Ясно, что армянская печать была совершенно права, открыто говоря о воровстве, а также не подлежит сомнению, что этот термин очень понятен практичным армянам всех слоев общества, весьма сведущим въ денежных: дѣлах. Населеніе не могло сочувствовать расхищенію церковнаго достоянія.

Между тем, на практике, при объявлении закона 12-го июня, эта удобная почва была мало использована местными органами, фактически осуществившими правительственное распоряженіе. Во-первых, армянскому народу даже не объяснили надлежащим образом, въ *чем заключается* новое мероприятіе: не нашлось надежнаго лица, которое бы популярно, толково и убедительно изложило по-армянски сущность и основанія реформ, хотя казалось бы, такое лицо должно было найтись, хотя бы среди чинов местнаго цензурнаго комитета. Во-вторых, резкое сопротивленіе со стороны католикоса и его клеветов придало приему армянских имуществ въ казенное управленіе внешний вид, совершенно не соответствующий истинному смыслу этого оздоровляющаго акта. Здесь необходимо отметить, что жители казахскаго уезда, как мне пишут из Дилижана, обратили вниманіе *на сплошную рубку въ огромных лесах Агарцинскаго*

²³ «Мшак» 23-го января 1898 г. по поводу слуха о краже из эчмиадзинской кассы 200 000 рублей говорит, между прочим, следующее:

монастыря, учиненную перед самою сдачей этаго имени въ казенное управление ; характерно, что Агарцинским именем заведовал сам католикос. Выходит действіе... *in fraudem rei publicae*. Наконец, увы, приходится признать, что некоторые из второстепенных местных представителей власти, напр. въ Эриванской губернии, выполняли свои обязанности по применению новаго закона, — *выражаясь очень мягко* , — без должнаго к нему сочувствія. Эти люди, популярные въ среде армянских политиканствующих плутократов, дорожили прежде всего своими хорошими отношеніями съ противорусской средой и косвенно могли подать сами повод к неправильным толкованіям меры, не имеющей ничего общаго съ религиозной нетерпимостью или недоброжелательством к армянскому народу, *истинные* интересы котораго правительством *дальновидно* ограждаются...

Армянскіе агитаторы, съ духовенством во главе, распространили посредством печатных прокламаций и устных «проповедей» нелепую басню, будто бы правительство желает *отнять* у церкви св. Григорія ъе собственность и насильно обратить армян въ православіе. То, что священник Тер-Араатов еще не понес *наглядной и поучительной кары* за свою неслыханную мятежную дерзость²⁴, окрылило такую же дерзость армянских политиканов, к речам которых народная масса еще больше стала прислушиваться. Многіе тифлисцы себя спрашиваютъ, каким образом хотя бы прокурорскій надзор, *вопреки уложению о наказаніях* , не обратил вниманія на преступленіе Тер-Араатова, за которое серьезно заплатился бы обыватель любой местности России, да и всякаго другаго государства?! Можно съ уверенностью сказать, что шансы на покушеніе против князя Голицына значительно уменьшились бы, если бы за упомянутыми вспышками армянской крамолы своевременно последовала строгая репрессія. На Востоке нет ничего вреднѣе полумер, особенно въ минуты народнаго волненія: полумеры увеличиваютъ наглость, предприимчивость и авторитет вожаков всякаго подобнаго движенія.

Весьма характерно, что после злодейскаго покушенія на жизнь главноначальствующаго, все общественные учрежденія и племенные группы края выразили кн. Голицыну как человеку и представителю русской власти лояльные чувства посредством адресов, молебствій и т. д. *Исключеніе составляютъ одни армяне* , — и можно подумать, что все слои этаго зазнавшегося народца солидарны съ убійцами.

На деле это, конечно, не так и вопрос сводится к тому, чтобы, съ одной стороны, подорвать авторитет самозванных опекунов армянскаго племени, а съ другой — разрушить упомянутую выше басню о посягательстве на армянскую религію. И то, и другое, разумѣется, достижимо, особенно, если Петербург, въ лице беспринципных своих элементов, не примется парализовать работу властей, стремящихся упорядочить давно запущенные Кавказскіе дѣла.

На таких беспринципных петербуржцев доселе крепко надеются армянскіе политиканы. Мне пишут из Тифлиса, что их надежда за послѣднѣе время растет, так как они уже дали инструкции «своим людям» для столичных салонов. Пріедет сюда какой-нибудь мнимо-грузинскій князь или просто посторонній путешественник и станет говорить что-нибудь, вроде нижеслѣдующаго:

— Мое дело сторона, я не армянин и армян не люблю, но помилуйте! Благотѣльная въ принципе реформа проведена *несвоевременно* , это *бестактно* и небезопасно, тем болѣе что народ считает и всегда (!) будет считать это посягательством на свою религію! И католикос ужасно агорчен! Этот добрый старик, преданный России, вынужден (!) противиться новому закону, хотя сердце его полно лояльнѣйшими чувствами. Лучше всего бы дать ему возможность объясниться... и т.д., и т.д.

Все народности Кавказа придають огромное значеніе поездкам своих представителей въ Петербург, особенно когда эти поездки сопряжены съ возможностью личнаго представленія Государю Императору. Понятно, съ каким усердіем армянскіе политиканы распространяють теперь слухи о скором пріезде сюда католикоса «для личных переговоров», упоая на обычную поддержку своих столичных ходатаев.

²⁴ По недавним сведеніям, Тер-Араатов был „сослан“... в Кутаис (!), где благополучно волновал болѣе воспламенительные местные элементы увереніями, что его свѣтейшество католикос не позволит русскому правительству его тронуть.

Надо желать, ради русскаго государственнаго достоинства, чтобы подобныя нашептыванія не достигли цели. Как выше сказано, своевременность реформы доказывается уже тем, что благодаря ей, обнаружались во всей красе давно выполнявшіеся втихомолку планы армянской интриги. Басня о посягательстве на религиозныя или матеріальныя интересы церкви св. Григорія рушится сама собою, особенно после таго, как армянское населеніе увидит, что, въ частности, церковь матеріально только выиграла и стала на путь духовнаго оздоровленія. Для этаго полезна была бы широкая *гласность* съ одной стороны и решительная *твердость* — съ другой.

Необходимо, конечно, также, чтобы местные органы министерства земледелія и государственныхъ имуществъ, *под угрозой страгого служебнаго взысканія*, ревностно взялись за рациональное хозяйство во вверенныхъ имъ церковныхъ армянскихъ земляхъ; малейшее упущеніе съ ихъ стороны въ данномъ деле было бы *политической ошибкой*, которую армянскіе агитаторы ожидаютъ съ нетерпениемъ, надеясь на содействіе неверныхъ слугъ государства. съ этимъ вопросомъ шутить нельзя. Роль католикоса въ немъ болѣе чемъ ясна, но люди, стремящіеся обелить его, не прочь представлять его жертвой, а не вдохновителемъ движенія, вызваннаго «несвоевременной», будто бы, правительственной мерой. съ этой целью былъ даже разыгранъ въ гор. Александрополь политическій «спектакль» особаго рода. Толпа кидала камни въ вагонъ Мкртыча Хримяна, а священникъ Тер-Ованесовъ, поднятый толпою на руки, кривлялся и дерзко кричалъ своему духовному главе, что онъ долженъ либо отречься отъ патриаршества, либо сопротивляться русскимъ властямъ. Произошло это после семидневнаго лихорадочнаго метанія Мкртыча I по разнымъ местностямъ эриванской епархіи, где онъ, съ одной стороны, *уклонялся отъ принятія официального известія о новомъ законѣ*, а съ другой — давалъ своимъ подчиненнымъ соответственныя инструкціи... *Объясняться католикосу не о чемъ. Онъ уже много летъ объясняетъ сущность своего направленія достаточно красноречиво, — фактами дерзкаго неповиновенія правительственнымъ распоряженіямъ.*

Разумѣется, мудрено заранѣе предсказать, до какаго предѣла дойдетъ армянскій психоз²⁵, темъ болѣе что именно отъ не всегда надежныхъ второстепенныхъ представителей местной власти зависитъ возможность исподтишка разжечь его или умерить, посредствомъ устраненія болезнетворныхъ микробовъ. Несомненно одно — что этотъ Кавказскій недугъ можетъ представить случайныя опасности лишь для единичныхъ должностныхъ лицъ; а отнюдь не для русскаго дѣла въ краѣ. въ итогѣ — мы теперь знаемъ, благодаря своевременной реформѣ, въ чемъ суть, и здѣсь применима утѣшительная французская пословица: «Un home prèvenu en vaut deux»...

13. Азербайджанскіе татары

Кавказскихъ мусульманъ, по разницѣ въ характерныхъ чертахъ, можно разделить на двѣ резкіе категории: первую составятъ мусульмане, входившіе въ составъ Турціи и, особенно, Персіи, съ ѣе вассальными ханствами; вторую — жители Дагестана и прочіе горцы, исповѣдующіе исламъ. Турковъ и курдовъ въ нашихъ владеніяхъ немного, и они представляютъ собой маленькое, неяркое пятнышко на пестромъ Кавказскомъ коврѣ. Азербайджанскіе татары дело другое: ихъ много, и они составляютъ значительный и во многихъ отношеніяхъ ценный элементъ, къ которому необходимо присмотрѣться поближе.

Восточное ЗаКавказье въ теченіе вековъ считалось персидскимъ владеніемъ и частью бывало таковымъ на дѣлѣ въ единичныхъ случаяхъ; обыкновенно же оно делилось на ханства (гянджинское, эриванское, талышинское, шекинское и т.д.), владетели которыхъ были сперва служилыми людьми по назначенію персидскаго правительства, потомъ достигали передачи

²⁵ Возмутительный, единственный по своей жестокости и низости фактъ бросанія бомбы въ толпу во время сочувственной манифестации, устроенной въ Баку по поводу войны болѣе человѣчными представителями местныхъ армянъ, ясно доказываетъ, что этотъ «психозъ» требуетъ серьезнаго и быстрого леченія. Сколько нужно дикости и злобы, чтобы рука поднялась на подобное злодеяніе въ то время, когда вся Россія, до самыхъ беспокойныхъ окраинъ своихъ включительно, охвачена благороднымъ объединяющимъ души порывомъ любви и преданности къ Царю и Отечеству.

своих административных полномочий по наследству и, наконец, отпадали от Персии, добивались независимости и являлись маленькими тиранами въ восточном вкусе. Такой же прѣемственности въ управленіи болѣе мелкими частями территории достигали беки, особенно, когда состояли въ родстве съ ханскими домами. Масса мусульманскаго населенія подчинялась этим правителям на начале восточно-государственном, а не состояла у них въ крепостной зависимости. Адербейджанцы пахали землю, занимались садоводством и скотоводством, охотою, войной и... *разбоями, принципиальное отличие которых от войны, въ виду смутности земельных границ и правовых понятій, местному населенію доселе не вполне ясно.* Если жители одного ханства или бекства нападали на селенія другаго, съ целью пограбить, отмстить за кровь или показать удалъ, то это называлось войною. Теперь это разбой, и притом, по мнѣнію современнаго русскаго суда, принципы котораго населенію непонятны, а формы являются источником соблазнов, порождающих озлобленіе и новые преступленія. Армяне занимались торговлею, трепетали перед ханской нагайкой, ползали перед беками и бледнели при виде человека, вооруженнаго кинжалом. Своим стяжаніем они зачастую должны были недобровольно делиться съ властителями-мусульманами. Исключеніе составляли неправильно называемые (по отношенію к прошлому) армянами жители Карабага (Албанія или Агванія), исповедовавшіе армяно-григорианскую веру, но происходившіе от горских и тюркских племен и обьярмянившіеся лишь 3 — 4 века тому назад. Христиане-карабагцы порою проявляли даже воинственность, и местным ханам приходилось съ ними считаться.

Адербейджанцев называютъ татарами, но это совершенно неточно, если относить притом татар к монгольскому племени. Если въ жилах Адербейджанцев и есть татарская кровь, то лишь как результат монгольскаго нашествія времен Батыя, Мангу и (в ЗаКавказьѣ) Хуллагу-хана; такого же рода результаты остались и после арабов: доселе въ восточном ЗаКавказьѣ попадаются люди арабистанскаго типа и даже напоминающіе мулатов, съ очень темною кожей и курчавою шерстью на голове. По основному же происхожденію Адербейджанцы — турки, туранцы, кровные родственники древних огузов, сельджуков, современных турков и курдов. Адербейджан дал Персии одну из величайших ѣе династій, во время владычества которой расцвели въ этой державѣ науки, искусства, земледеліе и ратное дело. Имя Алп-Арслана доселе не забыто въ этой части Азии.

Если въ петербургских гостиних и говорильнях, пропитанных космополитизмом, существует тенденціозное требованіе не поднимать вопроса о чѣм бы то ни было племенном происхожденіи, то на Кавказѣ, да и вообще во всех странах, где люди ближе к природе, принято обращать вниманіе на *кровь* — там знаютъ, что человек — существо психофизическое, а не отвлеченная математическая выкладка; что духовный склад состоит въ тесной связи съ устройством головы и прочих частей тела, и что человеческими поступками руководит не только настоящѣе, но и прошлое; въ них *говорит кровь предков*.

У Адербейджанцев кровь, несомненно, благородная; они от природы добры, мужественны, великодушны, способны к умственному и нравственному развитію. Идея государственности, и притом сильной, внушающей уваженіе к власти, традиціям и порядку, несомненно, им присуща, несмотря на их кажущуюся анархичность, обьясняемую исторіей, географическим положеніем края и вытекшими отсюда бытовыми условиями. въ основе Адербейджанец является стихийным сторонником неограниченной власти, сильной и патриархально-справедливой. Это почти та же психическая расовая черта, которая есть и въ русском народѣ, преданном Самодержавію не только умом и сердцем, но и, так сказать, нутром. Насколько армяне и евреи, въ силу расоваго инстинкта, нутром враждебны всякой государственности и особенно идѣе неограниченной монархії, настолько Адербейджанцы стихийно, органически ей сочувствуютъ, — даже мятежники, даже разбойники. Конечно, нет психическаго тождества съ русскими въ данном вопросе, так как русскій народ воспріял болѣе высокую византийскую религиозно-политическую культуру и въ массѣ не подвергался таким анархическим воздействиям, какіе отразились на характерѣ Адербейджанцев; но въ основе есть несомненная *аналогія*.

Ислам, явившійся одним из культурных началъ этаго народа, мог, разумѣется, лишь развитъ указанную черту и дать ей идейное обоснованіе: един Аллах, един пророк, единый представитель пророка, носитель светской власти. Во всем идея *единовластиа*, идея настолько

сильная, что переходит за рубеж вероисповедных различий, — и всякий государь, хотя бы и иноверный, является святыней как представитель неограниченного единовластия. ЗаКавказские мусульмане неоднократно дрались против своих единоверцев — турков под знаменами Белого Царя, преклонившись перед величием просвещенного, *культурного* единовластия.

Народы Запада, в особенности наиболее энергичная часть германского племени — англосаксы — *органически* склонны к политике, со всеми ее мелочами, дрызгами и ежедневной сутолокой, отнимающей массу времени и усилий на борьбу за решающую роль в народоправстве. Народы Востока, и в частности Азербейджанцы, предпочитают верить политику властному лицу, которому воздают почитание и благодарность за *отеческую* заботу о нуждах народных, за спокойствие, силу и славу, достигаемые под его знаменами. Это именно органическая разница в мирозерцаниях, чреватая политическими и бытовыми последствиями.

Вряд ли нужно доказывать, что народ с *восточным* воззрением на государство составляет ценный созидательный элемент для такой неограниченной монархии как Россия; он представляет собою строительный материал, которым государственная власть, обладающая достаточною чуткостью, может пользоваться для своего развития и для успешного выполнения своей исторической миссии.

С понятием ислама принято у нас связывать исключительно и огульно понятие фанатизма. Как только заговорят о мусульманах, так сейчас произносится слово «газават», т.е. священная война, страшат панисламизмом, турецкими зверствами и т.д., особенно теперь, под влиянием неизреченных страданий, которым подвергается несчастное население Македонии и Старой Сербии под гнетом озверелых балканских мусульман; при этом обыкновенно забывают о зверствах американцев над неграми и филиппинцами, немцев над китайцами, англичан над бурами, наемников банкиров — евреев — над конгрегациями. *Ислам у нас не знают* : из Корана знают только две-три воинственные суры, написанные на случай и принимающие временно-догматическое значение лишь в тех случаях, когда мусульманское население той или иной страны либо ожесточено ненормальными жизненными условиями, либо вдохновлено каким-нибудь энергичным вождем, рисуящим ему радужные перспективы.

К вопросу об исламе мы доселе относимся *некультурно* . Мусульмане в нашем государстве по численности занимают *первое место после русских* , а у нас даже не существует перевода книги «*Le Coran analysé*», являющейся настольной для всякого французского чиновника в северной Африке; о сколько-нибудь серьезных и беспристрастных самостоятельных исследованиях, которые бы помогли нашим служилым людям, имеющим дело с мусульманами, проникнуть в главный источник мирозерцания этих последних, у нас нет речи. Сказать по правде, покуда и не для чего писать такие книги, так как чиновники наших азиатских захолустьев поглощены другими интересами.

Преданность вере, которую человек считает правой, должна, разумеется, совпадать с отрицанием истинности других исповеданий в полном их объеме: как православный, я могу *только Православие* считать истинной верой, в ущерб остальным религиям. Тем не менее, было бы странно отрицать, что в этих последних содержатся части той вечной единой истины, которая *полностью* составляет содержание православия; еще страннее было бы отрицать не только благотворность воздействия тех или иных иноверных исповеданий на озаренные ими народы, но в отдельных случаях даже практически-субъективное преимущество таких исповеданий для человеческих рас, находящихся на соответственном духовном уровне, и обставленных специальными условиями. Таков, в частности, ислам. Не обладая, — с нашей, православной, точки зрения, — полнотою истины, он дает, однако, принявшим его народам элементы ее в кратких, удобопонятных формулах и усвояемых дозах. Выражаясь практически, можно сказать, что один и тот же человек, добросовестно восприняв веления ислама, заключающие в себе значительную дозу христианской морали, и ведущий вследствие этого патриархально-достойную жизнь, мог бы оказаться гораздо худшим, если бы ему были преподаны более высокие, но менее доступные его пониманию и менее отвечающие его психическому складу начала христианства; за непониманием последовало бы неприменение. Нравственное содержание испарилось бы, и остался бы мертвенный обряд, *иная форма того самого язычества, в борьбе с которым Мухаммед явился истинным просветителем,*

истинным дѣлательм нравственнаго прогресса своих соплеменников.

Если вникнуть въ догматику и исторію Ислама, то нельзя не признать, что эта религія, проповѣдующая милосердіе къ ближним, заботу о немощных и скорбящих, озаряющая несколько раз въ день (страго требуемые намазы) человека напоминаніем о Едином Боге, является этическими сторонами своими, хотя и переплетенными съ воинственною нетерпимостью и чувственным материализмом, — так сказать, *духовной ветвью христіанства*, протоком, оторвавшимся от этой великой реки и неминуемо долженствующим вернуться къ ней. Если взять на практикѣ омуслиманившагося грузина-аджарца и православнаго гурийца (по племенному происхожденію почти родные братья), то придется отдать преимущество *первому*, потому что он честнѣе, великодушнѣе и вообще нравственно выше. Если взять мусульманина-Азербейджанца, хотя бы из разбойников, но *верующаго* мусульманина, и «всеми уважаемаго», обласканнаго Кавказскими властями «христіанина»-армянина, съ дипломом доктора философіи въ карманѣ и почетным званіем на визитной карточкѣ, то все нравственные преимущества окажутся на сторонъ перваго; первый, хотя и грѣшник, но *искренно веритъ въ Бога*, и по этому одному душа его въ основѣ христіанка, второй — просто одетое въ англійскій сюртук хитрое животное, для котораго христіанство — мертвая и вдобавок искаженная буква.

Огромная культурная заслуга ислама перед народами, которым он пришелся по плечу, это — элементарность и ясность его предписаній и догматов. Это не исключаетъ въ нем наличности глубоких теософических начал, логическое развитіе которых наглядно и непосредственно приближаетъ исламъ къ христіанству. Секты суфіевъ служатъ нагляднымъ тому доказательствомъ, а стихотворенія Омара Хайяма, въ которыхъ описывается «животворящее дыханіе Иисуса», являются художественнымъ доказательствомъ христіанскихъ настроеній ислама. У сложной догматической работы этаго послѣдняго за время расцвѣта арабской цивилизаціи есть очень оригинальный плодъ, а именно *стремленіе примирить веру съ разумомъ*. Несколько багословскихъ школъ небезуспѣшно посвятили себя этому труду. Воззрѣніе, что истинная мудрость совпадаетъ съ добродетелью и съ Божьей правдой, можно нередко видѣть у Кавказскихъ мусульманъ въ весьма характерныхъ проявленіяхъ. Такъ, например, Азербейджанецъ, осуждая какаго-нибудь хитроумнѣйшаго и дальновиднѣйшаго негодяя, непременно скажетъ о немъ, покачивая бритой головой: — «Ах, какой *нерассудительный человекъ* !»...

Конечно, между идеалами, высшими началами религіи и теми формами, въ которыхъ она выражается на практикѣ, есть весьма существенная разница. Говоря об исламѣ въ ЗаКавказьѣ, надо имѣть въ виду и невежественное отношеніе темной массы къ буквѣ религіи (напр., «шахсей-вахсей» у шиитовъ), и странствующихъ дервишей, будоражащихъ народъ своими фантазіями, туманными проповѣдями и фокусами, и эмиссаровъ изъ соседнихъ азіатскихъ государствъ, — дѣятелей политическихъ на религіозной почвѣ. На практикѣ исламъ зачастую принимаетъ грубые, дикіе формы и суевѣрія, о которыхъ писалъ еще князь Дмитрій Кантемиръ въ своей замѣчательной «Книгѣ Систимѣ», памфлетѣ противъ «мухаммеданской религіи», доселе не отошли и, пожалуй, не скоро отойдутъ въ область преданій. Все это есть, со всемъ этимъ надо считаться, но нельзя игнорировать въ исламѣ техъ, хотя бы и не часто осуществляемыхъ сторонъ, которые следуетъ признать положительными съ точки зрѣнія общечеловѣческой правды и нашихъ государственныхъ интересовъ.

Еще менѣе дозволительно игнорировать те природныя черты населенія, развитіе которыхъ можетъ и должно привести къ благопріятнымъ съ государственной точки зрѣнія результатамъ. Культурное развитіе Азербейджанцевъ такъ или иначе можетъ повести ихъ къ усвоенію *исключительно русскихъ, а не западно-европейскихъ началъ*; подобно татарамъ всего Поволжья, подобно населенію среднеазіатскихъ ханствъ, Азербейджанцы, въ культурномъ смыслѣ *естественно*, тяготеютъ именно къ русскому строю, являющемуся для нихъ, такъ сказать, природной стадіей развитія. Русско-татарскіе школы прекрасно прививаются и пользуются сочувствіемъ всего населенія, сверху донизу стремящагося изучать русскій языкъ и сблизаться съ русскими. Такаго явленія, какъ наглая борьба армянскаго духовенства и плутократіи съ русскою властью за школы стараго типа, въ которыхъ русскій языкъ преподавался лишь фиктивно, — среди татаръ досель не замечалось. Ни въ чемъ не видно и той *предвзятой* ненависти къ русскимъ, которую проявляетъ местами армянское населеніе, подстрекаемое своими

самозваными руководителями. Конечно, первым русским колонизаторам края, нашим сектантам, приходилось-таки первое время отвратить татарского кинжала. Предки нынешних сентиментально — безумных духовор, доведенных до истерии графом Толстым, смотрели на этот вопрос весьма реально и татарским разбойникам давали кровавый отпор; дошло до того, что ни один вооруженный татарин не смел показываться на несколько ружейных выстрелов от сектантских селений, и духоворы достигли полной безопасности.

Татары понимают и ценят силу, руководимую умом. Благодаря энергии сектантов, русское имя было в татарском населении поставлено высоко, и теперешним русским поселенцам в ЗаКавказье неизмеримо легче иметь дело с татарами, чем с какими бы то ни было другими соседями. Даже единоверные грузины оказываются зачастую менее удобными, чем мусульмане, именно потому, что последние от природы, да и в силу уроков истории, доброжелательны к русским.

У Азербейджанцев хорошая историческая память и большое преемственное уважение к подвигам. Доселе сверкает лучами славы имя Котляревского, героя Ленкорани, с горстью богатырей державшего в священном страхе и подчинении все мусульманское ЗаКавказье. Конечно, канцелярии с их волокитой и мертвенным отношением к жизни, плохая бюрократия и чуждые для местных понятий суды за последние 50 лет сильно повредили русскому престижу, так что теперешнее положение мусульман и их настроение отнюдь нельзя назвать нормальным. Некоторый порядок зиждется покуда на исторической памяти, да на глубокой вере в правдолюбие Белого Царя. Так или иначе, мы *проживаем* теперь в этом крае дорогое наследие наших умных предков, а послереформенные условия краевой жизни, как будто нарочно сложились так, чтобы поддержать обособление в инородческих элементах, искусственно оттолкнуть все верившее в нашу силу и правду и в итоге привести к кровавым осложнениям.

Азербейджанским татарам под нашим владычеством не везло. Даже князь Воронцов, наместник-созидатель, в силу своих личных взглядов, совершил ошибку, установив крепостное право там, где его не было, и попытавшись выдвинуть татарское родовое дворянство. Но и эта ошибка не была доведена до конца, и доселе мусульманское население ЗаКавказья, в силу причин ничем не оправдываемых, обречено на хаос в области сословно-поземельной.

Много дѣлалось и доселе дѣлается, как будто нарочно, чтобы затруднить этому населению спокойную жизнь и переход к более культурным формам. Просуществовавшая несколько десятилетий сословно-поземельная комиссия ничего не дѣлала, была упразднена, и дѣла ее переданы в канцелярию главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе по военно-народному управлению. О том, чтобы эти дѣла двигались, пока не слышно. Между тем, путаница отношений царит невообразимая: крепостное право отменено, а обязательные отношения крестьян-мусульман к бекам остались, причем угоды не разверстаны; недоразумения происходят на каждом шагу, служа источником дохода для местных маленьких властей и вызывая справедливое неудовольствие во всех слоях населения.

Невыясненность сословных прав также влечет за собой тяжкие экономические и бытовые последствия. в силу целого ряда обстоятельств, вызванных упразднением крепостного права и постепенным вздорожанием жизни, переходящей от патриархального строя к растленно-буржуазному, — бекам и агаларам, т.е. местным землевладельцам, оказался необходимым кредит. Между тем, не будучи утверждены в правах дворянства, они в дворянском банке кредитом пользоваться не могут, а необходимый народной массе крестьянский банк еще не учрежден. в результате все слои местного населения отданы непредусмотрительною русскою властью в цепкие руки ростовщиков-армян. Если сопоставить это с многолетним бездействием сословно-поземельной комиссии, то не трудно прийти к логическому и жизненно-правильному выводу, что именно *армянская плутократия, которой выгоден этот ненормальный порядок вещей, поддерживала его своим тлетворным влиянием на местные правительственные учреждения* или единичных бессовестных деятелей. Мусульманин-бек, предки которого занимали видные должности при грузинских царях, а затем были офицерами русской службы, не может поместить своего сына в кадетский корпус на казенный счет, за невыяснением своих сословных прав. Представители высшего сословия, беки и агалары, склонны к военной службе; но и в тех случаях, когда они несут ее бесспорно, с

отличіем, они не освобождаются от налога, взимаемаго съ мусульманскаго населенія взамен воинской повинности.

За отсутствіем въ крае национальной финансовой политики, экономическое положеніе именно мусульман ухудшается съ каждым годом. Армянская плутократія составляет сплоченную стачку, обесценивающую труд татар-земледельцев и скотоводов, завладевшую всеми рынками, кредитом и денежным обращеніем вообще. Весь край разделен на районы, разобранные болѣе или менѣе крупными пауками-армянами, эксплуатирующими местное татарское населеніе. въ одном месте сидит, скупая за бесценок туту и виноград, какой-нибудь Хубларов, въ другом, Сагомонов, въ третьем — еще кто-нибудь въ таком же роде. А эти сельскіе продукты скоро портятся: если не продать вовремя, то пропадет немало труда и семья труженика лишится куска хлеба. Сунуться въ город? Скупщики могут не допустить до рынка, и мелкая полиція будет на их стороне! Приходится действовать по малорусской пословице «скачи, враже, як пан каже»...

При современных ненормальных условиях Кавказской жизни было бы странно даже думать о том, чтобы въ районы ростовщической эксплуатаціи татарскаго населенія прорвалась посторонняя экономическая сила, создала бы конкуренцію и повысила бы уровень народнаго заработка. Для борьбы съ такими попытками пускаются въ ход какіе угодно средства, до тягчайших преступлений включительно. На Кавказѣ многа надѣлало шуму так называемое Хубларовское дело, или убійство въ селеніи Шеллу, Елизаветпольской губерніи. Русский промышленник вздумал открыть водочный завод въ районе монополиста-армянина Хубларова. Его всячески отговаривали и предприятию старались помешать. Когда же он послал на место, т.е. въ агдамскій участок Шущинскаго уезда, нескольких служащих по дѣлам проектированнаго завода, то эти послѣдніе были убиты, причем трупы их оставались нѣсколько дней не погребенными, так как судебный следователь-армянин был отвлечен от служебных обязанностей какими-то семейными радостями. Хотя он и взялся за дело съ таким усердіем, съ каким, по медвежьей мимике, «бабы на работу ходят», и хотя въ дальнейшем он не пренебрегал добываніем доказательств обеляющих монополиста Хубларова, тем не менѣе, этаго послѣднего, въ силу весьма веских улик, пришлось подвергнуть предварительному заключенію въ тюрьме, к немалой ярости всей армянской денежной аристократіи. Особенно вескіе улики были добыты не предварительным следствіем, а полицейским дознаніем. Тогда началось гоненіе против всех лиц, принявших к сердцу открытіе виновников зверскаго преступленія. Откопаны были делишки, компрометировавшіе уезднаго начальника и участкаго пристава, дѣла, задолго до таго поднятые, затем положенные под спуд и въ нужный момент *вынутые на свет Божій исключительно съ целью подорвать доверіе к показаніям этих служилых людей и изъять этих послѣдних из официального обращенія.* Одновременно была сочинена возмутительная сплетня про шущинскаго землевладельца, татарина Джафар бека Везирова, повиннаго въ том, что он интересовался раскрытіем преступленія, так как один из родственников его был убит. Сочинили и дерзали, съ целью подготовленія общественнаго мненія к давно задуманному фокусу, публично въ юридическом обществѣ прозрачными намеками говорить, что Джафар бек Везиров, человек влиятельный въ своем районе, приводит местное населеніе въ мечеть и заставляет его присягать себе (!) на верность. Одновременно съ известіем о том, что Хубларовское дело передается, по волѣ Кавказскаго начальства, из гражданскаго суда въ военный, и что полицейскіе чиновники, неприятные г. Хубларову, будут уволены от службы, въ Тифлисе распространился слух, что дело защиты Хубларова организовано совсем особенным образом: взялся «проводить» его один местный проходимец из Кавказских уроженцев, обладающей связями въ разных тифлисских сферах и давно запятнавший русское имя циничным служеніем всевозможным армянским шашням. Он должен был «проводить» дело, оставаясь лично въ тени; суммы, ассигнованные на эти безгрешные расходы, въ устах рассказчиков колебались от 40 до 100 тысяч. Армянская печать дошла до крайняго лиризма въ защиту Хубларова, а *против этаго послѣднего, по местным цензурным условиям, было писать болѣе чем затруднительно.*

В Шушу выехала сессія военно-окружнаго суда, под председательством военнаго судьи Иваненки. Как велось дело, т.е. новое предварительное и судебное следствіе, — это мог бы выяснитъ беспристрастный ревизор, который, к сожаленію, туда послан не был. Несомненны

только три факта: что помощник прокурора, вместо обвинительной речи, сказал нечто вроде оправдательной, и она была въ таком виде напечатана въ армянствующей газете «Новое Обозреніе»; что за два дня до произнесенія приговора, который, казалось, не мог быть заранье никому известен, вся Шуша готовилась к лукулловскому азиатскому пиршеству и что состав выездной сессии, за исключеніем одного подполковника Эриванскаго полка, принял затем участіе въ хубларовских празднествах, после таго, как г. Иваненко заключил оправдательный вердикт лирическим приветствіем по адресу благополучнаго г. Хубларова²⁶. Джафар бек Везиров был неожиданно для всей губернии арестован и подвергнут предварительному заключенію. Там его продержали довольно долго и затем отпустили неповиннаго больнаго старика, сказав ему: «pardon, monsieur!»

Затем... все обстоит благополучно. Никакой новый предприниматель не сунулся конкурировать съ армянскими промышленными феодалами, которых «ничто не берет». Все порядочные люди на Кавказе, особенно представители нашей доблестной армии, были возмущены, пошумели, паговорили, а затем это грязное дело уступило очередь другим грязным дѣлам, имя же им легион.

У означеннаго дѣла, как и у многих других судебных драм, разыгрывающихся въ ЗаКавказье, нелестными, но, к сожаленію, характерными для татарскаго населенія подробностями являются наличность наемных убійц и заметная склонность татар к лжесвидѣтельству. Причины обоих явленій сложны и во всяком случае не могут быть отнесены исключительно к винѣ самой Азербейджанской расы. Вопрос о наемных убійцах удобно рассмотреть въ связи съ вопросом о разбоях, котораго я коснусь ниже, и который составляет ахиллесову пятю для всех начальников края, наглядно нарушая гармонию отчетнаго благоденствія на Кавказе.

Лжесвидѣтельство — прискорбное, почти повальное явленіе, коренящееся, однако, не столько въ характерѣ мусульманскаго населенія, сколько во внешних причинах. Азербейджанскій татарин религиозен и въ общежитіи правдив; он въ дружбѣ верен, слово держит, дорожит добрым именем. *А на суде он непременно солжет*. съ одной стороны, ему непонятны принципы нашего суда, съ другой — на его нервы пагубно действует наше судопроизводство. Он въ душѣ страстно-спортивный человек; состязательный процесс является для него не средством для выясненія истины, а *борьбой*, въ которой оказывается правым победитель. Вдобавок суд, не считающийся съ местными обычаями и понятіями и нередко впадающій въ ошибки против жизненной правды, не внушает мусульманину таго доверія и почтенія, при которых язык трудно поворачивается, чтобы солгать. Адвокатура, как подпольная, так и не без ироніи именуемая «присяжною», берущаяся защищать каго и что угодно, сама толкает преступников и свидетелей на путь лжи, на путь издевательства над законом. А если добавить к этому тяжкіе матеріальные и бытовые, понижающіе нравственный уровень, условия, въ которые на Кавказе поставлен весь служилый класс, не исключая судебного ведомства, то немудрено понять и до известной степени оправдать отрицательное отношеніе мусульман-Азербейджанцев, да и всего прочаго Кавказскаго населенія к нашему суду.

Весьма вредит делу также незнаніе туземцами государственнаго языка, на котором совершается судопроизводство, незнаніе чинами судебного ведомства туземных языков и въ итоге непомерно широкая и до известной степени решающая роль малонадежных переводчиков. Туземцы знают цену этим последним, и это дает им лишнѣе основаніе скептически относиться к русскому суду. Есть еще к тому причина, въ психологии

²⁶ Уже после смерти В.Л. Величко и через три месяца после появленія настоящей главы отдельною статьей въ № 10 «Русскаго Вестника», по поводу этих фактов напечатано было въ том же журнале (№ 1, 1904 г.), на основѣ 26 ст. врем. пр. о ценз. и печ., прил. к прод. 1868 г. Св. зак. т. XIV, опроверженіе за подписью председателя Кавказскаго Военно-Окружнаго суда г. Македонскаго. В виду того, что оно, как нам кажется, является лишь возраженіем, а не доказательным опроверженіем по существу, не считаем возможным, при изданіи настоящей книги, вносить какие-либо измененія или сокращенія въ текст, тем более что автор придавал слишком серьезное нравственное значеніе исходу этого дела для престижа «неуязвимых» монополистов-армян. Считаю справедливее всего поместить указанное возраженіе съ нашими замечаніями въ «Приложеніи» к настоящей книгѣ. — Изд.

Азербейджанских татар. Они в течение веков привыкли к тому, что суровые решения их агаларов и ханов немедленно приводились в исполнение, т.е. виновный подвергался повешению на ближайшем чинаре или немедленной конфискации имущества. Понятие уголовной неправды было не столь резко отграничено от неправды гражданской и, пожалуй, в некоторых случаях, толковалось жизненно. Так, например, если хлеботорговец назначал слишком высокую цену на хлеб и тем вызывал ропот населения, то хан или кади прибавал его ухо гвоздем к двери и держал его в такой позе, пока тот не откажется от ростовщических цен на насущно-необходимый продукт. Это до сих пор практикуется в Персии. Для нервов современных законодателей это слишком жестоко, но с точки зрения местных нравов оно рациональнее, чем наше долгое письменное судопроизводство с его апелляциями, кассациями, взятием на поруки и ссылкой, из которой смелому джигиту не трудно бежать. ввиду двух последних условий, *свидетели боятся показывать правду, прекрасно зная, что преступник непременно отомстит им* поджогом или убийством. Такой основательный страх немало затрудняет дело правосудия не только в ЗаКавказье, но и в остальной России, так что относить его к некультурности одних мусульман было бы несправедливо.

Очевидно в итоге, что заКавказские коренные жители и, в частности мусульмане, нуждаются в ином, глубоко продуманном судоустройстве и судопроизводстве, наряду с надлежащим регулированием прочных в крае государственных функций, с которыми тесно связана деятельность судебной власти. Между прочим, нужно, чтобы школа возможно шире и глубже воздействовала на массу населения. Мусульманские влиятельные классы не противятся введению русской школы, в противоположность армянским и отчасти грузинским патриотам, а Кавказская власть в этом деле скупится, к немалой радости армянских политиканов, торгашей и захолустных чиновников, которым выгодно, чтобы мусульманское население, не знающее ни государственного языка, ни законов, возможно дольше было жертвою всяческой эксплуатации. Армянам выгодно также, чтобы о мусульманах слагалось в русском обществе недоброе мнение, как об элементе некультурном, диком и во всех отношениях ненадежном. Для армянствующей печати возможность сообщать о татарских разбоях, оттеняющих якобы мирное настроение «христиан», т.е. армян, и подрывающих доверие к силе русской власти в крае, представляет истинный праздник...

14. Разбои

Разбои являются крупной язвой местной жизни. Повинны в них преимущественно мусульмане в Восточном ЗаКавказье и западно-картвельские племена в губерниях Кутаисской, Черноморской и новообразованной Батумской области. О разбоях и средствах борьбы с ними исписаны целые тома, а панацеи от этого бедствия доселе не найдено. Ясно, что это недуг не какой-либо части местного социального организма, а всего этого организма, в полном его объеме. Сложна и причина, его породившая.

С одной стороны, — многовековая привычка к партизанской войне и к отсутствию надлежащей государственности, обеспечивающей мир и порядок на обширных пространствах, вспыльчивый нрав, спортивность, жажда подвигов, нервная неуравновешенность местного населения; с другой стороны — тяжкие социально-экономические условия, в которые оно поставлено: беспрепятственное господство армян-эксплуататоров, вошедшая в традицию продажность значительной части служилого класса, невыясненность сословно-поземельных отношений, кровавые родовые счеты; в итоге — целое море неправды, захлестывающее своими грязными волнами всю местную жизнь.

Нечего удивляться тому, что такие разбойники, как Арсен в Тифлисской губернии и, Хан-Баба в Бакинской, Кярам или Керим в Елизаветпольской, а в позднейшее время, Алай бек Мурсакулов в Тифлисской и смежных с нею губерниях, продержались долго, были неуловимы и стяжали себе в населении громкие, до известной степени уважаемые имена. Эти люди были не банальными разбойниками, а в некоторых случаях и восстановителями попорченной справедливости. Они грабили и убивали утеснителей народа, причем проявляли чудеса храбрости и ловкости, удовлетворяя тем и нравственным, и художественным запросам своих соплеменников.

Их проделки блистали порою то сказочною эффектностью, то рыцарским великодушіем, то великолепным юмором. Алай бек Мурсакулов, например, съ несколькими молодцами ограбил караван дилижансов, въ которых сидело до 100 человек, въ том числе немало вооруженных; своим подчиненным он строго запрещал обижать женщин и детей, а въ нескольких случаях отдавал обратно женщинам их драгоценности, узнав, что они связаны съ дорогими воспоминаніями. Кярам систематически раздавал бедным значительную часть награбленной добычи. Неуловим и дерзок бывал он до чрезвычайности. Так, например, когда один уездный начальник задался целью поймать во что бы то ни стало Кярама, этот последний въ течение месяца скакал по уезду, въ числе чапаров или стражников ретиваго администратора, конечно, не без сообщничества нижних чинов земской полиции. Алай бек Мурсакулов, явившись съ 4-мя разбойниками въ одно из боржомских дачных мест, служащих излюбленной летней резиденціей армянской плутократии, заставил миллионершу-армянку лично поставить самовар и служить у стола. Этот эпизод произвел фурор въ местном обществе, угнетаемом наглостью привилегированных армянских богачей и обрадовавшемся возможности получить некоторое нравственное удовлетвореніе, хотя бы при помощи юмориста-разбойника.

Алай бек Мурсакулов, подобно некоторым другим атаманам гачагов, был разбойником случайным и до некоторой степени невольным, а не профессиональным. Он происходил из хорошей, уважаемой въ крае агаларской семьи, прошел несколько классов гимназии, отлично говорил по-русски и был вообще культурным человеком. Глупое судебное дело, окончившееся потерей родового имени, положило начало его бедствиям; родственник, оттягавший судебным порядком это родовое имение, похитил затем невесту Мурсакулова и был им убит. Убийца был сослан въ Сибирь и, бежав оттуда, стал во главе шайки разбойников. Таков въ общих чертах местный рассказ о прошлом Алай бека. Если бы его вовремя помиловали, приняв во вниманіе местные понятія, пылкий темперамент и иные смягчающіе вину обстоятельства, или *взяли бы его въ солдаты на китайскую границу* , — Алай бек, наверное, был бы верным слугою Царя и отечества, георгіевским кавалером и достойным человеком. Тупым формализмом испорчено все дело и создан разбойник, съ которым Кавказская власть так ничего и не смогла подъять въ обыкновенном порядке. Алай бек Мурсакулов пал от руки *наемнаго убийцы* , своего бывшего сподвижника, и притом не въ русских предѣлах, а въ Турции, где считал себя въ безопасности... Странно было бы, конечно, на основании единичных примеров, когда трагическое сцепленіе обстоятельств дѣлает разбойника художественно-симпатичным, поддающимся опоэтизированию, приходит к обобщеніям, рисуящим разбойников въ благоприятном свете. въ массе, въ подавляющем большинстве разбойники — гнусные хищники, съ которыми благоустроенное государство обязано вести упорную борьбу, впредь до их искорененія. Ни администратор, ни публицист не вправе заниматься «социальною поэзіей» за счет обывателя, которому надо гарантировать безопасность. Прочье — десерт для поэта или беллетриста...

Вопрос о разбоях теснейшим образом связан съ вопросом об уровне администрации. Никогда не забуду одного характернаго случая, происшедшего за обедом у покойнаго князя А.М. Дондукова-Корсакова въ Тифлисе. Один из местных, типично-Кавказских администраторов после обильных возлияній впал въ откровенность и высказал начальнику края, что знает все разбойничьи притоны и лазейки своего района и мог бы за короткое время переловить и перевешать всех тамошних разбойников. На предложеніе приступить к этой операции возможно скорее он отвечал, что это было бы *невыгодно* , ибо тогда служба пошла бы однообразно, без административных подвигов и соответственных наград. Он заключил словами: «Мы разбойников нарочно для этого и держим». Правда, надо аговориться, что автор этого признанія был Кавказский уроженец и не русский по происхождению, и что такого рода «философия» за последнѣе время уступает место болѣе благородным взглядам на дело. По крайней мере, главное Кавказское начальство искренно стремится к устраненію такого типа администраторов. Но характерные окраинные *типы* и создаются, и устраняются *не сразу* .

Может быть, упомянутый Кавказский Фуше въ данном случае и прихвастнул, но несомненно, что въ его словах есть доля правды. При добросовестной, умело выбранной администрации, при отсутствіи потворства со стороны низших ѣ чинов, разбои непременно должны бы были значительно сократиться. Нужна при этом еще и вдумчивая забота о народном

благосостоянии, основанная на глубоком знании местных экономических условий и особенностей быта. Так, например, по весьма основательному мнению старого Кавказского администратора и воина К.В. Комарова, во многих местах разбои являются результатом *недостатка земли для скотоводства*. Это соображение необходимо иметь в виду при решении вопроса о заселении свободных мест ЗаКавказья русскими людьми: надо чтобы такие меры были *действительно* свободными, т.е., чтобы их отчуждение не лишало туземцев последнего куска хлеба. Воинственного человека голод непременно приведет к разбою. Вообще значение экономических факторов в вопросе о разбоях громадно, и вопрос этот приблизится к разрешению лишь в том случае, если центральное правительство и Кавказская власть признают необходимость вдумчивой национально-экономической политики. в самом деле, что дѣлать пылкому и воинственному от природы татарину, материально пригнетенному пауком-армянином и видящему, что люди в русских мундирах разных ведомств часто действуют в пользу этого последнего? Министерство земледелия распространяет семена хлопка, старается улучшать скотоводство; управление водами понемножку восстанавливает правильное орошение поливных земель. Все эти блага простому татарину-земледельцу по усам текут, а в рот не попадают. Характерна скандальная история на Муганской степи, описанная своевременно и в ежедневной печати, и в «Русском Вестнике». Инженер-гидравлик незаконно отвел воду с участков русского поселка на бесплодные дотолы и взятые за бесценок в аренду земли татарских поселян, а интеллигентный армянин Киракозов на этих землях посадил семена хлопка, полученные им от чиновника министерства земледелия, обязанного распространять хлопководство среди сельского населения. *Объегорены на казенный счет местные пасынки, т.е. русские и татары*, а великие и богатые милости достались шайке дельцов, с армянином во главе. Разве мудро, если при таких обстоятельствах татарин крепче сожмет в руке дуло своей винтовки или нервно погладит рукоять кинжала? Если хотите устранения разбоя кровавого, то устраните повальную безнаказанность и возмутительно наглый рост разбоя мирного, царящего в целой стране, которая могла бы ожидать иных порядков от просвещенной русской власти.

Иногда разбои, кровавый и бескровный, идут рука об руку и даже сливаются. Крупные промышленники из армян, под видом стражи или прислуги, держат наемных убийц и контрабандистов; нукеры (слуги) богатых помещиков тоже представляют собою вооруженные дружины. Люди, погибшие в темном Хубларовском деле, несомненно, пали от руки наемных убийц, так же, как и присяжный поверенный Старосельский в Баку. Истинные виновники так и не найдены, потому что на Кавказе богатые люди оказываются обыкновенно... невинными.

Наемный убийца в этом крае является представителем почти официально практикуемого *ремесла*. в Елизаветполе произошел следующий характерный случай. Потребительное общество ЗаКавказской железной дороги решило открыть в этом городе отделение своего магазина, к великому агорченно местного монополиста, крупного торговца бакалейными товарами. Торговец-армянин даже ездил в Тифлис лично предупредить председателя правления общества, что ничего из этой затеи не выйдет, так как Елизаветполь — «вай, какой бѣспокойный мѣсто». Место оказалось действительно беспокойным: раза два подряд неизвестные люди стреляли ночью в окна магазина потребительного общества, сперва, очевидно, с намерением только пугнуть; обращение сидельца к полиции привело лишь к тому, что на следующий день стрельба была больше серьезная: сиделец не был убит лишь потому, что случайно наклонился во время залпа. Председатель правления общества, видя, что со стороны местной власти защита плоха, обратился к одному знакомому беку за советом и помощью. Тот спокойно отвечал, что необходимо в подобных случаях платить взаимностью.

— То есть, как это?

— А вот увидите. Я вам это устрою.

На следующий день в магазин монополиста-армянина был произведен хорошенький залп картечью, разбивший несколько банок и бутылок с дорогим товаром и смертельно напугавший приказчиков. Виновные, разумеется, разысканы не были, но с этого времени потребительская лавочка могла существовать уже совершенно беспрепятственно. Гомеопатический принцип «*similia similibus*», в высшей степени целесообразный на Востоке, возымел свое действие и вместе обнаружил истинного хозяина наемных убийц.

Жизненность этого принципа подтверждается характерной пословицей: «*птица ловится птицей*». Эта пословица имется на языках грузинском, Азербейджанском и персидском. Один из персидских консулов в Тифлисе, как-то высказал мне полушутя: «Вот у вас на Кавказе разбои свирепствуют, а у нас в Персии — нет. У нас, выдвинется мало-мальски крупный разбойник, — мы сейчас же приглашаем на службу, даем ему выгодное место в войске или администрации, потому что даровитые люди нам нужны. У вас же неизвестного или ничтожного в деловом отношении человека дѣлають администратором, и он оказывается потом либо сам разбойником, либо бессильным против талантливаго разбойника»...

Другая местная пословица еще определеннѣе выражает персидское воззрѣніе на вопрос; она гласит: «Если хочешь сберечь какую-либо вещь, то поручи ѣе вору». съ таким взглядом русская власть, конечно, согласиться не может, хотя несомненно, что в деле борьбы съ преступленіями никакая полиция не может обойтись без помощи бывших преступников, а в борьбе съ характерными Кавказскими разбоями нельзя обойтись без участия бывших разбойников, потому что птица, действительно, ловится птицей, а не рыбой.

Еще болѣе нелепо было бы предполагать, что власть, борющаяся съ разбоями, может вообще обойтись без помощи туземцев, хорошо знающих местные условия, и что достаточно пользоваться услугами надежных русских людей из внутренних губерний. Кроме надежности, нужна специальная умелость. Если не хотите ловить при помощи ненадежной местной «птицы», то заведите и акклиматизируйте, приспособьте к местным условиям собственную птицу: *поселите на толково избранных пунктах казачьи станицы*. А само собою, и на основании прямолинейных канцелярских планов ничто не сдѣлается. Повторяю: смогли же сектанты за несколько лет радикально оградить себя от разбоев, а затем стяжать и симпатію местного населенія.

Предполагать, чтобы среди этого последнего не было надежных элементов, готовых придти на помощь правительству в деле упроченія мира и порядка, — нелепо и недобросовестно. Вопрос, стало быть, сводится к *умению находить* таких людей и привлекать их сочувствіе. Нужна, стало быть, тактичная и добросовестная местная власть, которая бы внушала населенно доверіе. Достаточнаго контингента подобных представителей власти в настоящѣе время там очень мало, а на сцене местной жизни зачастую чередуются честные, но неумелые съ умелыми, но нечестными, либо нечестными и одновременно неумелыми. От этого разбои и не прекращаются, а усиливаются.

Разбойничество — настолько глубокая и сложная местная болезнь, что судить о ѣе ходе по степени резкости симптомов, безусловно, нельзя. Так, по временам, в некоторых уездах восточнаго ЗаКавказья разбои затихали; но это не значило, что их там не было и что народ освободился от своих угнетателей: наоборот, тут правильнѣе усмотреть признак таго, что полиция вступила в компромисс съ вождями разбойников, которые обложили населеніе *правильным налагом* и спокойно благоденствуют, получая свои доходы без всякаго риска, — совершенно на таких же основаніях, на каких сахарозаводчики пользуются благотельной нормировкой на счет обывателя, а нефтепромышленники покровительственными вывозными тарифами и иными поблажками со стороны заинтересованных ведомств. Нечего и говорить, что от такаго рода спокойствія населенію не легче и доверіе его к русской власти не возрастает.

15. Ненормальность Бытовых Условій

Доверіе, к которому Азербейджанскіе татары в основе склонны, подвергается нередко жестоким испытаніям, при мысли о которых становится больно и страшно. Администрация местностей, населенных Азербейджанскими татарами, стоит вообще значительно ниже своего призванія. Места плохо оплачиваются, без соображенія съ постоянно растущими ценами на жизненные продукты, находящіеся в руках армянской стачки; назначенія носят болѣею частью случайный характер, причем есть примеры назначенія на довольно высокіе места людей опороченных по прежней своей деятельности, например, исключенных из военной товарищеской среды, и т.п.

Теперешнѣе Кавказское начальство, по направленію, несомненно, *русское*, а не космополитичное, безусловно стремится к повышению уровня служилаго класса, но ему

приходится считаться съ наследіем прошлаго, съ плодами многолетней «жизненной школы» ЗаКавказья, съ рядом тяжелых условий, устраненіе которых требует времени и дружных усилий целой плеяды деятелей. Но идейное сочувствіе к основной лояльности теперешнего Кавказскаго начальства, не устраняет необходимости указывать на изьяны местной административной работы.

Татарин-простолюдин, не говорящий по-русски, не гарантирован ни от какой неправды, ни от какаго насилия, ни от каких чудовищных ошибок. Он может смирно сидеть на холме, пасти свое стадо и жарить шашлычок, а въ этот момент прискачут ревнители порядка, пристрелят его и как трофей повезут к приставу. Пристав знает его въ лицо, так как раза два въ год получает него «пешкеши», въ виде баранов или иных земных благ; но пристав пошлет его труп к уездному начальнику, который, может быть, тоже знает убитаго, ибо купил у него краденую лошадь для поднесенія важному городскому чиновнику. Тем не менѣе, труп пастуха везут въ губернский город, откуда по начальству посылается донесеніе, а въ газеты телеграмма о том, что «во время перестрелки между всадниками новой земской стражи и разбойниками убить грозный гачаг Ибрагим оглы, наводивший панику на населеніе значительнаго района».

Многіе татары высказывали мне убежденіе въ полной возможности такого неприятнаго случая. Года два или три тому назад на столбцах «Новаго Времени» был рассказан случай такой административной охоты на мирных пастухов; корреспондент, сообщивший это сведеніе, был неисповедимыми путями, изъят из Кавказскаго обращенія, но самый факт, им сообщенный, доселе не может считаться достаточно опровергнутым. Самая возможность появленія подобных рассказов, которым местное населеніе безусловно верит, для русскаго имени нелестна и для русскаго дѣла не полезна. Можно изъять из обращенія таго или инаго корреспондента, не прибегая к суду и не доказывая добросовестным исследованием ложности сообщенных им сведений; но правду совершенно и навсегда скрыть мудрено.

У Кавказской власти не установилось определеннаго *культурнаго* взгляда на вопрос об Азербейджанских татарах. *Огромное и благодарное поле для созидательной работы остается невспаханным.* Местные администраторы забываютъ, сколько монгольско-туранской крови течет въ русских жилах: очевидно, прежняя внутренняя политика наша по отношению к этим инородцам была разумнѣе и практичнѣе. въ частности, как выше сказано, на школьный вопрос не обращено должнаго вниманія. Положим, школа у нас во всей России плоха сверху донизу, и воспитательное значеніе ѣе ничтожно. Но у нас есть зато другая, болѣе совершенная и принципиально-цельная школа, а именно великолепная армия наша. Азербейджанскіе татары, пройдя через нѣе, развили бы свои природные достоинства, полезные для государства, и отрешились бы от многих теперешних недостатков. На первый взгляд, прямо непонятно, почему эта народность, способная к военной службе, доселе платит особый налог, взамен отбыванія воинской повинности. При болѣе близком знакомствѣ съ вопросом, окажется, что эта аномалия: — результат местных Кавказских влияній, враждебных русскому делу.

Надо, разумеется, не формировать туземные мусульманскіе дружины, а *призывать мусульман въ обыкновенные полки, гарантируя им беспрепятственное соблюденіе обрядов их религии*. Тогда они съ радостью пойдут служить Царю и Отечеству. Надо полагать, что этот назревший вопрос получит разрешеніе въ близком будущем.

Для мусульманской интеллигенции мало-помалу возникает другой вопрос, чисто бытовой. Получив образованіе въ наших высших учебных заведеніях и чувствуя себя, как дома, въ русской интеллигентной среде, молодые образованные мусульмане бывают затруднены въ выборе себе подходящих жен. Туземные женщины оказываются недостаточно развитыми и гаремный склад устарелым, а на русских девушках татарам жениться нельзя, въ силу каких-то преград, которые во всех православных странах, кроме России, давно уже отвергнуты. въ Константинополе мусульманин может жениться на православной, Тифлисе или Елизаветполе — нет. Образованные мусульмане чужды всякаго фанатизма, охотно женились бы на православных и добросовестно воспитывали бы въ православии детей от такого брака; только сами они не склонны изменять вере отцов, считая это униженіем человеческого достоинства. Я знаю въ ЗаКавказье несколько примеров образцовой семейной жизни мусульман съ христианками, к которым весьма доброжелательно относится вся иновѣрная родня. Это — браки, заключенные за предѣлами России и затем узаконенные въ силу особой Высочайшей

милости: отеческая дальновидность наших Самодержцев опередила в данном случае равнодушный закон.

Пора эти светлые исключения съдѣлать правилом и, так сказать, приготовить кошницу для зреющих плодов. Не надо забывать, что, как выше сказано, разумно направленное культурное развитіе мусульман неминуемо приведет их к теснейшему сближенію съ русскими, съ которыми они состоятъ въ кровном и въ идейном родстве, как показываетъ вся наша история.

Для таго чтобы это родство не свелось к нулю, необходимо справедливое и разумное отношеніе к делу. Между тем, и въ печати (особенно армянствующей и еврействующей), и на практикѣ у нас не особенно справедливое отношеніе к мусульманам: им слишкомъ часто и без всякаго основанія даютъ понимать, что они пасынки. Во имя чего, например, у себя на родинѣ они не уравниваются во всехъ правахъ съ такими сомнительными и зачастую фиктивными пришлыми христианами, как армяне, неизмеримо меньше благонадежные въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ? Во имя чего въ Кавказской печати разрешается цинично издеваться даже надъ священнейшими верованіями мусульман, а разоблачать армянскіе шашни крайне затруднительно?

Выше я указалъ на возмутительную выходку армянствующаго публициста противъ памяти Мухаммеда, едва не вызвавшую резни. Мнѣ вспоминается теперь не меньше характерный случай. въ томъ же «Тифлисскомъ листѣ» была помещена статейка, приблизительно следующего содержанія: «Въ такой то местности Елизаветпольской губерніи имѣются *свободные* земли для русской колонизаціи. Прежде на этихъ земляхъ жили армяне, а *теперь проживаютъ* вытеснившіе ихъ *мусульмане*. На этихъ земляхъ можно бы поселить русскихъ крестьянъ». Эта статья имѣла видъ совершенной нелепости, такъ какъ нельзя же называть свободной землю, на которой уже живутъ мусульмане, русскіе подданные. Ясно, что она была написана съ целью выставить дело русской колонизаціи, какъ вопиющую несправедливость, проявить рабскую ненависть къ мусульманамъ и вместе съ темъ намекнуть этимъ последнимъ, что съ ними церемониться не будутъ, что у нихъ отнимутъ землю, — и темъ разжечь въ мусульманской средѣ неудовольствіе противъ русской власти. Я, конечно, счелъ долгомъ ответить въ «Кавказѣ» на эту гнусность, что русская колонизація не посягнетъ на кровные туземные интересы, причемъ, зная местные цензурные нравы, употребилъ самые сдержанные выраженія. Темъ не меньше, мой ответъ былъ задержанъ цензурою на два дня и пропущенъ ею лишь после таго, какъ редакция «Тифлискаго листка» сама возразила на свою странную статью. Тогда я обратился уже съ мотивированнымъ заявленіемъ въ канцелярію главноначальствующаго и не въ примеръ прочимъ аналогичнымъ случаямъ, армянствующій цензоръ былъ смѣненъ, ибо чаша допущенныхъ имъ гнусностей слишкомъ наглядно переполнилась.

Въ мусульманскихъ провинціяхъ ЗаКавказья то и дело паговариваютъ о выселеніи туземцевъ въ Турцію и Персію, и частичное выселеніе происходитъ непрерывно. Вызываютъ его отчасти эмиссары изъ этихъ государствъ, сулящіе мусульманамъ золотыя горы, и несклонность воинственныхъ Азербейджанцевъ переходить къ новымъ, меньше кочевымъ и болѣе мирнымъ условіямъ жизни; но не меньше виновата въ этомъ и *армянская интрига*, систематически выталкивающая русскими служилыми руками мусульманское населеніе съ насиженныхъ местъ, чтобы замѣнить ихъ пришлыми армянами; виновато, въ итогѣ, и неудовлетворительное управленіе этими провинціями, недостаточно вдумчивое и добросовѣстное отношеніе къ народу, который жаждетъ правды и былъ бы вернейшимъ слугою сильной, но справедливой власти.

Панисламизмъ можетъ развиваться лишь на почвѣ народнаго неблагополучія и неудовольствія. Его воздѣйствіе не дошло до такихъ размеровъ, какими стараются страшать Кавказскую власть армянскіе интриганы и ихъ прислужники, онъ, несомненно, бродитъ въ мусульманскихъ районахъ ЗаКавказья, где за *последнее время замечается весьма характерное сближеніе между суннитами и шиитами*. Такіе сближенія происходятъ лишь подъ влияніемъ *общихъ неблагоприятныхъ условій жизни*, когда страдающіе элементы ищутъ единенія, забывая прежніе разногласія и раздоры. Но нельзя отрицать, что панисламизмъ есть, темъ не меньше, *химера*, ибо расовыя различія сильнѣе, чемъ единоверіе. История Востока служитъ въ томъ порукой.

Конечно, и химера можетъ создать неприятныя осложненія, вроде андижанской вспышки. Но лучшимъ средствомъ какихъ бы то ни было осложненій и политическихъ заболеваний всегда

была и будет действенная, а не формальная только забота об истинном благе населенія, во всеоружии полного знакомства съ его бытом и мирозерцаніем. Об этом прежде всего и необходимо позаботиться.

16. Горцы Дагестана

Вопрос о Дагестане значительно сложнѣе. Он настолько сложен, что подробно говорить о нем следует лишь глубоко осведомленным специалистам. Разнообразіе наречій, обособленность отдельных племенных общин, глубокіе мистическіе тайники мюридизма, многовековое прошлое горских патриархальных республик, лишенных даже такой элементарной государственности, какая была въ ханствах ЗаКавказья, — все это начала, порождающіе немало затруднений для русской власти въ прошлом и грозящая таковыми въ будущем.

Сравнительно недавняя долгая и по временам небезуспешная борьба съ Россіей дагестанским населеніем не забыта. Оно требует уваженія к себе, потому что сознает свою силу, боевую и культурную. Лезгинскіе племена, населяющіе Дагестан, обладают серьезными способностями и к сельскому хозяйству, и к торговле (особенно кази-кумухцы), и к прикладным художествам; их кустарные изделия издревле славятся во всей Передней Азии. К земле они прилагаютъ столько вдумчиваго труда, сколько русскому крестьянину и не снилось; они, например, прилепляютъ к голым скалам искусственные каменные площадки, наносятъ туда землю и разводятъ там агороды или мотыгой возделываютъ пашни.

К ратному делу они приспособились исторически, частью въ силу природной склонности, частью под влияніемъ условий местности. Дагестан былъ недосыгаемым орлиным гнездом, откуда удобно было совершать безнаказанные набеги. Отсутствие устойчиваго порядка въ соседних «государствахъ» открывало этим набегамъ обширное поле деятельности, а развитію мирныхъ торгово-промышленныхъ сношеній, конечно, мало способствовало, и многіе дарованія дагестанскихъ племенъ оставались безъ примененія. Они мало применяются и теперь, за недостаткомъ должной заботы об ихъ культурномъ развитіи.

Если человеку съ сердцемъ симпатичны мусульмане-Азербейджанцы, то жители Дагестана еще болѣе вызываютъ сочувствіе. въ нихъ много истиннаго благородства: мужество, верность слову, редкая прямота. Многіе племена, например, считаютъ убійство изъ засады позорнымъ, и у нихъ есть пословица, гласящая, что «врагу надо смотреть въ глаза». Самый поверхностный взглядъ на дагестанцевъ убеждаетъ въ томъ, что они — люди съ достоинствомъ. Разумѣется, не все таковы: есть «воровскіе ущелья», т.е. племена, пользующіеся плохой репутаціей въ самомъ Дагестане. У покойнаго князя Н.З. Чавчавадзе, бывшаго дагестанскаго военнаго губернатора, гостилъ однажды пріятель съ петербургскими взглядами на жизнь; к князю пришли въ ту пору по разнымъ дѣламъ представители несколькихъ «ущелій», или родовыхъ союзовъ; одному изъ нихъ, скромному оборванцу, князь подалъ руку, невзирая на огромную разницу положеній, а другому, заносчивому джигиту въ щегольской черкеске далъ увесистую оплеуху; оба пріема, к удивленію петербуржца, возымели благотворное дѣйствіе, потому что *были применены съ тонкимъ знаніемъ местныхъ людей и отношеній...*

Въ словахъ, отмеченныхъ курсивомъ, заключается весь секретъ разумаго управленія Дагестаномъ. На Кавказѣ вообще, а въ Дагестане въ особенности, администраторъ долженъ быть не идеологомъ уравнительныхъ теорій об отвлеченномъ человеке, а *натуралистомъ* въ широкомъ смыслѣ этого слова, знатокомъ явленій местной жизни, реально на нихъ смотрящимъ. И мерка морали должна быть приведена въ соответствіе съ ними. Такъ, например, убійство по адату, по обычаю кровной мести, должно быть понимаемо и караемо иначе, чемъ простое преступленіе. Воззренія народа меняются медленно, и желательныя измененія по силамъ лишь такому правителю, который стяжалъ достаточный авторитетъ въ глазахъ туземцевъ и приспособляется к ихъ взглядамъ.

Все это, казалось бы, элементарно, само собою разумѣется: а между темъ, приходится это повторять, потому что наша бюрократія, особенно окраинная, страдаетъ недостаткомъ вдумчивой приспособляемости, недостаткомъ традицій и на историческій опытъ не обращаетъ должнаго вниманія. История говоритъ, например, что дагестанцы искони презирали армянъ и даже грузинъ,

бывших во времена грузинского царства данниками и объектом набегов лезгин. Исторические счёты долго помнятся Кавказскими и вообще горскими народами. Ясно, что предоставление армянам и грузинам служебных должностей в Дагестане явилось *обидой* для населения, не говоря уже о том, что во всяком крае русское государственное дело должно проводиться русскими людьми, при помощи коренных, местных, в тесном смысле слова, лучших туземных сил: грузин в Грузии, Азербейджанцев в Карабахе и самих дагестанцев в Дагестане.

Такой исключительно умный и талантливый человек, как князь Н.З. Чавчавадзе, был, положим, там на месте и сумел привлечь к себе симпатии многих дагестанцев; но того же нельзя сказать о большинстве его подчиненных, которые своим обращением с народом затормозили сближение его с русскими государственными началами. в противоположность этому необходимо указать на благотворные результаты умелой административной работы К.В. Комарова, наглядно сказавшиеся во время последней дагестанской вспышки в конце семидесятых годов; тут было все: и беспристрастная осведомленность, и высокий уровень русского престижа в местностях, управлявшихся русским человеком, и скорое подавление беспорядков умелою рукою, при помощи ничтожных средств.

Надо знать *расовую психологию*. На Востоке вообще покорны только силе, но есть оттенки, игнорирование которых приводит к ошибкам, невыгодным для государства и несправедливо тяжким для населения. Ясно, например, что армянин, предки которого в течение веков были низкопоклонными рабами иноверных деспотов, требует страгой, суровой дисциплины, *без поблажек и компромиссов*; как только допускаются эти последние, — армянин *властвует и заносится*, как раб, обманувший или одолевший своего господина: *элементы свободного человека в нем еще исторически не выросли*, его психофизический организм еще не готов для восприятия высших начал нравственного общежития. Его надо воспитать *честною страгою*, непременно страгою, потому что она ему понятнее. Иное дело дагестанец. Ему, конечно, не мешает чувствовать наличность русской грозной силы, которая вырвала из рук его оружие и сломала его дикую свободу. Но этою свободою была возвращена сильная и по-своему нравственная личность, которая вправе требовать признания своих достоинств и предпочтения мирных воздействий перед ненужными во многих случаях суровыми мерами.

Забота о просвещении, о развитии и художественном подъеме кустарных промыслов, — все это понятно дагестанцу и было бы им оценено достоинству: в противоположность некоторым другим горцам, он не *только хищная птица*, какою рисуют его поверхностные наблюдатели, но и *человек, чрезвычайно способный в культуре*. Надо принять во внимание и экономические условия. Население растет, а хлеба и в прежние времена Дагестану не хватало, чтобы народ обладал достаточною покупательною способностью, надо поддержать скотоводство, т.е., на практике обеспечить ему зимние пастбища в степях ЗаКавказья. Голод, когда принимает острые формы, никак добра не научит: мирный обыватель, без клюва и когтей, станет нищим или воришкой, а воинственный горец разбойником или бунтарем. «Голодный бунт» может стать почвой для болезненного развития мюридизма и иных форм воинствующего обособления, религиозного или племенного.

Дагестан, особенно при условии недостаточно вдумчивого и добросовестного управления им, надолго еще будет одним из опасных в политическом отношении мест нашей южной окраины; с другой стороны, за отсутствием собственной житницы, он всегда будет экономически, а стало быть, и политически, в руках русской власти; его всегда можно будет *взять голодом*, так как путей для подвоза хлеба очень мало, всего два-три. Но это... крайности, до которых лучше не доходить. У дагестанцев много данных для нормального приобщения к русскому делу, а русская история богата свидетельствами о том, что нашим огромным территориальным ростом мы обязаны не одной силе русского меча, но и могуществу дальновидной любви.

Разница между дагестанскими и прочими горцами-мусульманами заключается в том, что последние в большинстве культурно ниже и более разнообразны по племенному происхождению, обычаям, духовному и социальному складу. Наши казаки, да и сами Кавказцы, связывают с этими племенами различные понятия и клички, выработанные практикой: кабардинец — рыцарь, ингуш — вор, чеченец — неустойчив политически и

нравственно, как и осетин. Размеры настоящей книги не позволяют подробно всматриваться въ отдельные части этаго горскаго калейдоскопа, не имеющего крупнаго политическаго значенія съ точки зренія русскаго дѣла: это труд для художника или ученаго этнографа. Достаточно ограничиться несколькими обобщеніями.

Во-первых, все эти горцы (а также и горцы-христиане, — сванеты, пшавы, тушины, хевсуры) *покорены природой*, находятся въ тесной от нѣе зависимости. Они въ основе язычники, какаго бы исповеданія формально ни придерживались. Родовое начало и обычаи — нормы их жизни. съ нашей так называемой цивилизаціей у них ничего общаго нет, и, пожалуй, быть не может, так как она по своим основным началам противоречит их природе, внутренней и внешней. От столкновенія съ чуждой им культурой они или съежатся (уберутся подальше въ горные дебри), или совершенно обезличатся, или, что вернѣе, погибнут. Нельзя не заметить, что горец, побывавшій въ городах, хлебнувшій растленной «цивилизации» и научившійся по-русски, — обыкновенно ненадежный, дрянной человек, если *совершенно* не обрусел, как многіе осетины; высокіе же духовные черты своеобразной психологии легче всего встретить въ горце, нетронутом цивилизаціей: он надежнѣе и нравственнѣе.

Время, и только время, может спокойно решить вопрос об этих племенах, которым дай Бог подольше беспрепятственно повиноваться природе въ своих орлиных гнѣздах и наслаждаться по-своему ѣе дарами, под великодушным кровом русскаго Царя...

17. Русскіе люди на Кавказѣе

Съ русской, народно-государственной точки зренія особо важен вопрос о том, как живетъ на рассматриваемой окраине *русским людям* и как выполняется ими *русское дело*. На основании помещенных выше глав настоящаго очерка приходится, въ итоге, дать нерадостный ответ на этот вопрос.

Но можно ли сравнительно плохую работу русских людей на Кавказской окраине всецело поставить въ вину только этим людям? Ни въ каком случае. Для правильнаго сужденія о данном вопросе необходимо иметь въ виду условия местной природы, и черты кореннаго Кавказскаго населенія, въ 50 раз болѣе мнѣгочисленнаго, чем русское, и историческіе условия, включая сюда нашу политику по отношенію к Кавказу.

Все эти условия, въ итоге, неблагоприятны: они таковы, что необходимы героизм отдельных лиц или большое совершенство русских национальных учреждений, чтобы работа шла удовлетворительно. Героизму можно радоваться, следует им гордиться, но требовать его от многих было бы странно. Учрежденія же необходимо создавать такіе, которые соответствовали бы местным своеобразным условиям жизни — и, если это не удастся, то по возможности не надо стеснять народнаго творчества въ этой области. Наконец, необходимо, чтобы установился определенный взгляд на задачи русскаго дѣла въ краѣ, *ибо нет ничего вреднѣе бессистемных полумер*.

Правительственный взгляд подсказывается исторіей и самим существом нашего государства. У других европейских держав и, въ частности, у Англии есть въ Азии колонии, отрезанные от метрополии морями и чужими землями. Пионерами въ таких местностях явились сперва миссионеры, торговцы, торговые компании съ их кондотьерами и, наконец, правительственные чиновники съ отрядами регулярных войск. Преобладающей чертой колониальной политики является стремленіе извлечь побольше дохода, а потому местные особенности не подвергаются резкому измененію, и даже некоторые туземные властители оставляются на местах, под условіем покорности завоевателям.

У нас не то. Наши завоеванія являются скорѣе расширеніем естественных границ имперіи, вследствие чего культурное сближеніе присоединяемых областей съ руководящим центром, безусловно, необходимо: местные организации подлежат значительно большому растворенію, центральное правительство должно быть единственным источником, власти, и вассальные отношенія к ней со стороны каких-либо туземных вождей терпимы лишь временно, как пережиток отходящаго прошлаго.

Ясно, что русская задача значительно сложнѣе и что для ѣе выполненія нужна работа не только правительственная, т.е. войска и канцелярія, но и народная, т.е. образованное общество,

торговцы и крестьяне — переселенцы. Ясно, стало быть, как многое зависит от своевременной выработки дальновидней программы, устанавливающей незыблемую точку зрения на данный вопрос.

Необходимо отметить, что наша народная масса в течение целого столетия относилась к нему, по чутью, больше правильно, нежели общество, правящие сферы и печать: среди так называемых интеллигентных русских людей доселе преобладает то английский, то, еще менее применимый, австрийский взгляд на наши имперские окраины, излишняя самобытность которых отстаивается то во имя конституционно-правовых мечтаний, то с притворною приверженностью к Самодержавно, *природе которого противоречит органическое обособление окраин или отдельных областей*. Такие стремления большею частью внушаются самими инородцами, конечная цель которых состоит в отложении от России. Русский по духу человек желать этого не может, особенно, когда речь идет о земельном достоянии, купленном кровью многих поколений доблестных предков.

Если пересадить дерево в чуждую ему дотоле почву, поставить его в незнакомые естественные условия, то оно либо погибнет, либо, если приспособится к новой обстановке, то постепенно переродится, значительно изменится в отношении внешности и плодов. Не подлежит ни малейшему сомнению, что соответственной перемене подвержен и человек, как существо психофизическое. Это тем более неизбежно, когда ему при новых естественных условиях, приходится вступать в тесное соприкосновение и даже родниться с людьми совершенно инаго духовнаго и телеснаго склада. Путешественники, знакомые с Индостаном и присматривавшіеся там к жизни англичан, говорят в один голос, что даже представители железной англо-саксонской расы, невзирая на горделивое отношение к туземцам и сравнительное от них отчуждение, за несколько лет весьма резко меняются под влиянием пищи, климата, малярии и т.д. Происходит *перемена к худшему*, так как положительные черты племеннаго характера частью вырождаются и уродуются, частью вытесняются чисто местными чертами туземнаго пошиба. Не надо забывать при этом, что англичане в Индостане, — торговцы и должностные лица, — обставлены там буквально блестяще, по сравнению с русскими людьми на Кавказе. И тем не менее, они меняются к худшему, вследствие чего английское правительство не дает своим служилым людям слишком заживаться в этой азиатской колонии, и даже самые умные, самые полезные деятели, обыкновенно по прошествии пяти или семи лет возвращаются на родину.

Мы, с одной стороны, далеки от такого культурно-государственного взгляда, с другой же — вынуждены действовать иначе, ибо Кавказ — не колонія, а лишь окраина государства: чтобы связь не порывалась, там необходима *прочная русская оседлость*, — и лишь служилый класс полезно от времени до времени „освежать“.

18. Казачество

Передовой русской волной на Кавказ было казачество, сперва терцы, позднѣ кубанцы. Оно поставило железную преграду нападеніям горцев на тогдашнюю южную окраину России, но в значительной степени переняло и внешность, и черты духовнаго склада своих противников, с которыми, вдобавок, и породнилось. Последнѣ обстоятельство, особенно ввиду совершившагося в истекшем столетии резкаго перехода к новым условиям и формам жизни, неблагоприятно отразилось на казачестве.

Оно, несомненно, представляет собою замечательное воинство, — и недаром конвой Государя Императора состоит из казаков. Но в области культурно-экономической Кавказскіе казаки, несомненно, отстали. Сельское хозяйство у них, с серьезно-агрономической точки зрения, заслуживает названія хищническаго. Положим, степь еще велика, и чернозем не истощен; но разве не было бы правильнѣ все-таки думать о будущем? Сотни тысяч выходцев из внутренней России, так называемых «инагородних», наводняют собою области терскую и кубанскую, выступая в качестве арендаторов, торговцев и, в огромном большинстве, — сельских рабочих; отношенія между казаками и инагородними не очень хороши: по крайней мере, обе стороны постоянно недовольны.

Ясно, что казачеству недостает правильнаго самоопределенія в области

социально-экономической и что, сь другой стороны, оно инстинктивно пугается постоянного прилива русских народных волн, изменяющих характер жизни.

Одолевают казаков и постоянно растущая официальная переписка, как вь собственно войсковых, так и вь иных учрежденіях, значительно усложняющих жизнь. вь огромном большинстве казаки, даже образованные, не склонны к этому занятию, а потому даже вь разных войсковых учрежденіях забирають ненормально большую силу «письменные» казаки, представляют собою особый тип черкесочной бюрократии, вь итоге не очень симпатичной. Когда какое-либо дело знакомо лишь весьма ограниченному числу людей и потому малодоступно общественной критике, то вь нем развивается особаго рода «жречество», со всеми его отрицательными сторонами, вь ущерб справедливости и интересам населенія. Такіе черты замечаются вь работе некоторых местных административных инстанцій.

Казачество Севернаго Кавказъа очутилось вообще вь условиях, не отвечающих его первоначальному назначению, и к ним не приспособилось. сь одной стороны, русская граница шагнула далеко вперед от бывших некогда порубежными казачьих станиц; зарубежнаго неприятеля, к которому можно было бы являться по собственному почину за добычею и славой, теперь под рукой нет. сь другой стороны, однако, местная боевая задача казачества не может считаться отжившей, и вопрос о ней не исчерпан, так как горское населеніе замирено лишь до известной степени и сравнительное спокойствіе поддерживается лишь присутствіем военной силы; одною из наиболее применимых к местным условиям частей ье является казачество, хорошо освоившьеся сь туземными обычаями и формами борьбы. Вдобавок, нельзя не видеть, что под влияніем зловредной «полудивилизации» туземное населеніе Севернаго Кавказъа (да и всего края) утрачивает многіе высокіе коренные черты свои, как например, высокую честность вь куначеских отношеніях, новых добродетелей не приобретает и, попросту говоря, нравственно *разлагается*. То, что прежде являлось борьбой за дикую свободу, теперь проступает вь виде разрозненных, *но все болъе учащающихся преступлений, как плод разнузданія дурных инстинктов.*

Усугубляется это ухудшеніем экономических условий, — и можно сказать, что нарастает для спокойствія края не меньшая опасность, чем та, которая некогда была «на линии». Дело осложняется еще тем, что босяческому разложению подвергается и русская народная масса и что, сь другой стороны, казачество, опутанное сетью циркуляров и сложных законов, затруднено вь выполнении своей национальной задачи. вь частности, судебно-правовой формализм, сь его объективно-гуманной точкой зренія, стесняет вооруженные действия казаков вь так называемое мирное время.

Ведь если, например, отряд станичников прибегнет к испытанному некогда способу восстановленія мира и порядка, т.е. пойдет набегом на ингушское или чеченское воровское гнездо, — то из этаго выйдет большое уголовное дело, а местная армяно-еврейско-нигилистическая печать, вроде «Севернаго Кавказъа», «Казбека» и т.п., поднимет целую историю. Ингуши и чеченцы еще не вышли из таго периода, когда, если не отжившіе свое время казацкіе набеги, то быстрые и крутые административные меры, отвечающіе их понятіям о реальном возмездии, были бы им полезны; а вместо этаго вь крае введены учрежденія, уместные вь Англии или Франции. Совершится убійство, ряд убійств, грабежей, угона скота и т.п., — а вы извольте обращаться вь суд, иметь дело со лжесвидетелями, обеляющими виновных, и, вь итоге, зачастую не достигь ничего; кроме новых неприятностей.

Вольный русский орел, отстаивавший некогда наши пределы от вражьего натиска, теперь дома и вь соседских передрыгах лишен крыльев и связан. Таково, конечно, требованіе времени, но вряд ли можно сомневаться вь том, что оно противоречит природе казачества.

Ближе к своей задаче стоят казаки, несущіе службу государеву на турецкой и персидской границах; они стоят на таких местах, куда, так сказать, ворон костей не заносил, вь камышах Аракса, вь горных дебрях Артвина, — и всюду представляют собою грозную русскую силу. Если бы вдоль границы, где возможно, оказалось побольше казачьих станиц, а не временных постов, то картина ЗаКавказъа была бы теперь совсем иной; вь частности, десятки тысяч турецких армян, составляющих истинное несчастье края вь настоящую минуту, не перебрались бы столь беспрепятственно вь наши пределы.

Так или иначе, каковы бы ни были отрицательные стороны казачества и его теперешнего быта, оно представляет положительную русскую силу въ крае и песня его далеко не спета, въ виду возможных еще въ близком будущем осложнений.

19. Славная кавказская армия

Тебе, семья богатырей,
Хвалу шлет ныне вся Россия
И степь, и горы снеговые
И ширь мятежная морей!

**

*

Тебе, за подвиг величавый
Не ждавшей суетных наград,
Земных не ведая преград
И правду чтя превыше славы!

**

*

Тебе, что въ пламени, въ крови,
В томленьи мук неизъяснимых
Святыню доблестей родимых
Блюла во гневе и любви!..

**

*

Ты просвещенія денницу
Вела за бурей лютых сеч!
Все дальше гнал твой грозный меч
Нашествий дикую границу!

**

*

И чтит земля твои труды —
И, кубок мира поднимая,
Тебе, от края и до края,
Все говорит: «Аллаверды!»²⁷.

Если казачество выполняло въ теченіе веков и доселе, при неблагоприятных обстоятельствах, выполняет народно-боевую задачу России, то великолепная Кавказская армия служит русскому делу со славой и честью въ области *военно-культурной*. Ее значеніе огромно и въ мирное время, так как, съ одной стороны, слава ъе подвигов и страх перед ъе силою необычайно живы въ крае, а съ другой — наши Кавказскіе воины являются, безусловно, надежнейшими, духовно-высокими и во всех отношеніях лучшими истинно-русскими, людьми. въ целом ряде прославленных полков за долгое боевое время сложились такіе крепкіе традиции, которых не въ силах подорвать ни случайные военачальники, попадающіе туда иногда по протекции, ни единичные люди, безразлично

²⁷ Это стихотворение написано было к столетию водворенія русской армии в Грузию.

относящиеся к русскому делу, ни противорусский скверный склад местной жизни.

Кавказская армия была всегда, осталась ныне и, надо надеяться, останется навсегда *несравненной школой долга и чести*. Достаточно взглянуть на любой из этих полков, хотя бы в момент полкового праздника; когда выносят перед фронт старое, простреленное и почерневшее полковое знамя, каким священным огнем горят глаза молодых солдат, недавно пришедших из внутренней России, но уже всей душою подчинившихся полковой традиции.

Она глубочайше влияет и на духовную личность офицеров, и на весь склад их жизни. Нечего и говорить о замечательном полковом товариществе: проявления его так и брызжут на каждом шагу; но сверх того, у этих полковых семей есть крепко держащиеся благородные взгляды на жизнь, выработанные ими самостоятельно. Так, например, в Тенгинском полку весьма крепко традиционное уважение к женщине, и офицер, который бы позволил себе без определенных честных намерений ухаживать за девушкой или разрушать чужую семью, был бы с презрением удален из товарищеского круга.

К русскому народному делу, широко и возвышенно понятому, воинская среда относится *вполне сознательно*. Так, например, когда в принципе был благоприятно решен вопрос о заселении русскими крестьянами свободных земель ЗаКавказья, а на деле оказалась в крае полная неподготовленность к этой мере, и многие сотни русских простолюдинов в тщетных поисках земли впадали в нищету и буквально голодали, то наши полки (Тенгинский, Эриванский, Грузинский и др.) братски делились с ними и скудными деньжонками, и куском хлеба.

Наши воины являются также и активнейшими ревнителями православия; например, вопрос о православной церкви в Ахалцыхе, где, на отведенном правительством месте, армянские политиканы-думцы нагло возвели вместо церкви ротонду и кабак, был горячо и энергично поддержан доблестными тенгинцами²⁸.

В Кавказской армии все, до последнего солдата, сознательно относится к выполнению не только специально-военной, но и *культурной* задачи своей, в широком смысле этого слова. Так, например, политиканствующие армяне и армянская идея ненавистны на Кавказе всем порядочным людям, особенно же нашим воинам, но, тем не менее, во время землетрясения в Ахалкалаках, русские солдаты работали с самоотверженным воодушевлением над откапыванием и спасением армян, жертв этого стихийного бедствия. Когда явно вредные русскому делу шайки армянского сброда переходят из Турции в ЗаКавказье и встречные войска не пропускают их, грозя начать стрельбу, то армяне выдвигают вперед женщин и детей, зная, что в таком случае русский христоробивый воин курка не спустит.

Местная жизнь, особенно в больших городах, весьма не благоприятствует поддержанию дисциплины и доброй нравственности в войсках. Восток, тронутый полуцивилизацией и воспринявший те дурные стороны, быстро разлагается и является *очагом социальной заразы*. Кавказский солдат, когда он не во фронте, проявляет иногда некоторые внешние признаки распущенности. Но стоит только, чтобы ему что-нибудь напомнило о высоком воинском долге, — и он сразу становится героем и патриотом.

Несколько лет тому назад произошел такой случай: русский офицер попытался защитить на улице незнакомую девушку от приставших к ней среди бела дня негодяев из мнимо-интеллигентных армян. Через секунду он был окружен огромной толпой, которая готовилась сбросить его с Воронцовского моста в Куру, — как вдруг на помощь офицеру ринулся проходивший мимо солдат, который и спас его, грозя штыком озверелой армянской шайке. Во время одной из недавних вспышек рабочих беспорядков на тифлисском базаре, первыми восстановителями порядка явились там отнюдь не полицейские (полиция там стоит ниже всякой критики), а случайно оказавшиеся там безоружные запасные и иные нижние чины. Ясно, что они богаты как бы органическим патриотизмом, который проявляется и в сознательнейших формах. Так, например, солдатик всегда заступится за преследуемую русскую женщину и за какое бы то ни было дитя, попавшее в беду.

²⁸ Статью «Ахалцыхская нетерпимость», содержащую интересные подробности этого возмутительного дела, помещаем в «Приложении».

Однажды мне пришлось быть свидетелем такой сцены: нахальный армянин в утрированно-модном костюме пристал, по местному обычаю, на людном месте к русской даме, которая страшно растерялась и готова была расплакаться, как вдруг на помощь ей неожиданно явился простолюдин, оказавшийся, судя по выправке, отставным солдатом. Он сбросил армянина с тротуара и закричал на него:

— Ах ты, армяшка эдакий! Чего госпожу беспокоишь?!

Мгновенно, точно из-под земли, выросло несколько расвирепевших армянских патриотов, которые обступили солдата с угрозами и закричали в один голос:

— Как ты смѣешь оскорблять целую нацию!

Солдатик презрительно усмехнулся:

— Нация!? А где твой флаг?

Этот простолюдин, прошедший воинскую школу чести и здравых понятий, проявил неизмеримо больше понимание дѣла, чем даже многіе журналисты и бюрократы, путающіеся в терминологии и *смешивающіе понятия племени и нации*. в Российской империи племен много, а нация может быть только одна, потому что она обуславливается именно *флагом, т.е. символом государственности*. Так основательно учит новейшая государственная наука — и незнакомый с нею по книгам русский солдат в верном сердце своем нашел вывод, до которого доселе не могут додуматься многіе мнимо интеллигентные люди.

До какого духовнаго величія доходит Кавказское воинство в строю, — об этом вряд ли нужно распространяться. Достаточно вспомнить первые времена покорения Кавказа, когда горсть наших гренадер творила буквально чудеса и держала в страхе миллионное разнородное население края. На каждом шагу можно проверить живучесть этой традиции и вместе удивительную силу дисциплины. Достаточно указать, например, часового во время взрыва в одном из батумских фортов: ожидая почти верной смерти, этот достойный воин не сошел со своего поста, потому что лица, могшие его сменить, погибли во время катастрофы; он дождался, согласно уставу, Монаршей телеграммы.

Поразительную картину представляли русскіе солдаты также в 1895 году в Кутаиси, во время еврейскаго погрома. Они стояли шеренгами, с заряженными ружьями в руках; из многотысячной толпы в них летел град камней; то один, то другой солдатик, раненый камнем в голову, падает, ряды смыкаются, раненаго уносят, а солдаты стоят, как изваянія, бледные, недвижные, со строгими лицами; руки нервно вздрагивают, но нет приказа стрелять, — и войско выдерживает характер; только благодаря этой выдержке порядок был восстановлен без серьезнаго кровопролития.

Конечно, нравственный уровень Кавказских полков, всегда высокий, испытывает некоторые колебания в зависимости от местности, где они стоят; такие развращенные города, как Тифлис и Баку, влияют неблагоприятно, но это влияние не идет дальше оттенков и вглубь не проникает. в офицерском быту встречаются единичные случаи шумнаго бражничества, неумеренной игры или неуместной вспыльчивости, жизни выше средств, податливости на приглашения в дома разжиревших мошенников; но все это, несомненно, исключения, и притом больше редкие, чем в любой чужеземной армии и даже чем в других частях нашего войска. И в быту, т.е. в образе жизни, и в характере нашего Кавказскаго воина есть нечто *монашеское*: много мелкаго, будничнаго, ничем не вознаграждаемаго, но тем больше труднаго *самоотречения*, постоянная *победа над прихотями*, жаждой удовольствий и молодым тщеславіем, во имя больше высоких начал. Жалованье ничтожное, а жизнь непомерно дорога и с каждым днем искусственно дорожает, не только в Тифлисе, но и в медвежьих углах ЗаКавказья, опутаннаго всесильною армянской стачкой. Денщики нянчат офицерских детей и гладят юбки офицерских жен, товарищи выручают друг друга, и в полковых семьях живетсѣ небогато, но не грустно и даже не скучно.

Высоким духом, проникающим эту благородную среду, отличаются, конечно, наиболее именно строевые офицеры, истинно типичные представители Кавказской армии. Люди с «учеными воротниками» и значками, занимающіе должности административные или вообще чиновничьи, в особенности же сопряженные с вопросами о торгах, подрядах и т.п., стоят, как и везде, иногда нисколько ниже. Закваска Кавказской армии в таких отдельных людях заметно слабеет; наряду с этим соблазны, направленные против них, принимают форму

систематической осады, — и натиск их бывает так силен, что кое-кому не удастся устоять. въ Тифлисе можно порой встретить и человека съ пером, и юриста, и техника-строителя, которых офицерскіе пагоны не удержат от грехов перед службой государевой и личным достоинством русскаго человека. Конечно, такіе единичные примеры не могут набросить тени на Кавказскую армию, так как «в семье не без урода», да и люди указанного типа не принадлежат по существу к этой благородной семье.

Необходимо, однако, заметить, что Кавказская армия столь высока, не только въ силу своей закваски и благородных традицій, но отчасти и потому, что она подвергается меньшим систематизированным соблазнам, чем прочіе русскіе учреждения края. Обыкновеннаго строеваго офицера никакой армянскій туз не станет особенно закармливать и совращать; офицер, ставшій приставом, штабным адъютантом, или чиновником канцелярии, или делопроизводителем какаго-нибудь специальнаго управленія съ большими денежными оборотами, — это дело другое: такого политикины стремятся непременно опутать. Самая же армия, пользующаяся всеобщим уваженіем въ народе, составляет *предмет худо скрываемой ненависти армянских и армянствующих политиканов*.

Как сказано въ одной из предыдущих глав, почти вся без исключенія местная печать во время процесса Дрейфуса демонстративно принимала сторону изменника-еврея, сочувствіем к которому было проникнуто все армянство, начиная съ докторов философии и банковских воров, и кончая последним оборванцем-мушой. Дрейфус тут был, конечно, не при чем: он являлся лишь предложом к дозволенному, «цензурному» выраженію ненависти к армии сильной, дисциплинированной и достойной. Это был совершенно еврейскій по психологии антимилитаризм.

За самое последнѣе время среди Кавказскаго воинства замечаются явленія не особенно серьезныя, но принципиально нежелательныя. въ беседах съ Кавказскими офицерами приходится слышать такіе выраженія, как «туземная партия полка». Оказывается, что когда въ полку наберется значительное число офицеров не русскаго происхожденія, то они иногда проявляют склонность составлять отдельный кружок, съ обособленными товарищескими интересами. въ этом, конечно, ничего противозаконнаго и объективно-дурнаго нет, но это нежелательно и как некоторый подрыв старым традиціям Кавказских войск, да и съ широко воспитательной точки зренія. Ведь нужно же, чтобы представители Кавказских народностей возможно теснѣе сближались духовно съ русскими, а это достижимѣе всего, если они въ окрашивающей русской среде явятся меньшинством, а не значительными группами, съ которыми теперь иногда приходится считаться и прочим товарищам, а въ исключительных случаях, и командиру полка.

Бесспорно, однако, что въ теченіе целаго столетія въ рядах славных Кавказских дружин служило съ честью немало местных уроженцев; но, съ одной стороны, тогда было *громкое боевое время*, и престиж русскаго имени въ крае поэтому был гораздо ярче, чем теперь, а съ другой стороны, — во всех слоях общества политиканства было гораздо меньше.

Русская культурная задача нашей армии на Кавказѣ въ мирное время чрезвычайно велика и ответственна, и съ каждым днем становится труднѣе, а потому все патриотически настроенные люди должны окружать армию любовью и почетом, облегчая ей выполненіе долга въ области гражданских отношеній. Светила человечества служат делу всеобщаго мира. Но у мирнаго времени есть свои *острые стороны* и специальные особенности, подавшіе повод графу Соллогубу сказать, еще въ 60-х годах, дораго обошедшейся ему экспромт:

Боюсь я промолвить вслух, —
Но мир войны не заменяет...

20. Сектанты и русскіе переселенцы

Страна, присоединенная к какому-либо государству, если въ ней нет представителей *главной народной среды* этаго государства, — въ лучшем случае, т.е. когда она приносит доход, заслуживает названія колоніи, а въ худшем — такое присоединеніе может быть названо

оккупаціей. Так как у нас колоний нет, а есть окраины, то понятие оккупации на какой-либо из таких окраин свидетельствует о долгом отсутствии яснаго патриотического взгляда на данный вопрос или об иных препятствиях к правильной государственной работе въ крае и, во всяком случае, о том, что дело обстоит неблагополучно.

К сожалению, приходится признать, что въ ЗаКавказье, где русскіе составляют несколько больше 2% населенія, есть много признаков именно оккупации, — и это после 100-летнего владычества въ крае. На первый взгляд, это как будто нелестно для российской нации, но если присмотреться поближе, то окажется, что это факт довольно естественный, объясняемый не одними печальными причинами. Во-первых, во внутренней России нет особенной тесноты, сколько ни кричат о малоземелье, а есть главным образом плохое отношеніе людей к земле, дѣлающее ѳе малопродуктивной; а съ 60-х и особенно 90-х годов к этому присоединилась плохая, непатриотичная финансовая политика, усугубившая данное зло.

В первой половине прошлаго столетия почти все русское простонародье состояло въ крепостной зависимости, — и помещикам, которые сами жили привольно, а крестьян держали большею частью въ сытости, не охота была покидать насиженные места или высылать въ далекое ЗаКавказье крестьян, которые были нужны дома. Вот почему первыми русскими простолюдинами, осевшими въ ЗаКавказье, явились, съ одной стороны, *сектанты*, которых удаляли туда из внутренней России как элемент вредный, и женатые солдаты, на которых великий Ермолов, — дальновидный русский патриот, — смотрел, как на зерно будущей необходимой, съ государственной точки зренія, русской колонизации края.

Места въ ЗаКавказье много, особенно если принять во вниманіе необычайное плодородіе долин и степей, желтый лес которых пригоден для высоких земледельческих культур, а также обиліе на горных склонах почв (напр., мергеля), обеспечивающих богатое виноградарство. съ упроченіем мира и естественным, постепенным развитіем оседлаго быта въ ущерб кочевому, был замечен избыток земли, но русская народная стихия была еще далеко, а каждая война съ Турціей или Персіей дарила нам десятки тысяч армян. Русскіе правители по отношению к ним и к задачам государственнаго дѣла въ крае были недалновидны и знанія местной истории не проявили, а о положеніи дел на ближайшем Востоке имели смутное понятіе.

В конце 50-х годов фельдмаршал князь Барятинский имел наивность говорить, что «армяне вообще нам преданы и чужды всякаго вмешательства въ дѣла политическіе», — хотя въ ту пору, после крымской войны, армяне уже сильно зашевелились. съ отвлеченной, *не государственной*, а естественно-исторической точки зренія, пожалуй, и было правильно заселять бездоходные по своей пустынности места людьми, приспособленными самой природой к местным климатическим и хозяйственным условиям.

Во второй половине прошлаго века уже трудно было сказать, где кончается недалновидность и где начинается болѳе чем равнодушное отношеніе к русским государственным интересам. Со стороны единичных личностей оно, несомненно, доходило до гнусной измены русскому делу.

По мере подъема спроса на землю и ценности ѳе, а также усиленія разных туземных противорусских движений возник, развился и возымел большое влияніе *взгляд, будто бы Кавказъ, въ силу своих климатических и почвенных условий, совершенно не годится русским людям*. За послѣднее время, когда «опасность» наплыва русских наглядно усилилась, — инородцы и их русскіе прислужники стали подкреплять указанный взгляд бесчеловечными экспериментами над русскими пришельцами. Но об этом ниже.

Наперекор басне о невозможности русским людям селиться за Кавказом и солдатскіе поселки, и сектантскіе деревни процветали. Богатство духоворческих и молоканских селеній вошло въ пословицу, да и большинство так называемых штаб-квартир не может пожаловаться ни на бедность, ни на упадок здоровья жителей.

Правда, местности ЗаКавказья, годные для земледелия, далеко не одинаковы въ гигиеническом отношеніи. Их можно разделить на 3 категории. Одни из них не только следует признать здоровыми, но необходимо отметить, что русская порода, под влияніем тамошних условий, даже подверглась измененію к лучшему. Как совершенно верно указал Кавказскій антрополог и внимательный наблюдатель местной жизни, доктор И.И. Пантюхов, поколенія русских людей, родившіеся въ благоприятных местностях ЗаКавказья, отличаются большим

ростом и мускульною силой, большею яркостью глаз, живостью и т.д. Новейшие переселенцы, приходящие из внутренней России, — совершенные заморыши по сравнению с гомборцами, белоключинцами, жителями Манглиса и сектантских деревень. Причиной тому является мягкий, умеренный климат, разнообразие растительной и обилие мясной пищи: население питается ежедневно так, как жители внутренних губерний питаются только по большим праздникам. Внешность русских уроженцев благоприятных местностей ЗаКавказья (нагорий средней высоты) принимает отчасти туземный характер, и даже в речи слышатся порою гортанные нотки, как результат не только сношений или скрещивания с туземцами, но и непосредственного влияния природных условий. К числу местностей, особенно благоприятных для русской колонизации, относится огромная Карсская область, которую, *во времена влияния графа Лорис-Меликова и его присных на Кавказские дъла*, заселили, однако, в значительной части турецкими армянами, греками и всяким сбродом, оставив только оскребки русским людям, тогда уже начинавшим искать земли в ЗаКавказье.

Местности второй категории не представляют серьезных препятствий для русской колонизации, но менее благоприятно влияют на русскую породу, особенно в отношении нервной системы и духовного развития. Русскому человеку там нельзя жить как попало, в разрозненности, без организации, без физических и духовных мер предосторожности.

К таким местностям относятся, например, Тифлис и ближайшие его окрестности, уезды горийский, душетский, отчасти ахалцыхский, части Кутаисской и Бакинской губерний, на такой высоте над уровнем моря, где малярия, является если не грозным тигром, то уже довольно злою кошкой крупного размера, и где избыток вина ведет к излишнему ежедневному его потреблению.

Отрицательные результаты местных условий *больше проявляются там на психической, нежели на физической личности людей* не местной породы. Волевые центры слабеют, проявляется какая-то особенная нервность, доходящая порою до изрядного умственного расстройства; *понижается способность и охота к труду, особенно умственному*, колеблются нравственные устои; все то, что требует системы, выдержки, постоянства, выполняется слабо; понижается, под влиянием этих чисто физических условий, культурный уровень всех слоев населения сверху донизу.

На русских людях это проявляется весьма наглядно; для внимательного же наблюдателя ясно, что и местное коренное население носит на себе отпечаток этих неблагоприятных условий, плохо влияющих на его психофизическую жизнь. Например, нервность грузин и быстрые переходы от сильного возбуждения к прострации бросаются в глаза. Эти черты, несомненно, вредят благородному народу в его культурно-экономической борьбе за достойное существование.

Лучше всего выносят неблагоприятные климатические условия наши сектанты и армяне, — и именно оттого, что у первых есть крепкая религиозная община, а у вторых нечто вроде кагального устройства.

Русские сектанты показали, воочию, особенно в таких местностях, как важна религиозно-бытовая организация. Армяне показали, в свою очередь, силу организации паразитической. Нужно заметить, однако, что и те, и другие постепенно слабеют в указанных местностях и, под влиянием частью климатических, частью общественных условий, молодые поколения во всех отношениях менее состоятельны, чем прежние.

Местности третьей категории прямо опасны. На некоторых из них, как, например, на Алазанской долине, а также близ ахмазов (болотистых разливов) Куры и в наиболее малярийных местах Муганской степи, страго говоря, не может быть речи о постоянном жительстве, особенно русским людям, организм которых девствен по отношению к микробу злокачественной лихорадки. Туда небезопасно показываться даже осенью и зимой. Селиться в местностях, хотя и менее скверных, но сколько-нибудь подходящих к этому типу, возможно *лишь при соблюдении целой системы предохранительных мер*, в число которых входит устройство гигиеничных жилищ, колодцев, разведение противомаларийных растений (эвкалиптовых рощ), упразднение рисовых плантаций, постоянный врачебный надзор при обилии медикаментов и т.д.

К сожалению, не только всего этого почти нет в крае, особенно для русских

переселенцев, но даже Кавказское медицинское общество въ Тифлисе за последніе годы не проявило особой склонности поработать въ области борьбы съ маляріей. Засевшіе там армяне и поляки, как будто нарочно, оставляють без разработки этот главный из Кавказских медицинских вопросов, быть может, именно въ виду его остраго и порой роковаго значенія для русских. Последний Кавказский микробиологический труд въ этой области написан, если не ошибаюсь, лет 20 тому назад покойным доктором Тороповым, а чрезвычайно полезная, преимущественно компилятивная работа «Вліяніе малярии на колонизацию Кавказа», печатавшаяся под моей редакціей въ газете «Кавказъ» и вышедшая затем отдельным изданіем, принадлежит перу врача-антрополога и ревнителя русскаго переселенческаго дѣла, доктора И.И. Пантюхова. Она имѣет главным образом большое *прикладное значеніе*, давая въ малом объеме множество ценных бытовых указаний, статистических сведений и выводов.

Степень развития малярии зависит от ряда условий. По мнѣнію доктора Н.И. Торопова, чем ниже местность, чем она закрытѣе, сырьѣе, чем больше въ ней тепла, воды и зелени, — тем она малярийнѣе. Не говоря уже о тропических странах, даже въ ЗаКавказьѣ есть местности, где малярия убивает человека въ несколько часов. Большой частью же она вступает въ союз съ другими болезнями и на ѣ почве даютъ поразительную смертность дизентерія, катары, тиф, цынга, воспаленіе легких, кишок, печени и мозга. Туземцы сильно от нѣе страдают; въ губерніяхъ Елизаветпольской, Бакинской и на черноморском побережьи можно встретить немало детей, уже родившихся съ микробом малярии или болезней, съ нею связанных. Особенно же тяжело приходится нашим переселенцам, окруженным во всех отношеніях скверными условиями, не только климатическими, но и бытовыми; неумѣніе бороться съ природой и упрочивать свое благосостояніе, вражда соседей-туземцев и бесчеловечное равнодушіе мелких властей, недостаток медицинской помощи, тоска по родине и гнетущее чувство обездоленности, подрывающее всякую энергию; наконец, неприспособленность русской породы к условиям азиатских малярийных местностей, — все это удесятерятъ силу малярии и число ѣ жертв.

Тем не менѣе, утвержденіе, будто бы местности указанной категории совершенно недоступны для русской колонизации, представляет собой натяжку, и притом тенденціозную, внушенную стремленіем не подпустить русских людей к Кавказским землям.

Нагляднѣе всего доказали всю силу русской приспособляемости к каким угодно условиям наши *сектанты*, представляющіе во многих отношеніях *цвет русскаго элемента въ краѣ*.

Когда их туда ссылали, то предполагалось, что они погибнут. Одних посадили на каменистых нагорьях, где хлеб плохо родится; других въ малярийныя местности. Кругом дичь, глушь, Азія, враждебные туземцы, легко смотрящіе на человеческую жизнь. Начальство смотрело на сектантов, как на полулегальных людей, существованіе которых не поощряется, а лишь допускается, и то съ неприятными аговорками, представляющими источник дохода для мелких чиновников, въ большинствѣ туземцев.

Как известно, сектанты-мистики, воображающіе себя «истинными христианами», склонны представителей власти считать прислужниками Ирода или языческаго Рима; к сожаленію, условия Кавказской жизни могли только подкрепить подобный взгляд, въ основе нелепый, и оправдать его целым рядом вопиющих фактов. въ теченіе нескольких десятилетій мелкіе власти притесняли сектантов возмутительнейшими придирками и поборами; во всем ЗаКавказьѣ можно найти большіе дома и поместья — плоды неправаго стяжанія уездных начальников, приставов и т.п.

Сектанты все это снесли, все претерпели и даже достигли цветущаго состоянія, исключительно благодаря своей общинно-религиозной организации. Как было сказано въ одной из предыдущих глав, предки нынешних духоборы были весьма далеки от таго непротівленія злу, которым их сбил съ толку граф Толстой, при посредствѣ своих фанатичных учеников. Прежніе духоборы очень хорошо владели оружіем, истребили вокруг себя зверье и жестоким самосудом внушили уваженіе татарам, а затем снискали их искреннюю приязнь добрыми соседскими отношеніями. К русскому государственному и народному делу они относились, въ итоге, доброжелательно, многіе охотно служили въ войсках, а во время войны 1877-78 гг. сектантскіе селенія оказали нашему войску неисчислимыя услуги своими перевозочными средствами. Это было по достоинству оценено августейшим наместником

Кавказским и прѣмником его, князем А.М. Дондуковым-Корсаковым.

Можно было предполагать, что положеніе наших сектантов улучшится, и административные притесненія прекратятся. Так думали и Кавказскіе жители, и порубежные соседи. Один образованный персианин, изумляясь чрезвычайной способности русских сектантов осваиваться съ местностью и климатом и пленяясь их религиозной терпимостью, способствующей дружескому сближенію между русскими и мусульманами, высказывал доктору Пантюхову предположеніе, что расселеніе сектантов по персидской границе было актом высшей, мудрой правительственной политики. въ последнем он жестоко ошибался, как показали дальнѣйшіе событія.

В 90-х годах разыгралась печальная духоборческая эпопея, полная картин мистической истерии со стороны сектантов, а со стороны их гонителей — недомыслия и сатанинской жестокости. Коснусь этих событій только вскользь, обратив вниманіе на стороны, мало еще выясненные печатью.

В корне духоборческой эпопеи лежит тупой формализм, вступивший, быть может, въ союз съ лукавыми противорусскими стремленіями. У духобор была замечательная женщина, Лукерья Калмыкова, которой они вверили руководство общественными дѣлами, причем блестяще обставили ѣе материально: дали ей прекрасный дом, землю, много всякой подвижности и денег; она ездила въ карете, ладила съ властями, вела свое дело съ большим тактом. Сам начальник края обращался съ нею, как съ почтенною светской дамой.

По понятіям духобор, ѣе имущество было *общественным* и, когда она умерла, должно было поступить въ распоряженіе духоборческой общины. Между тем, после ѣе смерти на имущество предъявили права ѣе родные, — и все судебные инстанции, на основаніи общих гражданских законов, признали это домогательство правильным. Начались въ духоборческой среде раздоры, приведшіе к печальной развязке.

Малый ребенок, — и тот поймет, что указанное судебное решеніе не соответствовало жизненной правде и лишній раз показывало, что однообразіе правовых норм въ обширном и пестроплеменном государстве есть преступленіе против человеческого духа и ведет не к сплоченію разнородных элементов нации, а, наоборот — к розни, вызванной несправедливостью. Если суд, связанный нормирующими его законами, не мог въ данном случае ничего сдѣлать, то главное Кавказское начальство должно было всячески содействовать благоприятному решенію этаго вопроса въ путях Монаршего милосердія, а затем ходатайствовать о восполненіи пробела въ самом законѣ.

Ничего въ этом направленіи сдѣлано не было, ни сразу, ни впоследствии; руководители армянской интриги уже впустили тут свой яд, найдя поддержку, как всегда, въ некоторых Кавказских властных людях. съ одной стороны, армянам было желательно испортить въ глазах правительства репутацию сектантов, как *самаго крепкаго русскаго элемента* въ крае, съ другой же — *воспользоваться их землями для беглецов из Турціи*, где, при усиленной помощи русско-подданных армян, съ духовенством во главѣ, *искусственно стало разжигаться восстаніе, вызвавшѣе затем резню*.

Сатанинскій план удался: съ одной стороны подоспѣли мнимые христіане, ученики графа Толстаго, разожгли раздор въ духоборческой средѣ и довели ѣе до истеріи; одновременно ревнители православія усилили свою проповѣдь, въ неудачный момент, когда она только ожесточила упорствующих; некоторые Кавказскіе власти проявили башибузукскую жестокость к ошалевшим, сбитым съ толку духоборам, причем особенно отличились *служилые туземцы*, якобы ревнующіе о порядкѣ, а на дѣлѣ *жаждавшіе русской крови, русских страданій*. Трагедія завершилась выселеніем нескольких тысяч духобор въ Канаду, где они окончательно обезумели и теперь погибають.

Мне довелось несколько дней подряд видѣться и подробно разговаривать въ Тифлисѣ съ двумя партіями духобор; одна состояла из женщин и детей, которых правительство отправляло, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, въ Якутскую область, куда сосланы были главы этих семейств; вторая партія — несколько мужчин, отправлявшихся въ Батум для подготовленія отъезда жителей деревни Терпеніе въ Канаду. Женщины, съ которыми пришлось беседовать, поразили меня *тайной душевной приверженностью к православію*; некоторые из них плакали, глядя на изображеніе распятаго Спасителя, и признавались, что несколько лет

тому назад, когда вся эта гнусная история еще не начиналась, они, тайком от мужей и старейшин общины, хаживали въ православную церковь, когда бывали въ городах по дѣлам или состояли въ услужении у православных. Духоборы-мужчины такого рода чувств не проявляли, но зато признавались, что охотно бы остались въ России, так как получили от своих единовѣрцев, ранѣе уехавших въ Америку, весьма неблагопріятныя свѣдѣнія. Оказывалось, например, что за проезд пришлось заплатить втридорога, а помещеніе было не лучше, чем на прежних невольничьих кораблях. Вдобавок, лица, явившіеся подстрекателями к выселенію и распорядителями въ этом печальном дѣле, устроили очень хитро: *распределяя эмигрантов по различным партиям, разлучали детей съ родителями, мужа съ женою, брата съ сестрою* и т.д. Стоило уехать одной партией, чтобы другая, *даже при заметном нежеланіи покидать Россію*, пустилась въ путь, под давленіем семейных обстоятельств.

Отъезд был сопряжен съ беспощаднѣйшим разореніем, а въ некоторых селеніях — прямо съ издевательством над русскими людьми. Например, въ селеніе Терпеніе должна была прийти на смену духоборам партия так называемых «инагородних» съ Севернаго Кавказа. Эти русскіе люди могли бы купить у выселявшихся духобор по дешевой цене много хозяйственной движимости. Кроме того, на месте уже ожидали некоторые русскіе люди, пришедшіе искать свободной земли и видевшіе, что она, так сказать, через миг станет свободной. Между тем, партия инагородних была задержана на несколько дней, прочих переселенцев ни к чему не допустили, а *ликвидацию духоборческаго имущества произвели неизбежные армяне*, покупавшіе целые скирды хлеба за рубль, коровку за 2 — 3 рубля и прочье по соответственному тарифу. Окна и двери срывались съ петель, домашняя утварь прямо уносилась. Плачущіе духоборы говорили плачущим православным:

— Хоть бы вам все это досталось! Все же вы наша кровь! Да только видать, что нашей крови здесь не житье...

Выселеніе было, конечно, актом отчаянія; но кто видел хоть десятую долю тех ужасов, которыми оно было вызвано, тот сам, быть может, почувствовал бы потребность... уехать куда-нибудь. Нельзя не проникнуться и чувством озлобленія против яснополянскаго барствующаго мыслителя, являющагося одним из нравственных виновников этаго тяжкаго народнаго бедствія.

Поразительно, между прочим, что многіе духоборы, действительно исстрадавшіеся во время перипетій этой драмы, вместе съ тем заразились любовью толстовцев к рекламе и не без тщеславія говорили, что о них, мол, много въ газетах пишут, особливо за границей. Христіанское смиреніе и реклама, казалось бы, не особенно совместимы.

Что будет дальѣ съ теми духоборами, которые подчинились требованіям правительства и остались на Кавказѣ, — предсказать трудно. Во всяком случай, вопрос о возвращеніи их въ лоно православія значительно отодвинут описанной драмой. К тому же, их верованія очень уж далеки от наших, смутны, проникнуты мистицизмом и потому... крепки, как все нелепое...

Неизмеримо ближе к нам стоят молокане: их священной книгой является наше синодальное изданіе Библии. Воинскую повинность они несут охотно, властям послушны, гордятся своей преданностью Царю и считают себя русскими. К православным они относятся въ высшей степени дружественно. Руководят ими начетчики, или, точнѣе, просто наиболѣе развитые люди, которые на «вечерах любви» толкуютъ Евангеліе, зачастую съ большим *нравственным* пониманіем текстов. Они ведут преимущественно трезвую жизнь, семья у них крепка; большинство — люди оборотливые, толковые и зажиточные. въ Тифлисѣ они, после военнаго сословія, безусловно, *надежнѣйшіе русскіе люди* и сознаютъ себя таковыми.

Религиозное обособленіе их поддерживается тремя факторами. Во-первых, *заезжіе немцы* — проповѣдники весьма усердно стараются внушать им ненависть к православію и даже переводить их въ баптизм; мне самому приходилось бывать на «вечерах любви» и видѣть таких агентов пангерманизма на религиозной почвѣ. Во-вторых, молоканское обособленіе поддерживается *тщеславіем вожаков*, которым пріятно руководить духовной и отчасти матеріальной жизнью своих единовѣрцев. В-третьих, — и это самое существенное, — *молокане дорожат своим общинным строем, составляющим их духовную и матеріальную силу*.

В откровенной бесѣдѣ, некоторые вожаки тифлисской общины спросили моего мненія о том, что они называютъ своим «багослуженіем». Я им отвечал, конечно, что оно недостойно

быть даже сравниваемым съ нашей литургіей, которую установили баговдохновенные, духовно-гениальные люди, и которая остается величественной и священной, даже когда служит плохой священник; молоканскіе же толкованія текстов священнаго Писанія въ прямой зависимости от ума и чуткости толкователей, которые легко могут зарапортоваться; вдобавок, превращеніе молитвы въ какое-то состязаніе между представителями блуждающей религиозной мудрости нарушает; величіе общенія съ Богом и создает вместо него почву для всевозможных плевел тщеславия, зависти и т.д.

Мои собеседники слегка смутились, но один из них, весьма замечательный деятель молоканской общины и достойный человек, отвечал мне так:

— Мы понимаем, что вы хотите сказать, и *во многом съ вами согласны*. Но есть вопрос, над которым современная православная Церковь мало работает, — это *вопрос о церковной общине или приходе*. У вас, — пока человек во храме, — он христианин и окружен христианами; а выйдет оттуда — и он *одинок*, особенно въ городах. Никто ему не поможет, никто за поведеніем его не последит, кроме отдельных лиц; никто пьянства ему не воспретит; а помрет он под забором, ежели бобыль, — и любящая рука глаз не закроет! А въ нашей молоканской общине есть и богатые, и бедные, мы друг другу обязаны помогать во всех случаях жизни, живем, как въ добром семействе. На иных похоронах беднаго человека народу столько, что в пору мертвому генералу или другому важному лицу. Посмотрите на православных простолудинов, которые по Тифлису ходят: пропойцы, голь, рвань, смотреть противно. А наши, слава Богу, пока держатся.

Я ему возразил, что по городским босякам, которых въ Тифлисе действительно много, нельзя судить о православных простолудинах вообще; далье, что практическіе выгоды не должны бы иметь столь решающаго значенія въ вопросе о вечной Истине, и что молокане, стало быть, скорѣе хозяйственная, нежели религиозная община. въ одном только мне пришлось согласиться, а, именно въ том, что у нас недостаточно развита приходская жизнь, но скорѣе по вине не Церкви, а светских властей и общественной некультурности.

Так или иначе, не подлежит сомнению, что *только съ возрожденіем приходской жизни и съ нравственным подъемом нашего общества въ духе православия, можно рассчитывать на искреннѣ массовое воссоединеніе молокан и других сектантов*.

Говоря по совести, они на Кавказѣ, со своей точки зренія, правы: без сектантскаго упорства, творчества въ области духовной и общиннаго строя, они не вынесли бы тех ужасающих испытаний, которым подвергает их туземная интрига и послушные ей или просто неумелые служилые люди.

В Тифлисе, например, положеніе молокан прямо трагическое. Их дома сосредоточиваются там на отлагом левом берегу Куры, въ местности, именуемой «Песками». Река въ этом месте узка и извилиста, а скалистый правый берег высок. При мало-мальски значительном повышении уровня воды, молоканская часть города затопляется. Особенно жестокіе наводненія происходили въ 1895 и 96-м годах. Дома отсыреваютъ, утварь портится, на улицах царит зловоніе. Населеніе страдает от эпидемий, особенно дети, гибнущіе въ значительном числе. *Ни администрация, ни город ничего не дѣлаютъ для прекращенія этаго ужаса*. Переписка между губернской властью и городской управой сильно напоминает отношенія гаголевскаго Кошкарева съ «подведомственными ему учрежденіями». После указанных грандиозных наводнений выезжали на место какіе-то комиссии, вели техническіе разговоры, собирались что-то дѣлать, — а только «воз и ныне там». Городскіе заправила-армяне *преднамеренно* тормозят всякіе начинанія въ этом деле, — и въ Тифлисе всем хорошо известно, что *они хотят выжить молокан* съ насиженнаго места и отвести его частью под новый городской базар, частью под поселеніе армян, бежавших из Турции и слоняющихся теперь бандами по городу. съ праваго берега постепенно насыпается мусор, образующей отмель, вроде брэкватера, и постоянная опасность наводненія только растет. Часть молокан уже выселилась на военно-грузинскую дорогу, остальные же упорно надеются, что въ представителях местной власти проснется когда-нибудь чувство долга, и что лучшая часть тифлискаго населенія не будет брошена на произвол судьбы. Стыд за русское имя должен бы ускорить исполненіе этой надежды обездоленных людей.

Не менѣе тяжело и стыдно становится при мысли о том, что испытали и доселе

испытываютъ въ крае *русскіе простолюдины, пришедшіе искать земли* . Со времен Ермолова, серьезно относившегося к делу русской колонизации и создавшего несколько прочных военных поселений, дело это доселе мало подвинулось. Сперва, как выше сказано, не было стремленія к этому со стороны русской народной массы, а затем забрали большую силу армянскіе влиянія, досель тормозящіе дело. Армяне и их прислужники забрались и въ администрацію, и, особенно, въ учрежденія, въ веденіи которых состоятъ казенные земли. Доселе въ этих учрежденіях господствует так называемая «школа Хатисова», связанная съ именем заядлаго армянскаго патриота, управлявшего государственными имуществами Тифлиской губернии и энергично покровительствовавшего заселенію целаго края армянами²⁹.

Эта традиція до сих пор остается въ силе, невзирая на искреннее стремленіе главнаго Кавказскаго начальства и министерства земледелия заселить свободные земли ЗаКавказья русскими людьми. Слабое и зачастую неудачное осуществленіе этих предначертаній свидѣтельствует о наличности враждебной им организации, которая борется и съ Державной волей, и съ благими начинаніями главноначальствующаго, всякими средствами, не исключая самых предосудительных. Увы, даже среди русских служилых людей, даже на весьма ответственных постах, есть продавшіе душу шайтану армянской интриги! Таких людей немало и въ повременной печати, стремящейся доказывать, что на Кавказѣ вовсе нет свободных земель, что русскіе переселенцы обречены на погибель под влияніем тяжелых климатических условий и т.д.

Противодействіе русской колонизации со стороны служилых людей разнаго калибра принимает по временам то наглые, то бесчеловечные формы. Вот несколько фактов. Когда министерство земледелия запросило местные органы относительно количества свободных земель, то одновременно съ доставленіем таких сведений были местами приняты меры к тому, чтобы это количество несколько сократилось посредством отдачи кое-каких свободных участков въ аренду местным лицам. Относительно одного свободнаго участка въ Эриванской губернии довольно видный представитель администрации дал своему начальству на запросы два нижеследующих ответа на расстояннн какаго-нибудь мѣсяца: въ одном ответе говорилось, что участок никуда не годится въ хозяйственном отношеніи, и даже местные жители им не пользуются: а въ другом — что участок не свободен, так как находится въ постоянном пользованнн местных сельчан-армян.

Это уже цинизм. Немудрено, что армянская печать, сообщая о каких-либо действиях или поездках указаннаго лица, выражается чрезвычайно нежно: «наш дорагой NN, наш обожаемый NN» и т.п.

Простые пристава доходят иногда до наглости необычайной. Так, например, когда въ одном из бывших духоборческих селеній водворили партію инагородних съ Севернаго Кавказа, то новым поселенцам было заявлено, что постройки поступаютъ въ их собственность. Как почвенные, крепкіе русскіе люди, они прежде всего были озабочены, делом веры и желали отвести под церковь и школу обширные зданія духоборческаго молитвеннаго дома и его пристроек. Между тем, пристав даннаго района сам перѣехал въ эти зданія и даже собирался одно из них отдать въ аренду духанщику, т.е. кабатчику, армянину. К счастью, поселенцы оказались людьми; толковыми; и не робкими, съѣздили въ Тифлис, где их затрудненія были всесторонне выяснены и высокопреосвященному Флавиану, экзарху Грузіи, и начальнику края. Просьба их была услышана.

Ужасное всего тот метод борьбы съ русскою колонизаціей, при котором главными способами и живыми аргументами являются заранье предвиденные страданія русских простолюдинов. Этот способ практикуется довольно широко и, к стыду нашему, безнаказанно. въ глазах знающих Кавказъ, не может быть сомненія въ том, что водвореніе русских переселенцев въ малярійных местностях *равносильно убійству* , если оно не обставлено систематическими мерами борьбы съ тяжелым недугом и другими условиями, подвергающими

²⁹ Приводим целиком помещенную в №174 «Кавказа» за 1899 г. корреспонденцію г. Бунятова, дающую яркий пример живучести этой школы:

русское народное дело смертельной опасности. Между тем таких убийств совершено много при несомненном участии или преступном попустительстве со стороны лиц, которые не вправе отговариваться неосведомленностью. Укажу на вопиющий факт, о котором я вскользь упомянул выше. в селении Тертер, Елизаветпольской губернии, водворено, без соблюдения должных предосторожностей, несколько десятков русских семейств. Осень и зима прошли недурно, а к весне появилось два бедствия: малярия и армянская интрига. К соседним поселянам-армянам явился руководитель пиджачник, который велел им выжить русских людей. Это выживание было произведено с истинно-восточным коварством. Банды армян с кинжалами в руках преградили поселенцам доступ к хорошей питьевой воде, а речку, из которой пришлось тогда пить русским людям, армяне систематически отравляли навозом, падалью и всякими нечистотами. Начались в поселке такие болезни, при мысли о которых волос дыбом становится. Люди гнили заживо, покрывались зловонными язвами, доходили до иступления от мук. Уездный начальник, живший в этом селении, все видел и молчал. Когда весть об этих ужасах дошла до губернатора, в Тертере был послан врач-армянин, который вместо лекарства преподал русским мученикам совет: «Пошли вон, русские собаки, или все тут передохнете». Две трети населения этой деревни сплошь вымерло, остальные разбежались. Дошло до начальника края, и уездного начальника прогнали. Тем, кто погиб в ужасных муках, от этого не легче.

Досаднее всего то, что указанная гекатомба не предотвратила других однородных случаев. Еще весьма недавно был учрежден русский поселок на одном из опаснейших в малярийном отношении месте, на берегу Алазани, в *какой-нибудь сотне верст от Тифлиса*, в таком месте, куда и коренные жители не только не дерзают селиться, но даже весной и летом не решаются заходить. в эту-то могилу бросили несколько сот русских жизней. И там произошло то же, что за несколько лет перед тем в Тертере. Если допустить, что тифлисский губернатор, человек сравнительно новый в крае за несколько лет управления губернией не успел ознакомиться со всеми те местностями, то ведь казенные земли находятся в ведении лица, родившегося на Кавказе, до тонкости знающего местные условия и обладающего достаточным авторитетом, чтобы помешать учреждению убийственной колонии. Нельзя не посетовать в итоге на то, что ужасающее народное бедствие произошло, *а виновных — нет*. Это несомненный подрыв русскому авторитету в крае, вред не только для народного, но и для правительственного дела.

Общая картина переселенческого дела в крае очень безотраднa. с одной стороны, тяжелое впечатление производит почти повсеместное пассивное сопротивление мелких (а иногда и не очень мелких) властей стремлениям высшей власти, искренно заботящейся о благе русского народа. Примеров издевательства над русскими переселенцами в разных учреждениях очень много. Есть десятки и сотни людей, ожидающих по несколько лет отвода обещанных им участков, которые затем, в силу неведомых соображений, отдаются другим. Путаница в этом деле невообразимая, и мутной воды много.

К счастью, за последнее время министерство внутренних дел горячо приняло к сердцу переселенческий вопрос, оздоровление которого уже не за горами. *Программное* его разрешение, вероятно, исправит кое-какие прежние ошибки.

Привходили сюда порою и нецелесообразные политические тенденции, игравшие в руку армянской интриге. Так, например, замечалось стремление селить русских людей *не в восточном ЗаКавказье и не в Карсской области, где они политически особенно нужны, а в Грузии*. Это вызывает не лишнее справедливости неудовольствие со стороны грузин и, так сказать, политически сближает их с армянской интригой. Грузины помнят, что они добровольно присоединились к России, и не видят политического основания к сокращению того земельного запаса, который, по их мнению, принадлежит народу, в течение целого столетия доказавшему свою преданность Государю и отечеству. Вольная продажа земли или ликвидации заложенных имений — факты экономические, против которых никому спорить нельзя; включение же Грузии в переселенческую территорию они считают незаслуженным актом правительственного недоверия. Русские переселенцы, однако, не встречают недоброжелательства со стороны грузинских крестьян, с которыми нередко легко вступают в дружбу и даже роднятся. Общность веры очень много значит в глазах простого народа, не

отравленного мнимой цивилизацией.

Другой чрезвычайно темной стороной переселенческого дѣла на Кавказѣ является бродячая Русь. Руки опускаются при видѣ еѣ. При самом горячем несочувствіи къ крепостничеству, при искреннем желаніи разумной свободы народности, призванной къ мировой исторической роли, понимаешь, однако, первоначальное разумное основаніе крепостнаго права, прикрепившаго къ землѣ и по своему дисциплинировавшаго народные массы, у которыхъ такъ сильны бродячіе инстинкты. И Богъ вѣсть еще, что произойдетъ по мѣрѣ разнузданія этихъ последнихъ! Босачество, прославленное г. Максимомъ Горькимъ и его покровителями — евреями, является плодомъ не только городского растленія народной толпы, но и указанныхъ бродячихъ инстинктовъ, отъ которыхъ несвободна современная русская деревня.

Бродятъ люди и по черноморскому побережью, и по городамъ ЗаКавказья, просятъ то работы, то земли, а на дѣлѣ только побиваются, да пьянствуютъ. Несомненно, однако, что добрая половина этихъ людей впала въ нищенство по не зависящимъ отъ нѣе причинамъ, — и еѣ можно бы пристроить къ землѣ и сдѣлать полезной производительной силой; но для этого нужна любовная забота со стороны власти имущихъ, нужна *организация не формальная*, а проникнутая страстнымъ, энергичнымъ русскимъ патриотизмомъ. А этого-то и нѣтъ; безъ всякаго на то права мы нетерпеливо относимся къ плодамъ техъ настроеній, которые созданы противокультурной, торопливо-реформаторской работой нашихъ правящихъ классовъ.

Часть бродящей по Кавказу Руси, по-видимому, неисправима. Особенно Пензенская губернія поставляетъ контингентъ такихъ бродягъ, съ которыми ни добромъ, ни зломъ ничего поддѣлать нельзя. Даже когда приходитъ настоящая переселенческая партія изъ Пензенской губерніи, то знатоки дѣла относятся недоверчиво къ еѣ намеренію прочно осесть на землѣ...

Нужно сказать, однако, что и бродяги сослужили свою службу переселенческому дѣлу. Ихъ назойливое приставаніе къ местнымъ жителямъ подало поводъ кружку проживающихъ въ Тифлисѣ искренно русскихъ людей создать сперва отдѣлъ петербургскаго общества вспоможенія переселенцамъ, а потомъ и превратить его въ самостоятельное заКавказское общество. Первоначальнымъ предлогомъ было стремленіе позаботиться о бродячей Руси, чтобы оградить отъ нареканій русское имя, у котораго въ краѣ столько враговъ.

Пролежавъ очень долго подъ сукномъ тифлисскихъ канцелярій, проектъ, наконецъ, осуществился. ЗаКавказское общество вспоможенія переселенцамъ, хотя и не пользовавшееся серьезной поддержкой местныхъ властей и многимъ отуземившимся людямъ весьма неприятное, однако, принесло немало реальной пользы русскому дѣлу. съ одной стороны, переселенцамъ доставлялась, по мѣрѣ силъ, всяческая помощь, и, въ частности, въ Тифлисѣ былъ устроенъ приютъ съ бесплатной столовой. съ другой, — забота членовъ комитета о русскихъ поселеніяхъ края привела къ открытію многихъ нуждъ и бедствій, скрывавшихся отъ начальства низшими вершителями народныхъ судебъ; наконецъ, самое существованіе указаннаго общества создало *струю русскаго патриотизма* и посодействовало благоприятному решенію вопроса въ правящихъ сферахъ.

Ревнителю этого дѣла находили въ переселенческомъ приютѣ много заботъ, труда, но и высокихъ радостей, — общенія съ тысячами русскихъ людей, относившихся доверчиво къ представителямъ названнаго общества. Туда бы следовало посылать такъ называемыхъ интеллигентовъ и космополитовъ, не верующихъ въ духовную силу народа и забывающихъ о томъ, изъ какаго Источника эта сила черпается.

Голодные, усталые, больные, измученные невзгодами и бездушнымъ формализмомъ тайно враждебныхъ служилыхъ людей, русскіе простолюдины находили на чужой сторонѣ буквально родную семью, и многіе страстно къ ней привязывались. Семья и впрямь была не плохая: были, например, врачи, просиживавшіе целыми часами въ спертomъ воздухѣ люднаго приюта; былъ священникъ, высокообразованный академикъ, но скромный и сердцемъ благой пастырь, отецъ Константинъ Красовскій, который страстную недѣлю, самое выгодное въ матеріальномъ отношеніи для священника время, провелъ съ переселенцами въ Караязскомъ поселкѣ, а затемъ остался на лето въ Тифлисѣ, чтобы почаще навѣщать этотъ поселокъ, расположенный въ малярійной мѣстности; были и многіе другіе, съ радостью приносившіе въ жертву дорогому сердцу дѣлу и время свое, и деньги, и душевную заботу.

Во всей этой деятельности, которая и поныне продолжается другими людьми, было мало

шуму, но много истинной христианской любви. Было много же и между самими переселенцами, пришедшими с разных концов России. Проявляли они и большую, наивно-стихийную веру в право русского народа на земли, завоеванные русской кровью. Один переселенец даже с убеждением уверял, что климат ЗаКавказья непременно изменится, станет больше «рассейским», когда там поселится побольше православного народа. Другой переселенец, после долгих расспросов о мерах предосторожности против малярии, с мрачной решимостью указал на своих деток и сказал:

— Энти, должно, перемрут, а вот те, которые здесь народятся, тех уже никто не сдвинет! Крепки будут, как следует!

Этот человек был выразителем народной веры в устойчивость русского типа и почти беспримерную приспособляемость его к самым разнообразным условиям. Он показал, что русский народ мудрее дальновиднее и духовно сильнее своей так называемой интеллигенции, как истинный хранитель наших созидательных заветов.

21. Русская интеллигенция

Говорить ли о Кавказской русской интеллигенции? в предыдущих статьях указан ряд таких изъянов местной жизни, которые были бы немыслимы частью без изменнического участия, частью без преступного попустительства или постыдного равнодушия со стороны наших образованных людей, являющихся почти без исключения местными чиновниками; два-три энергичных торговца, пять-шесть газетчиков, в большинстве продажных и спившихся с кругу, да столько же измощенничавшихся Кавказских адвокатов в расчет не идут. Все же остальные или служат, или принадлежат к служилым семьям.

Процент плохих служилых людей, т.е. неверных слуг государства и русского дѣла, на первый взгляд довольно велик. Но если вникнуть в положение служилого класса, то неизбежен вывод, что эти отрицательные явления не столько коренятся в нем самом, сколько получаются, так сказать, сверху, т.е. являются, с одной стороны, результатом недостаточно национальной краевой политики, а с другой — плодом общероссийского настроения.

Начать с того, что далеко не всякий русский человек в крае может быть уверен в том, что его поддержат, а не «съедят», если он проявит служебную безукоризненность и будет во всех случаях стоять за русские интересы и национальное достоинство. Он отлично знает, что какой-нибудь нефтяной король обладает и на Кавказе, и в столице, и в бюрократии, и в печати такими связями, что может его, бедного чиновника средней руки, и куса хлеба лишить, и оболгать. Чиновник средней руки, получающий тысячи три, т.е. человек лет 40, зачастую женат и имеет детей. Жизнь так нестерпимо дорога во всем ЗаКавказье и склад же столь ненормален, что в случае болезни, свадьбы или иного события, требующего расходов, чиновнику понадобится кредит.

Кредит на Кавказе — начало утраты независимости, т.е. для честного человека начало конца. И жизненные продукты, и кредит находятся в руках армян, представляющих крепкую противорусскую организацию. Первые векселя служилых людей учитываются в армянских банках с любезной улыбкой, переучет — ценой компромисса с совестью или служебным долгом, а дальнейшее — ведет прямо к полному *рабству*.

Нет ни одного учреждения, в котором бы туземцы, преимущественно армяне или иные армянствующие инородцы, не играли влиятельной роли, прямо или через своих прислужников. Если прибавить к этому борьбу между ведомствами, — отголосок столичной борьбы, то затруднительность положения честного служилого человека станет очевидной.

Безусловно, встречаются люди, которые изменяют русскому делу или нечисты в денежных дѣлах только потому, что в противном случае к ним относились бы подозрительно влиятельные сослуживцы и, пожалуй, выжили бы их. Одно ведомство на Кавказе кишмя кишит поляками, среди которых, конечно, немало людей, объективно приличных, но, по меньшей мере, равнодушных к русскому делу. в местных органах другого ведомства доселе сильна «школа Хатисова» и немало противорусских элементов. Органы третьего «по принципу» космополитичны и проявляют вообще специальные тенденции этого ведомства, давшие ему особую окраску за истекшие десять лет; четвертое, — глядишь, — на Кавказе ниже,

или, по крайней мере, кажется ниже, чем в остальной России, ибо на Кавказе оно, по своим руководящим принципам, от которых отказаться не может, находится в несоответствие с запросами жизни. Эти же принципы вовлекают его порой в пагубное разногласие с администраций, к немалому вреду для обеих сторон и для обывателей.

Школа? Да есть ли вообще в России русская школа? Чему и как она учит? Ведь обучают все те же интеллигенты, которые наслушались мнимо-либеральных приват-доцентов, набили себе голову неомарксизмом, отрицанием всего русского и, особенно, русского строя. Откуда им взять что-нибудь иное, когда *денационализация нашей школы и сейчас продолжается во всей России?* ! И при всем том, нельзя не заметить, что *среди значительной части Кавказских педагогов существует благородное национальное течение*, пробившееся сквозь мусор прежних теоретических понятий и сквозь тяжкие препятствия, воздвигаемые местной жизнью.

Во всех ведомствах, во всех слоях и кругах русской интеллигенции на Кавказе есть такие светлые струйки, вытекающие, так сказать, не из головы, *а из сердца, страдавшего на чужбине*. Кавказ, как и вообще Восток, либо разлагает нравственную личность, либо закаляет ее. Тамашние русские люди, в основе, гораздо лучше, чем кажутся. Избавьте их от гнета искусственно созданных материальных невзгод, скажите им ободряющее слово устами властного лица или со столбцов честной газеты, дайте что-нибудь объединяющее, и получится такая картина, которой Россия вправе будет гордиться.

Между тем, дѣлается как раз обратное. Даже вся почти без исключения печать теперь фактически в инородческих руках, невзирая на русские имена местных промышленников пера. У русских людей нет даже своего угла, где бы они могли по совести и безопасно поговорить о русских дѣлах. Так называемый «Тифлисский кружок» — прекрасное русское учреждение, в котором царит большая порядочность, не избег, однако, наплыва посторонних элементов. А с ними прокралась и некоторая неуверенность русского чувства. Она доходит порою до того, что, например, однажды главные деятели этого учреждения гордились непринятием в свою среду известного шулера-армянина, который суется туда чуть не в десятый раз и заслуживает, что называется, битья батогами. Чем тут гордиться? Чему радоваться? Если это победа, то не прискорбно ли, что уже необходима борьба по вопросу, нравственно решенному?!

Люди, нравственность которых поддалась разлагающему воздействию Кавказа, представляют собою печальнейшее из зрелищ, какое только может увидеть русский человек, не утративший достоинства. Герои Максима Горького, конечно, менее отвратительны, чем эти благополучные люди, в которых не осталось ничего человеческого, иногда под личиною приличной внешности и при недурном общественном положении. Они составляют истинную язву местной жизни, так как обыкновенно находят доступ к людям гораздо более влиятельным и составляют банду, губящую всякое благое начинание и служащую всему противорусскому.

Есть еще категория людей, гораздо более многочисленных и менее вредных, но, в итоге, производящих неблагоприятное впечатление. Это люди, пассивно *«оКавказьившіеся»* умственно и отчасти физически, принявшие к разным зловониям растленной восточной общественности, примирившиеся с какими угодно гадостями и понемножку усвоившие какое-то левантийское мирозерцание. Они любят кахетинское вино, рыбку шамайку, свежую икру, мороженое, нескромные анекдоты на словах и на практике, выигрыш в карты и т.п. Они будут обедать у каго угодно, водить компанию с кем угодно, лишь бы физическая обстановка ласкала их натуры, разнеженные южным климатом. Если человек, которого они знали, попался в темном деле и понес наказание, они совершенно по-туземному скажут: «Ах, бедный, бедный!» Если на какую-нибудь скромную даму, которую, вследствие малаго положения ее мужа, прежде не замечали, обратит лестное внимание высокопоставленный человек, — то люди указанного типа немедленно же окружают ее особенным почетом. в своих левантинских воззрениях указанная часть Кавказского общества заходит порою еще дальше: она оказывает уважение проходимцам, которых подозревает в происхождении от людей более высоких, чем их официальные отцы.

Эта инертная группа опустившихся людей может еще ниже пасть со временем, но может, конечно, и очеловечиться. К сожалению, в этой группе довольно много женщин, являющихся нередко источником нравственного понижения своих мужей и братьев. Оторопь берет, когда

подумаешь, на ком иногда русские интеллигентные люди женятся и каков современный уровень нашей женской школы, особенно на Кавказе!

Наши дамы и девушки любят говорить о бесцельности жизни. Неужели они не видят, какое огромное *национальное дело* они могли бы выполнять на наших окраинах, являясь воплощением русской совести и нравственности у домашнего очага обездоленных окраинных чиновников?! Достаточно быть буржуазно-честными, скромными в требованиях от жизни и немножко добрыми! Враги русского дѣла знают, как важен этот вопрос, — и недаром мне не удалось напечатать на Кавказе вышеупомянутую статью русской женщины, призывавшую к выполнению этой достойной роли.

Мне лично было бы грешно сетовать на Кавказскую интеллигенцию и, в итоге, приходиться к нелестному для нее выводу. Я имел счастье убедиться, что у нее сердце глубоко русское, чуткое ко всякому искреннему призыву. в чужой среде, среди чужих говоров, она стала забывать о родном народе, но горячо пошла навстречу народным нуждам первой же переселенческой волны. Плохо крещенные приват-доценты на школьной скамье отравили ее головы микробом западнических мечтаний, — а в первый же миг столкновения с резкою действительностью, она поняла *аксиому Самодержавия* для России; стоило подняться национальным вопросам, стоило разобраться в национальных страданиях — и многие люди, которых в юности школа и печать оторвали от веры, — *идут с трепетом сердечным на призыв матери-церкви*.

Надо не осуждать этих людей, и не думать, что русское дело на Кавказе испорчено непоправимо. Поправить его покуда еще легко. Если что трудно, так это расколыхать рутинное отношение к делу, убедить тех, от каго это зависит, в необходимости оздоровительной работы, и, наконец, предначертать для этой последней обдуманную, стройную программу.

Так или иначе, *а это придется съделать*. Когда течение реки запружается обвалом или нанесенным мусором, то не следует думать, что видимый перерыв стихийной работы равносителен ее прекращению.

Национальная работа стихийна не целиком. Она дает людям, любящим родину, возможность и налагает на них обязанность сознательно углублять русло родной реки, прорывать преграды, во избежание ненужных человеческих страданий.

Остановить же русскую реку нельзя: ей принадлежит простор будущего, необъятный, как русская сила.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

1. Введете
2. Характеръ прошлаго
3. Братья-грузины
4. Русско-грузинскія отношения
5. Армяне
6. Историческое прошлое
7. Переходъ къ теократии и монофизитство
8. Племенная обособленность и экономическое владычество
9. Правда о турецкихъ зверствахъ
10. Политическая роль церкви и армянская программа
11. Народная масса
12. Реформа управленія имуществами армяно-григорганской церкви и армянскія безчинства
13. Азербейджанскіе татары

14. Разбои
15. Ненормальность бытовых условий
- 16.-Горцы Дагестана
17. Русские люди на Кавказе
18. Казачество
19. Славная кавказская армия
- 20 Сектанты и русские переселенцы
21. Русская интеллигенция